

ТВОРЕНІЯ
СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ,

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДЪ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

ПРИ

МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

— 338 —
ТОМЪ ТРИЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

ТВОРЕНІЯ

СВЯТАГО ГРИГОРІЯ НИССКАГО.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ В. ГОТЬЕ.

1862.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Генваря 25 дня 1862 года.

МОСКОВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМІЯ.

Цензоръ, экстраординарный профессоръ, священникъ Филаретъ *Сергіевскій*.

ТОЧНОЕ ИЗЪЯСНЕНИЕ

ПѢСНИ ПѢСНЕЙ СОЛОМОНА

—

ПРЕДИСЛОВІЕ.

КЪ ОЛИМПІАДѢ.

И честной твоей жизни, и чистой твоей душѣ призналъ я приличнымъ тщательное изученіе Пѣсни пѣсней, съ намѣреніемъ, какъ и лично и письменно изъясняла ты намъ, при надлежащемъ обзорѣниіи книги содѣлать явнымъ сокровенное въ реченіяхъ любомудріе, здравыми понятіями очищенное отъ буквального, съ перваго взгляда усматриваемаго, словозначенія. Почему охотно соглашаюсь, что заботливость твоя объ этомъ не только полезна тебѣ для твоей нравственности (ибо увѣренъ, что око души твоей чисто отъ всякой страстной и нечистой мысли, и въ сихъ божественныхъ реченіяхъ безпрепятственно усматриваетъ непримѣсную лѣпоту), но послу-

жить даже нѣкімъ руководствомъ для людей болѣе плотскихъ, чтобы и имъ придти въ духовное и невещественное состояніе души, къ какому ведетъ книга сія сокровенною въ ней премудростію.

Но поелику нѣкоторымъ изъ принадлежащихъ къ Церкви кажется общимъ правиломъ держаться буквы святаго Писанія, и они не соглашаются, чтобы въ немъ на пользу нашу говорилось что либо загадочно и намеками: то необходимымъ почитаю прежде всего предъ обвиняющими насъ оправдаться въ этомъ, и именно, что не дѣлаемъ ничего несообразнаго, стараясь въ божественномъ и богодухновенномъ Писаніи всячески уловлять полезное для насъ; такъ что, если полезно сколько нибудь буквальное чтеніе, понимаемое въ томъ смыслѣ, въ какомъ сказано, то имѣемъ уже въ готовности требуемое; если же что сказанное съ скрытностію, загадочно и предположительно не служитъ къ пользѣ по ближайшему сего разумѣнію, то таковыя изреченія, какъ предписываетъ слово, обучающее насъ притчами, будемъ брать въ иномъ значеніи, разумѣя сказанное, или какъ притчу, или какъ темное слово, или какъ изреченіе мудрыхъ, или какъ одну изъ загадокъ (Притч. 1, 6.). И по наукѣ истолкованія, пожелаетъ ли кто назвать это примѣненіемъ рѣчи, или иносказаніемъ, или чѣмъ другимъ, не будемъ спо-

рить объ имени, только бы держаться полезныхъ разумѣній.

Ибо и великій Апостоль, говоря, что *законъ духовенъ есть* (Рим. 7, 14.), подъ именемъ закона заключаетъ и историческія повѣствованія, такъ что все богодухновенное Писаніе для читающихъ есть законъ не только явственными заповѣдями, но и историческими повѣствованіями; разумѣющихъ глубоко обучающей вѣдѣнію тайнъ и чистому образу житія. Способомъ же толкованія пользуется Апостоль, какимъ ему угодно, имѣя въ виду полезное; а не заботится объ имени, какое надлежитъ дать способу толкованія. Напротивъ того, памѣреваясь обратить исторію въ доказательство домостроительства о завѣтахъ, въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что *изльняетъ масъ* (Гал. 4, 20.); а потомъ, упомянувъ о другихъ чадахъ у Авраама, рожденныхъ ему отъ рабы и отъ свободной, возрѣніе на нихъ называетъ иносказаніемъ (Гал. 4, 24.); также, изложивъ нѣкоторыя историческія событія, говоритъ: *образы прилучахуся оньмъ: писана же быша въ наученіе наше* (1 Кор. 10, 11.); и еще сказавъ, что не должно заграждать *устенъ вола млоотяща*, присовокупилъ, что не *о волхъ радитъ Богъ*, но *насъ ради всяко написася* (9, 9. 10.); а въ другомъ мѣстѣ менѣе ясное разумѣніе и вѣдѣніе отъ части называетъ *зерцаломъ* и *гаданіемъ* (13, 12.); и также переходъ отъ тѣлеснаго къ ум-

ственному именуется обращеніемъ ко Господу и снятіемъ покрывала (2 Кор. 3, 16.). Во всѣхъ же сихъ различныхъ способахъ и наименованіяхъ разумнаго воззрѣнія Павелъ преподастъ намъ одинъ видъ ученія, что должно не на буквѣ (а) непременно останавливаться, такъ чтобы съ перваго взгляда представляющееся значеніе сказаннаго о добродѣтельной жизни во многомъ могло вредить намъ, а напротивъ того переходить къ невещественному и умственному взгляду, такъ чтобы понятія плотскія измѣнялись по смыслу и разумѣнію послѣ того, какъ плотское значеніе сказаннаго отрясено будетъ, подобно праху. И посему-то говоритъ Апостоль, что *писма убиваетъ, а духъ животворитъ* (2 Кор. 3, 6.): такъ какъ исторія (то есть въ Писаніи), если будемъ останавливаться на голыхъ событіяхъ, во многихъ мѣстахъ представляетъ намъ примѣры не доброй жизни. Ибо, какую пользу относительно къ добродѣтели доставить слушателю Пророкъ Осія, раждающій *чада блуженія* (Осіи 1, 2.), и Йсаія, входящій *ко пророцицѣ* (Иса. 8, 3.), если остановится кто на буквѣ сказаннаго?

(а) По рукописи, принадлежащей М. Синод. библиотекѣ подъ N 288, съ которою печатный текстъ статьи сей сравниваемъ будетъ съ начала до конца, здѣсь вмѣсто *тѣ пріимати* читается *тѣ урѣимати*.

Или сколько содѣйствовать будутъ къ доблестной жизни повѣствованія о Давидѣ, какъ прелюбодѣянiе и убійство вмѣстѣ сходятся въ одно преступленiе? Но если найдется какое либо основанiе, показывающее неукоризненность того, что устроилось этимъ; то истиннымъ окажется тогда слово Апостола, что *письма убиваютъ*; такъ какъ содержитъ въ себѣ примѣры дурныхъ дѣлъ, а *духъ животворитъ*, потому что первоначально представляющеея и достойное оужденiя понятiе прелагаетъ въ значенiя божественныя.

Знаемъ же, что и Само всею тварiю покланяемое Слово, когда въ человѣческомъ подобii и видѣ, при посредствѣ плоти, сообщало божественныя тайны, такъ открывало намъ смыслъ закона, что два человѣка, которыхъ свидѣтельство истинно, по слову Его, суть Онъ Самъ и Отецъ (Юан. 8. 17. 18.); и поставленный на высотѣ мѣдный змiй, который для народа служилъ врачевствомъ отъ смертоносныхъ угрызений, по Его объясненiю есть совершенное на крестѣ о насъ домостроительство. Да и самихъ святыхъ (б) учениковъ Своихъ обучаетъ тонкости разумнiя прикровенными и тайными словами, въ притчахъ, въ подобiяхъ,* въ темныхъ реченiяхъ, въ сказа-

---

(б) По рукописи вмѣсто: *απλῶς* читается: *ἀγρίως*.

ніяхъ, предлагаемыхъ загадочно, хотя дѣлалъ имъ истолкованіе сего наединѣ, объясняя сказанное неясно; а иногда, если не былъ понимаемъ ими смыслъ сказаннаго, порицалъ ихъ медлительность и неспособность (в) къ уразумѣнію. Ибо, когда повелѣвалъ имъ Господь воздерживаться отъ фарисейской закваски, а они по недогадливости смотрѣли на свои сумы, въ которыхъ не принесли хлѣбнаго запаса, тогда укоряетъ, какъ не уразумѣвшихъ, что закваскою означалось ученіе. И еще, когда ученики предлагали Ему трапезу, а Господь отвѣчалъ: *Азъ брашно имамъ ясти, еюже вы не вѣсте* (Іоан. 4, 32.), и они предположили, что говорить о тѣлесной пищѣ, принесенной Ему изъ другаго мѣста; тогда толкуетъ слово Свое, что приличнымъ для Него и соотвѣтственнымъ брашномъ служить исполненіе спасительной воли.

И въ евангельскихъ изреченіяхъ можно набрать тысячи таковыхъ мѣстъ, что въ нихъ иное представляется съ перваго взгляда, а къ иному относится смыслъ сказаннаго: такъ на примѣръ разумѣть должно воду, о которой обѣтовалъ жаждущимъ, что вѣрующіе содѣлаются отъ нея источниками рѣкъ (Іоан. 7, 38.); а также *хлѣбъ, сходяй съ небесе* (6, 33.),

---

(в) По рукописи вмѣсто: *аголовъ* читается *аголовъ*.

храмъ разоряемый, и *трехъ дни* воздвиглемый (2, 19.), *путь* (14, 6.), *дверь* (10, 7.), камень, ни во что вмѣняемый зиждущими и полагаемый во главу угла (Матѣ. 21, 42.), *двонхъ на одръ единолѣзъ* (Лук. 17, 34.), жерновъ, мелющихъ: одну поемлемую, другую оставляемую (Матѣ. 24, 41.), *трупъ, орловъ* (28), смоковницу, дѣлающуюся сочною и прозябающую вѣтви (32). Все сіе и подобное сему да будетъ для насъ побужденіемъ пользоваться божественными изреченіями и испытывать ихъ, быть внимательными при чтеніи, и всѣми способами изслѣдовать, не найдется ли гдѣ слово, которое выше разумѣнія, представляющагося по первому взгляду, руководящее мысль къ божественному и безплотному. Посему-то мы увѣрены, что запрещенное для вкушенія древо—не смоковница, какъ утверждали нѣкоторые, и не другое какое изъ плодовыхъ деревьевъ. Ибо, если тогда смертоносна была смоковница, то, конечно, и теперь не служила бы въ пищу. Притомъ же дознали мы изъ Владычняго изреченія, рѣшительно тому научающаго, что ничто *входящее во уста* не можетъ сквернить *человѣка* (Матѣ. 15, 11.). Напротивъ того въ законѣ ищемъ другаго какого либо смысла, который былъ бы достоинъ величія Законодателя. И, если слышимъ, что рай есть дѣло Божія насажденія, и что среди рая насаждено древо жизни; то у Открывающаго

сокровенныя тайны пытаемся дознать, какихъ растений дѣлательемъ и насадителемъ бываетъ Отецъ, и какъ возможно въ самой срединѣ рая быть двумъ древамъ, древу спасенія и древу погибели? Ибо точная середина, какъ въ окружности круга, должна, конечно, находиться въ одномъ средоточіи. Если же по которую либо сторону средоточія поставить другое средоточіе, то, по всей необходимости, вмѣстѣ съ средоточіемъ перемѣстится и весь кругъ, такъ что прежнее средоточіе уже не будетъ серединою. Итакъ, если рай былъ тамъ одинъ; то почему говоритъ Писаніе, что, хотя каждое изъ деревъ представлялось особо, однакоже по срединѣ было и то и другое, между тѣмъ какъ смертоносному изъ нихъ странно быть Божиимъ насажденіемъ, чему учить тоже Писаніе, утверждающее, что всѣ дѣла Божіи добра злы (Быт. 1, 31.)? Если кто не усмотритъ въ этомъ истины при помощи любомудрія, то для не способныхъ разсуждать покажется, что сказанное не состоятельно и баснословно. И долго было бы собирать, что найдется у каждаго изъ Пророковъ, какъ на примѣръ Михей говоритъ, что *будетъ въ послѣдняя дни явлена гора надъ верхи горъ* (Мих. 4, 1.), именуеть же горою тайну благочестія, являемую на погибель сопротивныхъ силъ (г)?

(г) По рукописи слово: *υπεροψαι* не читается.

Почему возвышенный Исаія говоритъ, что восходитъ жезлъ и цвѣтъ изъ корня (Ис. 11, 1.), указывая симъ на явленіе Господа во плоти? Или какой имѣютъ смыслъ, по буквальному значенію, у великаго Давида, *гора усыренная* (Пс. 67, 16.), или *колесница т.нами телъ* (18), или *сонмъ юнецъ*, оставляемый *въ юницахъ людскихъ* (31.), или нога, омоченная *въ крови*, или *языки псовъ* (24), или Ливанъ, на подобіе тельца, истниваемый съ кедрами (д) (Пса. 28, 6.)? И кромѣ сего можно, изъ остальнаго пророчества собравъ тысячи мѣсть, научить необходимости такого взгляда на реченія относительно къ ихъ смыслу, отвергнувъ который, какъ это нѣкоторымъ угодно, по моему мнѣнію, поступить всякій подобно тому, кто въ снѣдь чловѣку на трапезѣ предложитъ хлѣбное произрастеніе, не обдѣлавъ его, не обмоливъ колоса, не отдѣливъ на вѣялкѣ зерень отъ мякины, не измолловъ жита въ муку, и не приготовивъ хлѣба по надлежащему способу печь хлѣбы. Посему какъ необдѣланное произрастеніе составляетъ пищу скотовъ, а не людей; такъ иныи можетъ сказать, что составляютъ пищу скорѣе неразумныхъ, нежели разумныхъ людей и богодухновенныя реченія, не приуготовленныя болѣе тонкимъ обозрѣніемъ,

---

(д) По рукописи: *метѣ тѣмъ кедровъ.*

и не только реченія ветхаго завѣта, но даже многія и въ евангельскомъ ученіи, какъ на- примѣръ: *лопата, отребляющая гумно* (Матѣ. 3, 12.), *плевы, отвѣваемые вѣтромъ, пшеница, остающаяся при ногахъ вѣющаго, огонь негасяющій, добрая житница, дерево, приносящее худые плоды, угроза сѣкирою, грозно указующая на посѣченіе деревь (10), камни, претворяемые въ естество человѣческое (9).*

Сіе пусть будетъ у меня написано къ твоему благоразумію какъ нѣкое письменное оправданіе передъ тѣми, которые поставляютъ въ законъ въ божественныхъ реченіяхъ не искать ничего больше, кромѣ ближайшаго буквального ихъ значенія. Если же и свой трудъ предать письмени пожелали мы послѣ Оригена, усердно потрудившагося надъ этою книгою; то никто да не обвиняетъ насъ въ этомъ, имѣя въ виду божественное изреченіе Апостола, который говоритъ: *кійждо свою мзду прииметъ по своему труду* (1 Кор. 3, 8.). Но сочинено это мною не на показъ; напротивъ того, поелику многое изъ сказаннаго въ церкви по любознательности замѣчено было нѣкоторыми изъ окружающихъ насъ, то, иное именно все, что было связано въ ихъ замѣчаніи, взявъ у нихъ, а иное, что необходимо требовало дополненія, присовокупивъ отъ себя, составилъ я сіе толкованіе, въ видѣ бесѣдъ; въ слѣдъ за прочитаннымъ мѣстомъ предлагая обзорѣніе сказан-

наго, столько употребилъ на сіе досуга, сколько въ эти дни поста дозволили время и дѣла; потому что въ продолженіи ихъ слово сіе приготовлено было нами для народнаго слышанія. Если же и продолженіе жизни и мирное состояніе даруетъ намъ Податель жизни—Богъ; то, можетъ быть, простремся и до остальнаго; потому что теперь наше слово и обзрѣніе дошли уже до половины. Благодать Господа нашего Иисуса Христа со всѣми нами во вѣки вѣковъ! Аминь.

БЕСѢДА II.

(1.). *Да лобжетъ мя отъ лобзаній устъ Своихъ: яко блага сосца Твоя паче вина, (2) и воня мѣра паче всѣхъ ароматъ. Мѣро изліяное имя Твое. Сего ради отроковицы возлюбиха Тя. (3) Привлекоша Тя: въ слѣдъ Тебе въ воню мѣра Твоего течемъ. Введе мя царь въ ложницу Свою: возрадуемся и возвеселимся о Тебѣ, возлюбимъ сосца Твоя паче вина: правость возлюби Тя.*

Вы, которые, по совѣту Павла, какъ нечистаго какого одѣянія, совлеклись *ветхало чловька съ дѣянми* и похотями его (Кол. 3, 9.), и чистотою жизни возложили на себя свѣтлыя одежды Господа, какія показалъ Онъ на горѣ преображенія, лучше же сказать, облечены въ Самаго Господа нашего Иисуса Христа, въ Его ризу—любовь, и сообразуетесь Ему въ без-

страсти и во всемъ божественномъ, выслушайте тайну Пѣсни пѣсней, войдите во внутренность чистаго брачнаго чертога, убѣленные чистыми и нескверными мыслями, чтобы кому либо, привлеки за собою страстный и плотскій помыслъ, и не имѣя на себѣ одѣянія совѣсти, приличнаго божественному браку, не быть связаннымъ собственными своими помыслами, и чистые гласы жениха и невѣсты низведя до скотскихъ и неразумныхъ страстей, а чрезъ нихъ, покрывъ себя срамными представленіями, не быть изверженнымъ изъ сонма веселящихся на бракѣ, радость брачнаго чертога обмѣнивъ на скрежетъ зубовъ и на плачь.

О семъ свидѣтельствую, намѣреваясь коснуться таинственнаго торжества, изображеннаго въ Пѣсни пѣсней. Ибо описанными здѣсь дѣйствіями душа нѣкоторымъ образомъ уготовляется въ невѣсты для безплотнаго, духовнаго и невестественнаго сочетанія съ Богомъ. *Иже всѣмъ хочетъ спастися и въ разумъ истины прийти* (1 Тим. 2. 4.), указываетъ здѣсь самый совершенный и блаженный способъ спасенія, именно посредствомъ любви. Ибо инымъ бываетъ спасеніе и посредствомъ страха, когда удаляемся отъ зла, взирая на угрозы наказаніемъ въ гееннѣ; а иные преслѣвуютъ въ добродѣтели по упованію награды, предоставленному жившимъ благочестиво, приобрѣтая доб-

рое, не по любви, но по ожиданію воздаянія. Но кто стремится душою къ совершенству, тотъ гонить отъ себя страхъ; потому что такое расположеніе, — не по любви оставаться при господинѣ, но не бѣжать отъ него по страху бичей, свойственно рабу; онъ же презираетъ и самыя награды, чтобы не показалось, будто бы наградѣ отдаетъ предпочтеніе предъ Самимъ Дарующимъ пользу; напротивъ того отъ всего сердца, отъ всей души и силы любить не другое что изъ подаваемого Имъ, а Его Самаго, то есть самый источникъ благъ.

Потому сіе-то расположеніе душамъ слушающихъ поставляетъ въ законъ Призывающій насъ къ общенію съ Собою, а утверждаетъ сіе узаконеніе Соломонъ, мудрость котораго, по божественному свидѣтельству, не имѣетъ мѣры, будучи равно несравнима и не примѣнима ко всѣмъ, и до него бывшимъ, и по немъ будущимъ, отъ котораго не сокрыто ничто сущее. Не думаешь ли ты, что симъ именемъ называю Соломона, рожденнаго Вирсавіею, принесшаго въ жертву на горѣ тысячу воловъ, воспользовавшагося на грѣхъ Сидонскою совѣтницею? Другой означаетъ имъ Соломонъ, Который и самъ отъ сѣмени Давида происходитъ по плоти, которому имя: миръ, истинный царь Израилевъ, создатель Божія храма, объявившій въ себѣ вѣдѣніе всего, премудрость Котораго безпредѣльна, лучше же

сказать, бытіе Котораго есть премудрость, и истина, и всякое боголѣпное и высокое именованіе, и понятіе. Онъ-то, сего Соломона употребивъ въ орудіе, чрезъ него бесѣдуетъ съ нами, сперва въ Притчахъ, потомъ въ Екклесіастъ, а послѣ сего въ предлагаемомъ любомудріи Пѣсни пѣсней, постепенно и въ порядкѣ указуя словомъ восхожденіе къ совершенству.

Какъ въ жизни по плоти не всякій возрастъ вмѣщаетъ всѣ естественныя дѣятельности, и при самыхъ разностяхъ возрастовъ не одинаково проходитъ у насъ жизнь; потому что младенецъ не занимается дѣлами совершенныхъ, и совершеннаго не беретъ къ себѣ на руки кормилица, но всякому времени возраста полезно и сообразно что либо свое: такъ и въ душѣ можно видѣть нѣкоторое сходство съ тѣлесными возрастами, по которымъ сыскиваются нѣкоторый порядокъ и послѣдовательность, руководящія человѣка къ жизни добродѣтельной. Посему то иначе обучаетъ Притча, и иначе бесѣдуетъ Екклесіастъ, любомудріе же Пѣсни пѣсней высокими ученіями превосходитъ и Притчи и Екклесіаста. Ибо ученіе, преподаваемое въ Притчахъ, обращаетъ рѣчь еще къ младенчеству, соразмѣрно съ возрастомъ соображая слова. *Слыши сыне, говоритъ оно, законы отца твоего, и не отрини завѣтовъ матере твоея* (Прит. 1, 8.). Усмотри-

ваешь ли въ сказанномъ еще нѣжность и необразованность (е) душевнаго возраста, почему отецъ видитъ, что сынъ имѣеть еще нужду въ материнскихъ завѣтахъ и въ отеческомъ вразумленіи? И чтобы ребенокъ охотнѣе слушалъ родителей, отецъ обѣщаетъ ему дѣтскія украшения за прилежаніе къ ученію; ибо дѣтямъ приличное украшеніе — золотая цѣпь, блестящая на шеѣ, и вѣнокъ, сплетенный изъ какихъ либо красивыхъ цвѣтовъ. Но, конечно, надлежитъ разумѣть сіе, чтобы смыслъ загадки могъ путеводить къ лучшему. Такъ Соломонъ начинаетъ описывать сыну премудрость, въ разныхъ чертахъ и видахъ объясняя благообразіе несказанной красоты, чтобы къ причастию благъ возбудить, не страхомъ какимъ и необходимостью, но вожделѣніемъ и любовію; потому что описаніе красоты привлекаетъ какъ-то пожеланіе юныхъ къ указанному, возбуждая стремленіе къ общенію съ благообразнымъ.

Посему, чтобы паче и паче возрастало въ немъ вожделѣніе, изъ вещественнаго пристрастія превратившись въ невещественный союзъ, красоту премудрости украшаетъ похвалами. И не красоту только ея благообразія представляетъ въ словахъ, но перечисляетъ и богат-

---

(е) По рукописи вмѣсто *ἀπιστον* читается *ἀδιὰπιστον*.

ство, господиномъ котораго содѣляется, конечно, сожительствующій съ нею. Богатство же сіе разсматривается пока въ убранствахъ премудрости; потому что украшеніе правой ея руки — цѣлые вѣки; такъ говоритъ Писаніе: *домота житія и лѣта жизни въ десницѣ ея*; а въ лѣвой рукѣ положено многоцѣнное богатство добродѣтелей, блистающее сіяніемъ славы; ибо говоритъ: *въ шуйцѣ ея богатство и слава*. Потомъ описываетъ дыханіе устъ ея, благоухающее прекраснымъ ароматомъ правды, говоря: *отъ устъ ея исходитъ правда*. А на губахъ ея, по слову его, вмѣсто естественнаго алаго цвѣта цвѣтутъ законъ и милость (Прит. 3, 16.). И чтобы красота у таковой невѣсты оказалась ни въ чемъ не имѣющею недостатка, восхваляется и ея хожденіе; ибо сказалъ: *въ путехъ правды ходитъ* (Прит. 8, 20.). Безъ похвалъ красотѣ не остается и величина; потому что ростъ ея увеличивается подобно какому-то величавому растенію. Растеніе же то, которому уподобляется ея высота, какъ сказано, *есть самое древо живота, которое служитъ пищею всѣмъ держащимся, а восклоняющимся твердымъ и незыблемымъ столпомъ, подъ тѣмъ же и другимъ разумѣю Господа*; потому что Онъ есть жизнь и опора, и буквально читается такъ: *древо живота есть всѣмъ держащимся ея, и восклоняющимся на ню, яко на Господа, тверда* (Прит. 3, 18.). Но

съ прочими похвалами берется вмѣстѣ и ея могущество, чтобы похвала красотѣ премудрости исполнена была всѣхъ добрыхъ качествъ; ибо сказано: *Богъ премудростію основа землю, уготова же небеса разумомъ* (19), и каждое изъ видимыхъ въ твореніи явленій приписываетъ слово силѣ премудрости, украшая ее различными именами. Ибо называетъ ее и премудростію, и разумомъ, и чувствомъ, и вѣдѣніемъ, и разумѣніемъ, и тому подобнымъ.

Послѣ сего начинаетъ Соломонъ приуготовлять юношу къ таковому сожителству, повелѣвая ему имѣть уже въ виду Божественное брачное ложе. Ибо говоритъ: *не остави ю, и ищется тебе: возжелый ея, и соблюдетъ тя. Оуди ю, и вознесетъ тя: почти ю, да тя обниметъ: да дастъ главъ твоей вѣнецъ благодатей, вѣнецъ же сладости защититъ тя* (Прит. 4, 6. 8. 9.). Сими брачными уже вѣнцами украсивъ невѣсту, повелѣваетъ быть неразлучнымъ съ нею, говоря: *егда ходиши, води ю, и съ тобою да будетъ: егда же спиши, да хранитъ тя, да востающу ти, глаголетъ съ тобою* (Прит. 6, 22.). Симъ и подобнымъ сему воспламенивъ вождельніе въ юномъ еще по внутреннему челоуѣку, и представивъ въ словѣ самую премудрость повѣствующею о себѣ, чѣмъ наиболѣе привлекаетъ она любовь слушателей, говоря притомъ между прочимъ и сіе: *азъ любящія мя люблю* (Прит. 8, 17.), по-

Гр. Нисск. Ч. III. 2

тому что надежда быть взаимно любимымъ сильнѣе располагаетъ любителя къ вожделѣнію, а вмѣстѣ съ симъ предлагая ему и прочіе совѣты въ какихъ-то рѣшительныхъ и вмѣстѣ неопредѣленно выраженныхъ изреченіяхъ, и приведя его въ совершенство, потомъ въ послѣднихъ притчахъ, въ которыхъ восписалъ похвалы оной доблей женѣ, ублаживъ сіе доброе сожительство, наконецъ уже присовокупляетъ въ Екклесіастѣ любомудріе, предлагаемое достаточно приведенному въ вожделѣніе добродѣтелей приточными наставленіями. И въ этомъ словѣ, похуливъ приверженность людей къ видимому, все непостоянное и преходящее назвавъ суетнымъ, когда говоритъ: *все ирядущее суета* (Еккл. 8. 11.), выше всего воспріемлемаго чувствомъ поставяетъ врожденное движеніе души нашей къ красотѣ невидимой, и такимъ образомъ очистивъ сердце отъ расположенія къ видимому, потомъ уже внутрь Божественнаго святилища тайноводствуетъ умъ Пѣсню пѣсней, въ которой написанное есть нѣкое брачное уготовленіе, а подразумѣваемое—единеніе души человѣческой съ Божественнымъ.

Посему кто въ притчахъ именуется сыномъ, тотъ здѣсь представляется невѣстою, премудрость же поставяется на мѣсто жениха, чтобы уневѣстился Богу человѣкъ, изъ жениха

ставъ непорочною дѣвою (ж), и прилѣпившись ко Господу содѣлался единымъ съ Нимъ духомъ, чрезъ сраствореніе съ пречистымъ и безстрастнымъ, изъ тяжелой плоти премѣнившись въ чистый духъ. Итакъ, поелику глаголетъ премудрость: возлюби, сколько можешь, отъ всего сердца и отъ всей силы, и пожелай, сколько вмѣщаешь; то осмѣливаюсь присовокупить къ симъ словамъ и слѣдующее: возлюби пламенно (*ἐράσθητι*); потому что у безплотныхъ неукоризненна и безстрастна эта страсть, какъ премудрость говоритъ въ притчахъ, предписывая пламенную любовь къ Божественной красотѣ (Притч. 4, 6.). Да и теперъ предлагаемое слово повелѣваетъ подобное тому, не прямыми словами выражая совѣтъ свой объ этомъ, но любомудрствуетъ въ выраженіяхъ таинственныхъ, для построенія сихъ ученій составляя мысленный нѣкій образъ, заимствованный изъ услаждающаго въ жизни. Образъ же этотъ есть нѣкое брачное уготовленіе, въ которомъ посредствуетъ къ страсти вожделѣніе красоты, но не женихъ, какъ обычно у людей, начинаетъ обнаруживать вожделѣніе, предваряетъ же же-

---

(ж) По рукописи мѣсто сіе читается такъ: *διὰ τούτο ἡ νύμφη ὅδε ἡ ἐν ταῖς παροιμίαις εἰς δύο ἀνομιάζεται, καὶ ἡ σοφία εἰς νυμφίον τάξιν ἀντιμεθίσταται, ἵνα μηποτευθῇ τῷ Θεῷ ὁ ἄνθρωπος ἀγνή παρθένος ἐκ νυμφίου γεγόμενος* и т. д.

ниха дѣва, безъ стыда объявляя всѣмъ о страсти, и изъявляя желаніе насладиться нѣкогда лобзаніемъ жениха. Ибо, когда добрые невѣстоводители дѣвы — патріархи, пророки, законодатели, поднесли уневѣщенной Божественные дары, которые обычай называетъ брачными (*ἄδνα*), именуя такъ подарки, предшествующіе браку (дары же эти были: отпущеніе прегрѣшеній, забвеніе худыхъ дѣлъ, отъятіе грѣха, премѣненіе естества, претвореніе тлѣннаго въ нетлѣнное, райское наслажденіе, царское достоинство, не имѣющее конца веселіе); тогда, принявъ Божественные дары отъ прекрасныхъ дароносцевъ, предлагающихъ ей оныя въ пророческомъ ученіи, и вожделѣніи она исповѣдуеть, и поспѣшаетъ воздать благодареніе, стараясь уже насладиться красотой вожделѣвасмаго. Слышатъ сіе нѣкоторыя изъ подругъ и сверстницъ, возбуждающія невѣсту къ большому вожделѣнію. Приходитъ и женихъ, приводя съ собою ликъ друзей и любимцевъ своихъ; таковыми же могутъ быть служебные духи, при помощи которыхъ спасаются люди, или святые пророки, которые, услышавъ гласъ жениха, радуются и восторгаются совершеніемъ сего пречистаго сунружества, въ которомъ душа, прилѣпляясь *Господеву*, дѣлается *единъ духъ съ Господемъ*, какъ говоритъ Апостоль (1 Кор. 6, 17.).

Посему снова обращу рѣчь къ притчамъ,

чтобы какой страстный и плотскій умъ, издающій еще мертвенное зловоніе ветхаго чело-вѣка, значенія богодухновенныхъ мыслей и реченій не низвелъ до скотскаго неразумія, но чтобы каждый, въ изступленіи ума, ставъ внѣ вещественнаго міра, безстрастіемъ возвра-тившись нѣкоторымъ образомъ въ рай, и чи-стотою уподобившись Богу, въ такомъ уже состояніи вступилъ во святилище проявляе-мыхъ намъ въ сей книгѣ таинъ. Если же у кого душа не уготована къ такому слышанію, то да вземлетъ онъ Моисею, который узаконяетъ намъ, не отваживаться восходить на ду-ховную гору, не омывъ прежде одеждъ на сердцахъ нашихъ, и не очистивъ душъ при-личными окропленіями помысловъ; почему те-перь, въ то время, какъ занимаемся симъ обо-зрѣніемъ, должно, какъ думаю, предать забве-нію помышленія о дѣлахъ супружескихъ, по заповѣди Моисея, узаконившаго тайноводствуе-мымъ пребывать чистыми отъ супружескихъ общеній, и во всемъ приложить къ себѣ пред-писанія законодателя, какъ скоро намѣреваемся приступить къ духовной горѣ боговѣдѣнія, гдѣ женственный родъ помысловъ съ веществен-нымъ ихъ заготовленіемъ оставляется дольней жизни; всякая же неразумная мысль, если по-явится близъ таковой горы, какъ бы камнями какими-то, побивается болѣе твердыми мыс-лями. Ибо и при этомъ едва ли стерпимъ гласъ

сей трубы, звучащей нѣчто великос, необычайное, превышающее силы внемлющихъ, — гласъ, усиливаемый самою непроницаемостію мрака, въ которомъ Богъ, огнемъ опаляющій на таковой горѣ все вещественное.

Итакъ вступимъ уже во святое святыхъ, то есть приступимъ къ Пѣсни пѣсней. Ибо какъ въ именovanіи святое святыхъ изъ превосходной степени сего слова познаемъ пѣкій избытокъ и особую силу святости, такъ и названіемъ: Пѣснь пѣсней высокое слово сіе обѣщается научить насъ тайнамъ тайнъ. Ибо много есть пѣсней въ богодухновенномъ ученіи, изъ которыхъ научаемся высокимъ понятіямъ о Богѣ, и которыя написаны великимъ Давидомъ, Исаіею, Моисеемъ, и многими другими; изъ сего же надписанія дознаемъ, что, сколько пѣсни святыхъ отстоятъ отъ пѣсней внѣшней мудрости, сколько же пѣсни святыхъ превышаетъ тайна, заключающая въ Пѣсни пѣсней, въ сравненіи съ которой чего либо большаго къ уразумѣнію не могутъ ни найдти, ни вмѣстить и слухъ, и естество человѣка. И посемуто, что всего сильнѣе производитъ въ насъ удовольствіе (разумѣю страсть любви), то Соломонъ загадочно предположилъ изложенію догматовъ, давая чрезъ сіе знать, что душѣ, возводящей взоръ къ недоступной красотѣ божественнаго естества, надлежитъ столько возлюбить оное, сколько тѣло имѣеть привя-

занности къ сродному и соплеменному, перемѣнивъ впрочемъ страсть въ безстрастіе, такъ чтобы, по угашеніи всякаго тѣлеснаго расположенія, отъ одного духа воскипало въ насъ любовію сердце, согрѣваемое тѣмъ огнемъ, который Господь пришелъ *воврещи на землю* (Лук. 12, 49).

Но полагаю, достаточно сказано о томъ, въ какомъ расположеніи надлежитъ быть душѣ слышащихъ таинственные глаголы, и время уже на обзорѣніе въ словѣ предложить самыя реченія божественной Пѣсни пѣсней: а прежде всего выразумѣемъ силу надписанія (з). Ибо не напрасно, кажется мнѣ, книга сія по надписанію присвоается Соломону, но чтобы въ читающихъ возбуждалась мысль, отъ сказаннаго въ ней ожидать чего-то великаго и божественнаго. Поелику удивленіе каждаго чловѣка къ мудрости Соломона, по свидѣтельству о немъ, было чрезвычайно; то посему въ самомъ началѣ немедленно дѣлается упоминаніе объ имени, чтобы читающіе надѣялись отъ книги сей чего-то великаго и достойнаго славы Соломоновой. Какъ въ живописномъ искусствѣ, конечно, какое нибудь вещество разными цвѣтами выполняетъ подобіе животнаго, но кто смотритъ на изображеніе, искусствен-

---

(з) Такъ читается въ рукописи.

но написанное красками, тотъ не останавливается на разсматриваніи цвѣтныхъ составовъ, наложенныхъ на картину, обращаетъ же вниманіе только на то, что художникъ представилъ красками: такъ въ настоящемъ Писаніи надлежитъ не на вещество красокъ въ реченіяхъ обращать вниманіе, но видѣть какъ бы образъ царя (и), отпечатлѣваемый въ чистыхъ понятіяхъ. Слѣдующія, въ ближайшемъ значеніи взятая, реченія: уста, лобзаніе, муро, вино, названія членовъ, ложа, отроковицы и подобныя симъ суть краски бѣлаго, или желтаго, или чернаго, или алаго, или голубаго, или инаго какаго цвѣта. А слагаемый изъ нихъ образъ есть блаженство, безстрастіе, единеніе съ Божествомъ, отчужденіе отъ злыхъ дѣлъ, уподобленіе въ подлинномъ смыслѣ прекрасному и доброму. Вотъ понятія, свидѣтельствующія объ оной Соломоновой премудрости, превосходящей предѣлы мудрости человѣческой! Ибо что было бы необычайнѣе сего, какъ очищеніемъ отъ собственныхъ своихъ страстей содѣлать, чтобы въ реченіяхъ, повидимому, страстныхъ самое естество узаконяло и преподавало намъ безстрастіе? Ибо Соломонъ не говоритъ: должно стать внѣ страстныхъ движеній плоти, умертвивъ *уды, яже на земли*

(и) Такъ читается по рукописи.

(Кол. 3, 5), и имѣть уста, чистыя отъ страстныхъ реченій; но такъ настройваетъ душу, что въ показывающемъ, по видимому, противное въ виду имѣеть чистое, и страстными реченіями изъясняетъ самую чистую мысль.

Слово пачаломъ своимъ да научить насъ тому одному, что вводимые во святилище таинъ книги сей уже не люди, но тѣмъ самымъ, что стали учениками Христовыми, претворились по естеству въ божественное, какъ свидѣтельствуеть объ ученикахъ Своихъ Слово, что лучшими человекѣка были тѣ, которыхъ сказанное имъ Господомъ отличеніе отдѣлило отъ людей, когда говоритъ: *кого Мя слаголютъ человекѣцы быти?... Вы же кого Мя слаголете быти* (Мар. 8, 27. 29)? Ибо дѣйствительно, кто (i) и отъ такихъ реченій, которыхъ ближайшее значеніе указываетъ на плотское сладострастіе, не поползается на разумнѣе нечистое, но сими реченіями при понятіяхъ чистыхъ руководится къ любомудрію о божественномъ, тотъ доказываетъ о себѣ, что онъ уже не человекѣкъ, и имѣеть естество, не изъ плоти и крови сложенное, но, по безстрастію содѣлавшись равно-ангельнымъ, показываетъ уже въ себѣ жизнь, ожидаемую въ воскресеніе святыхъ. Какъ по воскресеніи тѣло, пре-

---

(i) По рукописи вмѣсто *бс* читается: *з*.

мѣняясь въ нетѣльное, соединится съ душою человѣческою, страсти же, тревожащія насъ нынѣ, не возстанутъ съ оными тѣлами; напротивъ того для жизни нашей наступитъ мирное состояніе, мудрованіе плоти не будетъ больше мятежничать противъ души, въ междоусобной брани противоставъ закону ума страстными движеніями, и побѣдивъ ее грѣхомъ, водить подобно какой-то плѣнницѣ; но естество содѣлается тогда чистымъ отъ всего подобнаго, и у обоихъ, разумью у плоти и духа, будетъ одно мудрствованіе; потому что всякое тѣлесное расположеніе въ естествѣ уничтожится. Такъ слово въ сей книгѣ повелѣваетъ слышащимъ, хотя живемъ во плоти, не обращаться къ ней мыслями, но имѣть въ виду единую душу, и всѣ выражающія любовь реченія чистыми и неоскверненными восписывать превышающему всякій умъ благу, которое (к) одно въ подлинномъ смыслѣ сладостно, вожделѣнно и достолюбезно, и наслажденіе которымъ служить всегдашнимъ поводомъ къ большому вожделѣнію, причастіемъ благъ усиливая пожеланіе. Такъ Моисей любилъ Бога; такъ любилъ Илія; такъ Іоаннь любилъ Жениха, го-

---

(к) Мѣсто сіе переведено по рукописи, въ которой вмѣсто *τοῦτου* читается *τοῦ ρημίτου*, слово: *Θεῷ* вовсе не читается, и вмѣсто *ᾧ* читается *ᾗ*.

вора: *и мнѣи невѣсту, женихъ есть: а друзъ жениховъ радостію радуется за масъ жениховъ* (Іоан. 3, 29). Такъ Петръ на вопросъ: любиши ли? съ дерзновеніемъ отвѣчаетъ: *Ты всси, Господи, яко люблю Тя* (Іоан. 21, 15). Такъ и прочіе Апостолы. Такъ Павель, прежде гонитель, возлюбивъ Христа, Котораго не видѣлъ, писалъ, выражаясь: *обручихъ васъ двѣу чисту представити Христови* (2 Кор. 3, 2). Такъ теперь невѣста—Церковь возлюбила Жениха, подобно дѣвѣ, которая говоритъ въ пѣсни: *да лобжетъ мя отъ лобзаній устъ Своихъ* (П. п. 1, 1). Такъ Моисей бывшею у него устами ко устамъ бесѣдою съ Богомъ, какъ свидѣтельствуеть Писаніе приведенъ еще въ большее вожделѣніе таковыхъ лобзаній, и послѣ столькихъ богоявленій, какъ будто не видѣвшій еще Бога, просить увидѣть Желаемаго. Такъ всѣ прочіе, въ комъ глубоко укоренена была божественная любовь, никогда не останавливались въ вожделѣніи, все даруемое имъ свыше къ наслажденію желаемымъ обращая въ пищу и въ поддержаніе сильнѣйшаго вожделѣнія.

Такъ и нынѣ душа, вступившая въ единеніе съ Богомъ, не имѣеть сытости въ наслажденіи, чѣмъ обильнѣе наполняется улаждающимъ, тѣмъ сильнѣе дѣйствуютъ въ ней пожеланія. Поеліку *глаголы Жениха духъ и животъ суть* (Іоан. 6, 63); а всякій, прилѣпляю-

щійся къ духу дѣлается духомъ, и вступающій въ единеніе съ жизнію, по Господнему слову, переходитъ *отъ смерти въ животъ* (Іоан. 5, 24): то по сему самому къ источнику духовной жизни приблизить душу (л) желаетъ дѣва-душа. А источникъ сей—Жениховы уста, изъ которыхъ источающіеся глаголы жизни вѣчной наполняютъ привлекающія ихъ уста, какъ было съ Пророкомъ, устами привлекающимъ духъ (Пса. 118, 131). Посему, такъ какъ уста, привлекающія питіе изъ источника, надлежитъ приложить къ водѣ, а источникъ есть Господь, изрекшій: *аще кто жаждетъ, да придетъ ко Мнѣ и пьетъ* (Іоан. 7, 37); то посему душѣ (м) желательно уста свои приблизить къ устамъ, источающимъ жизнь, и невѣста говоритъ: *да лобжетъ мя отъ лобзаній устъ своихъ*. И Тому, Кто всѣмъ источаетъ жизнь, и всѣмъ хочетъ спастися, не угодно кого либо изъ спасаемыхъ лишить сего лобзанія; потому что лобзаніе это есть очистительное средство отъ всякой скверны. Посему-то, кажется мнѣ, Господь съ укоризною произноситъ прокаженному Симону такія слова: *лобзанія ли не далъ еси* (Лук. 7, 44). Чистымъ сталъ бы онъ отъ недуга, привлеки чистоту устами. Но Симонъ справед-

(л) По рукописи сего слова не читается.

(м) По рукописи: душѣ жаждущей.

ливо не былъ возлюбленъ, оплотянѣвъ по болѣзни, по собственному вождельнѣю оставаясь неистошимъ въ недугѣ. А душа, достигшая чистоты, такъ какъ не омрачаетъ ея никакая плотская проказа, видитъ сокровище благъ; имя же этому сокровищу—сердце. И Пророкъ молится, чтобы создано было въ немъ *сердце чисто* (Пса. 50, 12), изъ котораго подается сосцамъ божественное млеко, служащее питаніемъ душѣ, привлекающей благодать *по мървь вьры* (Рим. 12, 6). Почему говорить она: *блага сосца твоя паче вина*, сосцами по мѣстному положенію означая сердце. Конечно же не погрѣшнѣть, кто подъ сердцемъ будетъ разумѣть сокровенную и неизреченную силу Божества; да и подъ сосцами справедливо можетъ иной подразумѣвать благія за насъ дѣйствования божественной силы, какими Богъ поддерживаетъ жизнь каждаго, снабжая прилично каждому изъ пріемлющихъ пищею.

Но изъ любомудрія сей книги дознаемъ мимоходомъ и другое нѣкоторое ученіе, а именно, что есть въ насъ двоякое нѣкое чувство, одно тѣлесное, другое божественное, какъ гдѣ-то въ притчахъ говорить Слово: найдешь божественное чувство; потому что есть нѣкая соразмѣрность душевныхъ движеній и дѣйствій съ чувствилищами тѣла; и сіе дознаемъ изъ настоящихъ словесъ духа. Вино и молоко различаются вкусомъ; но когда они ду-

ховны, тогда духовна, безъ сомнѣнія, и воспріемлющая ихъ душевная сила. А лобзаніе совершается чувствомъ осязанія; потому что при лобзаніи уста между собою прикасаются. Но есть нѣкое осязаніе души, которымъ осязается слово, и которое совершается какимъ-то, не тѣлеснымъ, но духовнымъ соприкосновеніемъ, какъ сказалъ изрекшій: *руки наша осязаша, о словеси животильнѣ* (1 Іоан. 1, 1). А также и воня божественнаго мура есть воня обоняемая не ноздрями, но какою-то духовною и невестественною силою, съ привлеченіемъ духа привлекающею и благоуханіе Христово. Ибо желаніе дѣвы, выраженное въ началѣ Пѣсни, читается въ связи такъ: *блага сосца твоя паче вина, и воня муря твоего паче всѣхъ ароматѣ*. А симъ, какъ предположили мы, выражается какая либо мысль не маловажная и достойная пренебреженія. Ибо при этомъ сравнительномъ предпочтеніи млека изъ божественныхъ сосцевъ тому веселію, какое бываетъ у насъ отъ вина, научаемся, можетъ быть, сказаннымъ, что вся человѣческая мудрость, и все знаніе существующаго, и всякая созерцательная сила, и всякое мысленное представленіе не могутъ устоять въ сравненіи съ простѣйшею пищею божественныхъ уроковъ; потому что млеко истекаетъ изъ сосцевъ, и есть пища младенцевъ; а вино по силѣ и горячительному свойству дѣлается наслажденіемъ

совершеннолѣтнихъ, однако же совершенное во внѣшней мудрости ниже младенческаго ученія въ божественномъ словѣ. Посему-то божественные сосцы лучше человѣческаго вина, и воня божественнаго мура превосходнѣе всякаго благоуханія ароматовъ. А въ этомъ, по моему мнѣнію, открывается такой смыслъ. Подъ ароматами разумѣемъ добродѣтели, какъ-то: мудрость, цѣломудріе, справедливость (н), мужество, благоразуміе и подобное сему, украшаясь которыми, каждый изъ насъ по мѣрѣ силъ и по своему произволенію, одинъ такъ, другой иначе, приходимъ въ благоуханіе, и кто изъ цѣломудрія, или мудрости, кто изъ справедливости, или мужества, или другаго чего, признаваемого за добродѣтель, а иной и изъ всѣхъ таковыхъ ароматовъ имѣеть въ себѣ срастворенное благоуханіе. Однако же все это не можетъ идти въ сравненіе съ тою всесовершенною добродѣтелию, которая наполняетъ собою небеса, какъ свидѣтельствуеть Пророкъ Аввакумъ, сказавъ: *покры небеса добродѣтель Его* (Авв. 3, 3), то есть съ источною премудростію, источною правдою, источною истиною, и такъ далѣе. Воня небеснаго мура, сказано, имѣеть благодать несравнимую съ тѣми ароматами, какія извѣстны намъ.

Въ послѣдующемъ за симъ душа невѣсты

(н) Дополнено по рукописи.

касается еще высшаго любомудрїя, показывая недоступность и невмѣстимость божественной силы человѣческимъ помысламъ, когда говорить: *муро изліянное имя Твое*: ибо сими словами, кажется мнѣ, означаетъ подобное слѣдующему: естество неопредѣлимое не можетъ въ точности объято быть словомъ, имѣющимъ значеніе имени; напротивъ того вся сила понятій, вся выразительность реченій и именованій (о), хотя бы, по видимому, заключали они въ себѣ что великое и боголѣпное, не касаются естества въ Сущемъ (п), но разумъ нашъ, какъ бы по слѣдамъ только и озареніямъ какимъ, гадаеть о Словѣ, съ помощію постигнутаго, по какому-то сходству представляя себѣ и непостижимое. Какое ни примыслимъ имя, сообщающее намъ понятіе о мурѣ Твоего божества, говоритъ невѣста, тѣмъ, что выражаетъ сказуемое, означимъ не самое муро, но богословскими сими именованіями покажемъ только малый нѣкій остатокъ испареній божественнаго благоуханія: какъ по сосудамъ, изъ которыхъ вылито муро, не познается самое муро, вылитое изъ сосудовъ, каково оно въ естествѣ своемъ, хотя и по малоощутительному нѣкому качеству испареній, оставшему-

(о) По рукописи вмѣсто *νοημάτων* читается: *δνομάτων*.

(п) По рукописи вмѣсто: *τῆ ρήματος ὄντως* читается: *τοῦ ὄντος*.

ся въ сосудѣ, дѣлаемъ нѣкоторую догадку о вылитомъ мурѣ. Сіе-то именно дознаемъ мы изъ сказаннаго: самое муро Божества, каково оно въ сущности, выше всякаго имени и понятія; усматриваемыя же во вселенной чудеса доставляютъ содержаніе богословскимъ именованиямъ, по которымъ Божество именуемъ премудрымъ, всемогущимъ, благимъ, святымъ, блаженнымъ, вѣчнымъ, также Судією, Спасителемъ и подобнымъ сему, что все показываетъ нѣкоторое, впрочемъ не главное, качество божественнаго мюра, какое вся тварь, на подобіе какого либо муроварнаго сосуда, отпечатлѣла въ себѣ усматриваемыми въ ней чудесами.

Сего ради, говоритъ невеста, отроковицы возлюбиша Тя, привлекоша Тя. Такъ выразило причину похвальнаго вождѣленія и исполненнаго любви расположенія. Ибо кто не возлюбитъ такой красоты, если только имѣетъ око, способное взирать на лѣноту? Хотя и не много постигается красота; однако же чрезъ уподобленіе видимому гадательно представляется до безконечности разнообразною. Но какъ вещественная любовь не касается еще младенчествуящихъ; потому что дѣтство не даетъ въ себѣ мѣста страсти, а также и удрученныхъ крайнею старостію не видимъ въ подобномъ состояніи: такъ и въ разсужденіи божественной красоты, кто еще младенецъ, обуревается и

носится всякимъ вѣтромъ ученія, и кто одряхлѣлъ, состарѣлся и приблизился къ истлѣнію, всѣ тѣ оказываются неподвижными къ сему вожделѣнію. Ибо таковыхъ не касается невидимая красота, но такую только душу, которая вышла изъ младенческаго состоянія, цвѣтетъ духовнымъ возрастомъ, не пріяла на себя *скверны или порока, или ничто отъ таковыхъ* (Ефес. 5, 27), не лишена чувствительности по младенчеству, и не ослабѣла въ силахъ по дряхлости, Слово именуется *отроковицею*. Она покоряется великой и первой заповѣди закона, отъ всего сердца и всею силою возлюбивъ оную красоту, которой очертанія, образца и истолкованія не находитъ человѣческой разумъ. Посему таковыя отроковицы, обогащенные добродѣтелями, по зрѣлости возраста бывшія уже внутри божественнаго чертога божественныхъ таинъ, любятъ красоту Жениха, и любовію обращаютъ Его къ себѣ; ибо Женихъ таковъ, что любовію вознаграждаетъ любящихъ, такъ говоря отъ лица Премудрости: *Азъ любящія Мя люблю* (Прит. 8, 17), и: *раздѣлю любящимъ Мя ильнїе* (имѣніе же сіе — Самъ Онъ), и *сокровица ихъ исполню блаихъ* (21). Посему души сіи привлекаютъ къ себѣ любовь нетлѣннаго Жениха, ходя, какъ написано, *въ слѣдъ Господа Бога* (Ос. 11, 10).

Причиною же ихъ любви служитъ благоуханіе мұра, къ которому всегда поспѣшаютъ онѣ,

въ предняя простираяся, задняя же забывая (Фил. 3, 13). Ибо говорятъ: *въ слѣдѣ Тебе въ вою мѣра Твоего течемъ*. Но, какъ недостигшія еще совершенства добродѣтели и юныя по возрасту, даютъ только обѣщаніе поспѣшить къ цѣли, какую указываетъ имъ вою мѣра. Ибо говорятъ: *въ вою мѣра Твоего течемъ*. Душа же болѣе совершенная, дальше простершаяся *въ предняя*, достигаетъ уже цѣли, для которой совершается теченіе и удостоивается сокровищъ въ ложницахъ. Она говоритъ: *введе мя Царь въ ложницу Свою*. Ибо возжелавшая краями устъ своихъ коснуться блага, и въ такой мѣрѣ коснувшаяся красоты, какую по-казываетъ сила изъясненнаго желанія (изъявляла же она желаніе какъ бы лобзанія нѣкогого сподобиться чрезъ озареніе Слова), по достиженіи сего, и проникнувъ помысломъ во внутреннее святилище таинъ, взываетъ, что не въ преддверіи только благъ теченіе ея, но что, имѣя начатокъ Духа, Котораго, какъ бы въ слѣдствіе какого лобзанія, сподобилась по благодати испытывать *лубины Божія* (1 Кор. 2, 10), и подобно великому Павлу, бывъ (р) во святилищѣ рая, говоритъ, что видитъ незримое, и слышитъ *неизреченны глаголы* (2 Кор. 12, 4).

(р) Сіе дополнено по рукописи.

Послѣдующее же за симъ изреченіе раскрываетъ въ словѣ церковное домостроительство. Ибо первые, наученные благодатию, *самовидцы и слуги бывшіи Словесе* (с) (Лук. 1, 2), не ограничили блага самими собою, но и бывшимъ послѣ нихъ по преданію сообщили ту же благодать. Посему о невѣстѣ, которая изъ устъ Слова была первая исполнена благъ, и сподобилась сокровенныхъ таинъ, говорятъ отроковицы: *возрадуемся и возвеселимся о тебѣ. Ибо твое радованіе—и наша общая радость. Какъ ты паче вина любишь сосцы Слова; такъ и мы любимъ тебя. Твоимъ будемъ уподобляться сосцамъ, изъ которыхъ напоеваешь млеко младенцевъ о Христѣ. Паче чловѣка возлюбимъ вино, и если кто понятіе сіе приведетъ въ большую ясность, то сказуемое будетъ таково. Возлюбилъ сосцы Слова на перси Господа припадшій Іоаннъ (Іоан. 13, 25); онъ, подобно какой то губкѣ, приложившій сердце свое къ Источнику жизни, по неизреченному нѣкому сообщенію исполнившійся таинъ хранящихся въ сердцѣ (т) Христовомъ, и намъ предлагаетъ исполненный Словомъ сосецъ, и насъ дѣлаетъ полными того, что вложено въ него самага изъ Источника благъ, велегласно*

(с) Такъ читается въ рукописи.

(т) Слово сіе дополнено по рукописи.

проповѣдую присносущее Слово. Посему спра-
ведливо скажемъ ему: *возлюбилъ сосца Твоя
паче вина*; если только дошли мы до того, что
мы уже отроковицы, и не младенчествуемъ
умомъ въ сопряженной съ юностию суетности,
не сквернимся также грѣхомъ въ дряхлости,
оканчивающейся истлѣніемъ.

А посему возлюбимъ потокъ твоихъ ученій;
потому что *правость возлюби тя*. Ибо тотъ это
ученикъ, котораго любилъ Иисусъ; а Иисусъ
есть *правость*. Слово же сіе лучше и бого-
лѣпнѣе, нежели Пророкъ Давидъ, именуеть
Господа. Ибо Давидъ говоритъ: *правъ Господь
Богъ* (Пса. 91, 16); а здѣсь именуется право-
стію Тотъ, Кѣмъ все стропотное приводится
въ правое. Но да *будутъ* и въ насъ *вся стро-
потная въ право, и острая въ пути гладки*
(Иса. 40, 4) по благодати Господа нашего
Иисуса Христа! Ему слава во вѣки вѣковъ!
Аминь.

ВЕСЕДА 2.

(1, 4). *Черна есмь и добра, дщери іеруса-
лимскія, якоже селенія Кидарска, якоже завьсы
Соломони.* (5) *Не зрите мене, яко азъ есмь
очернена, яко опали мя солнце: сынове матере
моея сваряхуся о мнѣ, положиша мя стража
въ виноградьхъ: винограда моего не сохранихъ.*
(6) *Возвѣсти ми, екоже возлюби душа моя, идѣ*

пасеши, гдѣ почиваеши въ полудне? да не когда буду яко облагающая надъ стады друговъ твоихъ. (7) Аще не увѣси салую тебе, добрая въ женахъ, изыди ты въ пятахъ паствъ, и паси козмища твоя у куцей пастырскихъ.

Въ священной скинїи свидѣнїя видимое совнѣ не равноцѣнно было сокровенной внутри красотѣ. Ибо опоны состояли изъ льняныхъ тканей, и внѣшнимъ украшенїемъ скинїи служили завѣсы изъ козьихъ волосовъ, и покровы изъ красныхъ кожъ; смотрящимъ же совнѣ ничто въ этомъ не представлялось великимъ и драгоцѣннымъ. Но внутри вся скинїя свидѣнїя сіяла золотомъ, серебромъ и дорогими камнями. Столпы, ихъ стояла и верхи, кадильница, алтарь, кивотъ, свѣтильникъ, очистилище, умывальницы, завѣсы во входахъ, красота которыхъ срастворялась всякаго вида доброцвѣтными красками, золотая нить, искусственною какою-то работою нарядно сотканная вмѣстѣ съ синетою, багряницею, виссономъ и червленицею, изъ всего этого составивъ нѣчто единое, дѣлала, что ткань поражала взоры, блистая какъ бы лучами радуги. А чтó имѣя въ виду, начинаю симъ рѣчь, безъ сомнѣнїя, сдѣлается для насъ явнымъ изъ того, чтó будетъ сказано.

Снова предлагается намъ Пѣснь пѣсней, какъ полное изложенїе боговѣдѣнїя и любомудрїя. Она есть истинная скинїя свидѣнїя, въ кото-

рої покрывами, завѣсами и опонами служатъ нѣкія слова и реченія, выражающія любовь, показывающія отношеніе къ любимому, также изображеніе красоты, упоминаніе тѣлесныхъ членовъ, и видимаго на лицѣ, и сокрытаго подъ облаченіемъ одежды. А что́ внутри, то въ подлинномъ смыслѣ есть нѣкій пресвѣтлый свѣтильникъ, и кивоть, исполненный таинъ, и благоухающая кадильница, и очищеніе грѣха, оное всезлатое кадило благочестія, эта красота завѣсъ—благообразное истканіе изъ добродѣтности добродѣтелей, эти незыблемые столпы помысловъ, неподвижныя стояла догматовъ, и красота верховъ, которыми истолковывается благодать во владычественномъ души, и омывальницы душъ; и все, что́ относится къ небесному и безплотному житію, что́ законъ предписываетъ, выражаясь загадочно, можно находить (у) въ сокрытыхъ подъ буквою понятіяхъ, если только, въ купели Слова омывъ всю скверну гнусной мысли, попеченіемъ о жизни содѣлаемъ себя способными къ вступленію во святая святыхъ, а не останемся не узрѣвшими чудесъ внутри скиніи, подвергшись смерти за то, что, вопреки предписанію закона, касались мертваго понятія, или какого либо нечистаго помышленія. Ибо законъ духовный не дозволяетъ таковымъ входа, если

(у) Въ рукописи читается: *ἡτοιμασθῆναι*.

кто, коснувшійся какой либо мертвой и мерзкой мысли, не омоетъ, по Моисееву закону, ризу совѣсти своей.

Но послѣдовательная связь разсмотрѣннаго доселѣ приводитъ слово къ обзорѣнію того, что сказано невѣстою отроковицамъ, именно же слѣдующаго: *черна есмь и добра, дщери іерусалимскія, якоже селенія Кидарска, якоже завьсы Соломони.* Прекрасно наставница сія съ того именно, съ чего было должно, начинаетъ обучаемымъ душамъ дѣлать объясненіе благъ. Ибо души сіи въ высказанномъ ими изъявляютъ готовность всякому человѣческому слову, которое въ переносномъ смыслѣ именуютъ виномъ, предпочеть благодать, источающуюся изъ ея разумныхъ сосцевъ, такъ выражая сіе словомъ: *возлюбимъ сосца твоя паче вина:* потому что *правость возлюби ты.* Невѣста, чтобы лучше дознали мы безмѣрное человѣколюбіе Жениха, Который изъ любви придалъ возлюбленной красоту, сообщаетъ обучаемымъ о чудѣ, надъ нею самой совершившемся. Ибо говорить: не тому дивитесь, что возлюбила меня *правость*, но тому, что черна я была отъ грѣха и дѣлами освоилась съ мракомъ, но Женихъ изъ любви содѣлалъ меня прекрасною, собственную Свою красоту давъ мнѣ въ замѣнъ моеї срамоты. Ибо на Себя воспріявъ скверну моихъ грѣховъ, мнѣ передалъ Свою чистоту, и своей

красоты учинилъ меня причастною Тотъ, Кто сперва изъ ненавистой содѣлалъ меня достолюбезною, и потомъ возлюбилъ. Послѣ сего убѣждаетъ отроковицъ, чтобы и онѣ содѣлались прекрасными, указывая имъ на свою красоту, подобно великому Павлу, который говорить: *будите якоже азъ, зане и азъ, якоже вы* (Гал. 4, 12.), и: *подражатели мнѣ бывайте, якоже и азъ Христу* (1 Кор. 11, 1.). Посему не попускаетъ учащимся у ней душамъ, смотря на свою прошедшую жизнь, отчаяваться въ возможности стать прекрасными, напротивъ того совѣтуетъ, взирая на нее, изъ ея примѣра дознать, что настоящее, если оно неукоризненно, дѣлается покровомъ прошедшаго. Ибо говорить: хотя теперь блистаетъ моя красота, сообщенная мнѣ потому, что возлюбила меня *правость*; однакоже знаю о себѣ, что первоначально была я не красива, но черна. Такимъ же темнымъ и мрачнымъ видъ мой дѣлала предшествовавшая жизнь. Впрочемъ, бывъ столько гнусною, теперь я прекрасна; потому что подобіе срамоты претворено въ образъ красоты. Посему и вы, дщери іерусалимскія, взирайте на вашу мать—горній Іерусалимъ. Если бы вы были и селеніями Кидарскими, потому что обиталъ бы въ васъ князь власти темной (Ф) (слово Кидаръ толкует-

---

(Ф) Въ рукописи вмѣсто: τῆς ἀλοχῆς читается: τῆς σκοτεινῆς.

ся: помраченіе); то сдѣлаетесь завѣсами Соломоновыми, то есть, будете храмомъ царя, вселившагося въ васъ, царя Соломона (Соломонъ же значить: мирный, соименный миру, и завѣсами Соломоновыми, то есть одною частію невѣста наименовала весь объемъ царской скиніи). Подобно сему тѣми же представленіями съ большею еще внимательностію, кажется мнѣ, усаждається Павелъ, въ посланіи къ Римлянамъ, говоря: въ этомъ *составляетъ* Божию любовь къ намъ, яко еще *грѣшникомъ* и очерненнымъ *сущимъ* намъ (Рим. 5, 8.), содѣлалъ насъ свѣтовидными и достойными любви, потому что осіялъ благодатию. Какъ во время овладѣвшей всѣмъ ночи очерняется мракомъ даже и то, что по природѣ свѣтло, а когда наступитъ свѣтъ, въ вещахъ потемненныхъ мракомъ не остается подобія тмы: такъ, по преведеніи души отъ заблужденія къ истинѣ, и темный образъ жизни прелагается также въ свѣтлую благодать. Что Христова невѣста говоритъ отроковицамъ, то же и Тимофеею открывасть Павелъ, изъ очерненного содѣлавшейся въ послѣдствіи свѣтлымъ, а именно, что сподобился стать прекраснымъ и онъ, который прежде былъ *хульникомъ, гонителемъ, досадителемъ* (1 Тим. 1, 13.), и очерненнымъ, яко *Христосъ прииде въ міръ* (15) очерненныхъ содѣлать свѣтлыми, призывая не праведниковъ къ Себѣ, но грѣшниковъ въ покаяніе, ихъ въ

банѣ накибытія содѣлалъ свѣтлыми, подобно свѣтиламъ, мрачный ихъ видъ омывъ водою. Сіе-то самое и Давидово око усматриваетъ въ горнемъ градѣ, и въ чудо вмѣняетъ видимое, какъ во градѣ Божіемъ, о которомъ *преславная глаголашася*, поселяется *Вавилонъ*, упоминается блудница *Раавъ*, *иноплеменницы*, и *Тиръ*, и *людіе еѳіопстіи* пребываютъ тамъ (Иса. 86. 3. 4.), чтобы не упрекалъ уже сего города какой либо человекъ за то, что нѣтъ въ немъ жителей, говоря: ужели речеть еще кто Сіону: *человѣкъ родися въ немъ* (5)? Ибо гражданами тамъ дѣлаются иноплеменники, Іерусалимлянами—Вавилоняне, дѣвою—блудница; бѣлыми—Еѳіопяне, и верхній городъ—Тиромъ. Такъ здѣсь невѣста, представляя благодать Жениха, ободряетъ дочерей іерусалимскихъ, что, хотя возьметъ Онъ и очерненную какую душу, но общеніемъ съ Собою содѣлаетъ ее прекрасною, и что, хотя когда кто и селеніе Кидарское, но содѣлается свѣтлою обителію истиннаго Соломона, то есть вселившагося въ ней Царя мира. Потому и говоритъ: *черна есмь и добра, дочери іерусалимскія*, чтобы, взирая на меня, и вамъ содѣлаться завѣсами Соломоновыми, хотя бы вы были селеніями Кидарскими.

Потомъ невѣста присовокупляетъ къ сказанному и слѣдующее за тѣмъ; а симъ разумѣніе обучаемыхъ необходимо утверждается въ той мысли, чтобы не Создателю приписывать при-

чину потемненнаго ихъ вида, но начало такого вида полагать въ произволеніи каждой души. *Не зрите мене*, говоритъ невѣста, *яко азъ есмь очернена*. Не такую сотворена я первоначально. Ибо сотворенной свѣтоносными Божіими руками не естественно было бы имѣть на себѣ какой либо темный и черный видъ. Не была, но сдѣлалась, я такую, утверждаетъ она. Ибо не отъ природы я очернена, но призвзошла ко мнѣ такая срамота, когда солнце превратило образъ мой изъ свѣтлаго въ черный; *яко опали мя солнце*, говоритъ она. Чему же научаемся изъ этого? Господь въ притчахъ говоритъ народу, что сѣющій слово не на добромъ только сердцѣ сѣетъ, но если у кого оно и каменисто, или заросло терніемъ, или лежитъ при пути и попирается ногами, по чловѣколюбію и въ нихъ ввергаетъ сѣмена слова, и объясняя въ Своей проповѣди свойства каждаго сердца, продолжаетъ: съ душою каменистою происходитъ то, что посѣянное не пускаетъ корня въ глубину, но, хотя вскорѣ на легкомъ стеблѣ обѣщаетъ дать колосья, однакоже, когда солнце сильнѣе согрѣетъ то, что подъ нимъ, поелику подъ корнемъ нѣтъ влаги, стебель засыхаетъ. Въ истолкованіи же притчи солнце именуетъ Господь искушеніемъ. Посему у наставницы сей научаемся слѣдующему догмату: хотя естество чловѣческое, будучи изображеніемъ истиннаго свѣта,

сотворено сіяющимъ, по подобію первообразной красоты, и ему несвойственны потемненныя черты; однакоже искушеніе, обманомъ подвергнувъ его палящему зною, погубило первый нѣжный еще и неукоренившійся ростокъ, и прежде нежели приобрѣтенъ нѣкоторый навыкъ къ добру, и воздѣланіемъ помысловъ данъ корнямъ просторъ (х) въ глубинѣ, тотчасъ засушивъ преслушаніемъ, зеленѣющій и доброцвѣтный видъ зноемъ обратило въ черный.

Если же солнцемъ именуется сопротивное прираженіе искушенія, то никто изъ слушающихъ да не дивится сему, научаемый тому же во многихъ мѣстахъ богодухновеннаго Писанія. Ибо, во второй пѣсни степеней, имѣющему помощь отъ *Сотворшаго небо и землю* дается такое благословеніе, что *не ожжетъ его солнце во дни* (Иса. 120, 2. 5.). И Пророкъ Исаія, предрекая состояніе церкви, описываетъ какъ бы нѣкое торжество ея благоустройства, и словомъ какъ бы играя въ повѣствованіи. Ибо говоритъ: о дочеряхъ, *вземлемыхъ на рамена*, и о сынахъ, *возимыхъ на колесницахъ*, и отражающихъ жарь (ц) *сѣнми* (Иса. 66, 12. 20.), которыми загадочно изо-

(х) Въ рукописи вмѣсто: *πότον* читается: *τόπον*.

(ц) По рукописи вмѣсто: *τὸν φωτισμὸν* читается: *τὸν φλογμὸν*.

бражаетъ добродѣтельную жизнь, указуя младенческимъ ея возрастомъ на незрѣлость и незлобіе, а *спьми* на облегченіе отъ зноя, доставляемое душамъ воздержаніемъ и чистотою. Изъ чего дознаемъ, что душѣ, которая уневѣщивается Богу, надлежитъ быть поднятою на рамена, не попираемою стопами плоти, но возсѣдающею на величавости тѣла. Слыша же о колесницѣ, познаемъ просвѣщающую благодать крещенія, по которой дѣлаемся сынами, уже не на землѣ утверждающими стопы, но возносимыми отъ нея къ небесной жизни. А отѣняемою и орошаемою дѣлается для насъ жизнь по охлажденіи зноя *спьми* добродѣтели. Посему вредоносно солнце сіе, когда палящіе его лучи не остѣняются облакомъ Духа, какое въ покровъ имъ распростираетъ надъ ними Господь. Ибо сіе самое солнце прираженіемъ искушеній опаляетъ блистательную наружность тѣла, и видъ очерняетъ до безобразія.

Потомъ невѣста пересказываетъ, откуда возымѣло начало претвореніе нашего благообразія въ черноту. *Сынове матере моея, говоритъ она, сваряхуся о мль, положиша мя стража въ виноградьхъ: винограда моего не сохранихъ.* Прежде обратимъ вниманіе не на то, чтобы съ крайнею точностію разбирать словосочиненіе, но на то, чтобы видѣть связь мыслей. Если же что въ точности и не связно, пусть припишется сіе недостатку выразитель-

ности у перелагавшихъ съ еврейскаго языка на еллинскую рѣчь. Ибо кто прилагалъ стараніе изучать еврейскій образъ рѣчи, тотъ не найдетъ ничего такого, что могло бы показаться не имѣющимъ связности. Но складъ нашего языка, несходный съ складомъ доброты рѣчи еврейскаго, у слѣдующихъ поверхностно буквальному значенію производитъ нѣкоторую слитность рѣчи. Посему смыслъ сказанныхъ предъ симъ реченій слѣдующій. Сколько понимаемъ, человекъ первоначально не имѣлъ недостатка ни въ одномъ изъ божественныхъ благъ; дѣломъ его было только хранить, а не приобрѣтать сія блага. Но злоумышленіе враговъ содѣлало его лишившимся того, что имѣлъ, не сохранившимъ того добраго жребія, какой данъ ему Богомъ въ самомъ естествѣ. Вотъ смыслъ предложенныхъ реченій. Мысль же сія загадочными словами передана такимъ образомъ. *Сынове матере моея, говоритъ не вѣста, сваряхуся о миль, положиша мя стража въ виноградъхъ: винограда моего не сохранихъ.*

Въ немногихъ словахъ Писаніе догматически научаетъ многому. И во первыхъ тому, что подобнымъ сему образомъ утверждалъ и Павелъ, а именно, что все отъ Бога, и *единъ Богъ Отецъ изъ Негоже вся* (1 Кор. 8, 6.), и нѣтъ ни одного существа, которое не чрезъ Него и не отъ Него имѣетъ бытіе; ибо сказано: *вся Тьма быша, и безъ Него ничтоже*

бысть (Иоан. 1, 3.). Но поелику *вся, елика сотвори Богъ, добра злы* (Быт. 1,31.); потому что *вся премудростію* сотворилъ Онъ (Пса. 103, 24.): то разумному естеству данъ даръ свободы, и присовокушена сила, изобрѣтающая вожделѣнное. чтобы имѣла мѣсто произвольность, добро не было чѣмъ-то вынужденнымъ и невольнымъ, но вмѣнялось въ преспѣяніе произволению. А какъ свободное сіе движеніе самовластно ведетъ насъ къ тому, что намъ угодно; то въ естествѣ существъ нашелся нѣкто во зло употребившій свободу, и, по выраженію Апостола, содѣлавшійся *обрътателемъ злыхъ* (Рим. 1, 30.). Онъ-то, поелику и самъ сотворенъ Богомъ, намъ братъ, а поелику самовольно отказался отъ причастія добра, открывъ входъ злу и ставъ отцемъ лжи, то поставилъ себя въ ряду нашихъ враговъ во **в**семъ, въ чемъ только цѣль даннаго намъ произвола имѣть въ виду лучшее. Посему отъ него и для прочихъ возникъ поводъ къ утратѣ благъ, что и послѣдовало съ естествомъ человѣческимъ. И бывшая нѣкогда черною, а теперь содѣлавшаяся доброю, причину потемненнаго вида основательно приписываетъ таковымъ сынамъ матери, научая насъ сказаннымъ, что хотя для всѣхъ существъ одна причина существованія, и какъ бы одна мать (ч),

---

(ч) По рукописи вмѣсто: *πατήρ* читается: *μητήρ*.

и потому все, представляемое существующимъ, состоитъ между собою въ братствѣ, но разность произволенія раздѣлила естество на дружественное и враждебное. Ибо отступившіе отъ сношенія съ добрымъ, и отступленіемъ отъ лучшаго осуществившіе зло (потому что нѣтъ инаго осуществленія злу, кромѣ отдѣленія отъ лучшаго) прилагаютъ все стараніе, и всячески примышляютъ, какъ и другихъ присоединить къ общенію въ злѣ. И потому не вѣста говоритъ: *сынове матері моея* (множественнымъ числомъ показываетъ многовидность порока) воздвигли во мнѣ брань, не набѣгомъ отвиѣ нападая, но самую душу содѣлавъ полемъ происходящей въ ней брани; потому что въ каждомъ идетъ брань, какъ толкуетъ божественный Апостоль, говоря: *вижду инѣ законѣ во удѣхѣ моихѣ противувоюющѣ закону ула моего, и плыняющѣ мя закономѣ грѣховнымѣ, сущимѣ во удѣхѣ моихѣ* (Рим. 7, 23.). Посему, когда сія междуусобная брань воздвигнута была во мнѣ братьями моими, врагами же моего спасенія, сдѣлалась я очерненной, а будучи побѣждена врагами, не сохранила и винограда моего, подѣ которымъ разумѣть надобно виноградъ въ раю. Ибо и тамъ челоуѣкъ поставленъ былъ *хранити* рай (Быт. 2, 15.); перадѣніе же о храненіи извергаетъ челоуѣка изъ рая, отступившаго отъ востока дѣлаетъ обитателемъ западовъ. Посему вос-

токъ является западомъ. Ибо сказано: *пойте Господу возшедшему на запады* (Иса. 67, 5.), чтобы, когда во тмѣ возсіяетъ свѣтъ, и тма претворилась въ лучъ свѣта, и очерненная содѣлалась снова доброю.

Видимую же несомвѣстимость буквальнаго чтенія съ найденнымъ смысломъ можно устранить слѣдующимъ образомъ: невѣста говоритъ: *положиша мя стража въ виноградъхъ*. А это одинаково съ сказаннымъ: *положиша Иерусалимъ яко овощное хранилище* (Иса. 78, 2.). Ибо не они поставили ее стражемъ божественнаго винограда, какъ поныя бы пный по ближайшему смыслу рѣчи. Напротивъ того стражемъ поставилъ ее Богъ, они же *сваряжуся* только о ней, и *положиша* ее, *яко куцу въ виноградъ, и яко овощное хранилище въ вертоградъ* (Иса. 1, 8.). Ибо, за преслушаніе лишившись хранимыхъ ею плодовъ, представляла она изъ себя бесполезное зрѣлище, когда не стало въ ней охраняемаго. И поелику Богъ поставилъ человека *дѣлати и хранити рай*, то невѣста говоритъ слѣдующее: Богъ положилъ душу мою въ жизнь (жизнію была та сладость рая, въ которую *дѣлати и хранити* ее поставилъ Богъ человека); а враги вмѣсто *рая сладости* на попеченіе душъ моей отдали свой виноградъ, котораго *гроздъ* производитъ *горестъ*, и *гроздъ-жельмъ*. Таковымъ виноградомъ былъ Содомъ; таковою розгою былъ Гоморъ, осужденный

вмѣстѣ съ Содомомъ, откуда лукавыя точила Содомлянѣ изливали пейсцѣльную *ярость злѣвъ* (Втор. 32, 32. 33.). Но многихъ изъ людей и доньщѣ можно видѣть попечителями и стражами таковыхъ виноградовъ; они старательно соблюдаютъ въ себѣ страсти, какъ бы боясь утратить зло. Посмотри на этихъ лукавыхъ стражей идолослуженія, совершаемаго нечестіемъ и любостыжательностію, какъ неуслышны они въ храненіи золъ, почитая ущербомъ для себя лишиться беззаконія. И въ разсужденіи инаго въ глубоко пріившихъ въ себя сластолюбіе, или гордыню, или кичливость, или иное что подобное, можно также видѣть, какъ со всякимъ храненіемъ объемлютъ они это, вмѣняя себѣ въ прибыль, чтобы душа никогда не была чистою отъ страстей. Посему оплакиваетъ это невѣста, говоря: потому стала я черна, когда, охраняя плевелы врага, и дурные ихъ отпрыски, и ухаживая за ними, *винограда моего не сохранихъ*.

О, сколько страданія въ слушающихъ съ чувствительнымъ сердцемъ возбуждаютъ слова сіи: *винограда моего не сохранихъ!* Явный это плачь, къ возбужденію состраданія извлекающій воздыханія у Пророковъ. *Како бысть блудница градъ вѣрный, Сіонъ полнъ суда* (Иса. 1, 21.)? Почему оставлена *дщерь Сіоня, яко куца въ виноградъ* (8.)? *Како спде единъ градъ, умноженный людьми? владѣй странами, бысть подъ*

данію (Пл. Іер. 1, 1.)? *Бжеко потемнѣ злато, изльнися сребро доброе* (4, 1.)? Какъ стала черною сіявшая въ началѣ истиннымъ свѣтомъ? Все это сбылось со мною, говоритъ невѣста, потому что *винограда моего не сохранихъ*. *Виноградъ этотъ—безсмертіе; виноградъ этотъ—безстрастіе, уподобленіе Богу, отчужденіе отъ всякаго зла. Плодъ сего винограда—чистота. Свѣтель и зрѣль этотъ гроздь, отличающійся особеннымъ видомъ и непорочною улаждающею чувствилища души. Завитки сего винограда—связь и сродненіе съ вѣчною жизнію; возрастающія вѣтви—возвышенности добродѣтелей, восходящія на высоту Ангеловъ; а зеленѣющія листья, тихимъ вѣяніемъ пріятно колеблемыя на вѣтвяхъ,—разнообразное убранство Божественными добродѣтелями, цвѣтущими духомъ. Пріобрѣтя все это, говоритъ невѣста, и величаясь наслажденіемъ сихъ благъ, какъ не сохранившая винограда, очернена я слезами, какъ лишившаяся чистоты, облеклась въ мрачный видъ; потому что такова была видомъ кожаная риза. Да и теперь, послѣку возлюбила меня *правость*, снова ставъ прекрасною и свѣтовидною, не довѣряю своему благополучію, боюсь опять утратить красоту, не успѣвъ въ храпеніи ея, по незнанію надежнаго къ тому способа.*

Посему, оставляя рѣчь обращенную къ отроковцамъ, невѣста снова съ изъявленіемъ же-

ланиі призываетъ Жениха, въ имя Возлюбленному обращая свое сердечное къ Нему влеченіе. Ибо что говорить? *Возвѣсти ми, Еюже возлюби душа моя, идь пасеши, идь почиашеши въ полудне? да не когда буду яко облагающаяся надъ стады друговъ Твоихъ.* Гдѣ пасешь Ты, прекрасный Пастырь, вземлющій на рамена цѣлое стадо? Ибо все естество человѣческое есть единая овца, которую воспріягь Ты на рамена. Покажи мнѣ *лъсто златное*, сдѣлай извѣстною *воду покойную* (Иса. 22, 2.), приведи меня на питательную пажить, назови меня по имени, да услышу Твоей голосъ, извѣщающій, что я—Твоя овца, и гласомъ Твоимъ дай мнѣ жизнь вѣчную. *Возвѣсти ми Ты, Еюже возлюби душа моя.* Ибо такъ именую Тебя; потому что имя Твое выше всякаго имени, и для всякаго разумнаго естества неизреченно и невмѣстимо. Посему именовъ извѣщающимъ о Твоей благодати служить влеченіе къ Тебѣ души моей. Ибо какъ не возлюбить мнѣ Тебя, такъ возлюбившаго меня, и притомъ очерненную, что полагаешь душу Свою за овецъ, которыхъ пасешь? Невозможно и придумать любви, которая была бы больше Твоей, на душу Твою обмѣнившей мое спасеніе. Посему извѣсти (ш) меня, продолжаетъ невѣста,

---

(ш) По рукописи вмѣсто: *διδῶσκον* читается: *δίδουσκον*.

идь *пасеши*, чтобы мнѣ, найдя спасительную пажить, насытиться небесною пищею, не вкушающею которой не можетъ войти въ жизнь; и чтобы, притекши къ Тебѣ — источнику, извлечь мнѣ божественное питіе, которое источаетъ Ты жаждущимъ, изливая воду изъ ребра послѣ того, какъ желѣзомъ отверста эта водотечь, вкусившій которой самъ дѣлается источникомъ воды (ш), текущей въ жизнь вѣчную. Ибо если упасешь меня тамъ, то, безъ сомнѣнія, упокоишь *въ полудне*, когда, вмѣстѣ съ Тобою почишь въ мирѣ, упокоюсь въ неотѣненномъ свѣтѣ; не отѣнешь же повсюду полдень, потому что солнце сіяетъ надъ самую вершиною, гдѣ упокоеваешь пасомыхъ Тобою, когда чадъ Своихъ пріемлешь съ Собою на ложе. Но полуденнаго упокоенія никто не сподобляется, не содѣлавшись сыномъ свѣта и дня. Кто равно сталъ далекъ и отъ вечерней и отъ утренней тмы, то есть отъ того, съ чего начинается, и чѣмъ оканчивается зло, тотъ *въ полудне* упокоевается Солнцемъ правды. Посему, говоритъ невѣста, научи меня, какъ надлежитъ почить, и какой путь къ полуденному упокоенію, чтобы меня, по ошибкѣ избравшую себѣ недоброе руководство, не-

---

(ш) Дополнено по рукописи.

знаніе истины не свело вмѣстѣ съ стадами, чуждыми для Твоихъ пажитей.

Сіе говорила невѣста въ мучительной заботѣ о дарованной свыше красотѣ, и въ сильномъ желаніи дознать, какъ можно благообразію ея сохраниться навсегда. Но еще не удостоивается она Женихова гласа, *Богу лучшее что о ней предзрѣвшу* (Евр. 11, 40.), чтобы замедленіе наслажденія воспламенило любовь ея большимъ вожделѣніемъ, и отъ сего вмѣстѣ съ любовію возрасло веселіе. Напротивъ того друзья Жениховы бесѣдуютъ съ нею, въ предлагаемомъ совѣтѣ объясняя способъ, какъ обезопасить настоящія блага. Да и ихъ рѣчь прикровенна по своей неясности. Она читается такъ: *еще не уяви салую тебе, добрая въ женахъ, изыди ты въ пятахъ паствѣ твоихъ, и паси козлища у куцей пастырскихъ*. Хотя смыслъ речей сихъ явственъ по связи съ тѣмъ, что уже изслѣдовано; однакоже въ словосочиненіи, по видимому, есть нѣкоторая неясность. Посему какой же смыслъ рѣчи? Самое надежное для насъ охраненіе—познать себя, и тому, кто видитъ не себя, но что либо иное около себя, не думать, будто бы видитъ себя, чему подвергаются не углубляющіеся въ себя самихъ, которые, усматривая у себя тѣлесную силу, или красоту, или славу, или могущество, или какое обиліе богатства, или кичливость, или вѣсь, или ростъ тѣла, или благообразіе лица,

или иное что подобное, думаютъ, что это (ъ) они сами. Поэтому бываютъ они ненадежными охранителями себя самихъ, но привязанности къ чуждому не храниа и пренебрегая свое собственное. Ибо какъ человѣку охранять то, чего онъ не знаетъ? Посему самая надежная стража благъ, какія у насъ,—не незнать себя самихъ, и каждому знать о себѣ, что онъ такое, съ точностію отличать себя отъ того, что около него, чтобы, когда не примѣтитъ того, вмѣсто себя не охранять чужаго. Ибо кто имѣетъ въ виду жизнь въ этомъ мірѣ, и здѣшнія драгоцѣнности признаетъ достойными охраненія, тотъ не умѣетъ своего собственного отличить отъ чужаго; потому что все преходящее—не наше. Да и какъ владѣть человѣку тѣмъ, что проходитъ мимо и утекаетъ? Итакъ, поелику постоянство и неизмѣнность свойственны естеству духовному и невещественному, а вещество преходитъ, непрестанно измѣняясь какимъ-то теченіемъ и движеніемъ; то удаляющійся отъ постояннаго по необходимости непремѣнно носится вмѣстѣ съ немѣющимъ постоянства. И кто гонится (ы) за преходящимъ, оставляетъ же постоянное; тотъ погрѣшаетъ въ томъ и другомъ; потому что

(ъ) По рукописи читается *тѣто*, а не *тойтѣс*.

(ы) Дополнено по рукописи.

одно упускаеть, а другаго не можетъ удержатъ. Поэтому совѣтъ друзей Жениховыхъ выражаетъ сказанное: *еще не узвеси ты салую тебе, добрая въ женахъ, изыди ты въ пятахъ паствѣ, и паси козлища у кущей пастырскихъ.* Чтò же это значитъ? — Кто не позналъ себя, тотъ исключается изъ стада овецъ, дѣлается же принадлежащимъ къ стаду козловъ, которымъ отведено мѣсто по лѣвую руку. Ибо такъ добрый Пастырь овецъ поставилъ по правую руку, а козлищъ отлучилъ отъ лучшаго жребія, поставивъ по лѣвую руку.

Итакъ изъ совѣта друзей Жениховыхъ научаемся слѣдующему: должно смотрѣть на самое естество вещей, и не заключать объ истинѣ по обманчивымъ слѣдамъ. Слово же объ этомъ надлежитъ изложить яснѣе. Многіе изъ людей не разсуждаютъ сами, каково естество вещей, но, смотря на обычай жившихъ прежде, погрѣшаютъ въ здоровомъ сужденіи о дѣйствительномъ, не какое либо разумное разсужденіе, но неразумный обычай полагая въ основаніе къ оцѣнкѣ прекраснаго; отчего усиливаются достигнуть начальства и властительства, ставятъ въ великое имѣть въ свѣтѣ знатность и вещественный вѣсъ, между тѣмъ какъ неизвѣстно, чѣмъ каждое изъ сихъ преимуществъ кончится послѣ настоящей жизни; потому что не безопаснымъ поручителемъ за будущее служить обычай, концемъ котораго

оказывается часто присоединение къ стаду козловъ, а не овецъ. Конечно же разумѣнье это выраженіе, взятое изъ евангельскаго образа рѣчи. Но кто имѣетъ въ виду, чѣмъ собственно отличается естество человѣческое (а это есть разумъ), тотъ пренебрежетъ неразумный обычай; и что не приноситъ пользы душѣ, того не избереетъ, признавъ прекраснымъ. Поэтому не надобно обращать вниманіе на слѣды пасомыхъ, какіе въ этой оземленѣлой жизни отпечатлѣваются пятами совершившихъ путь ея; ибо судъ нашъ о томъ, что предпочтительнѣе, если основывается на видимомъ, сомнителенъ, пока не будемъ внѣ этой жизни, и тамъ не узнаемъ, кому мы слѣдовали. Посему, кто не по самой дѣйствительности отличаетъ хорошее отъ худаго, но идетъ по слѣдамъ шедшихъ прежде, и предшествовавшей обычай жизни беретъ себѣ въ учителя собственной жизни, тотъ во время праведнаго суда, часто самъ не зная какъ, дѣлается изъ овцы козлищемъ. Посему и онъ можетъ отъ друзей Жениховыхъ услышать слѣдующія слова: если ты, душа, изъ очерпленной содѣлавшаяся доброю, прилагаешь попеченіе о томъ, чтобы даръ благообразія оставался при тебѣ вѣчно; то не блуждай по слѣдамъ проходившихъ жизнь прежде тебя; ибо неизвѣстно: не козлищъ ли стезя тобою видима, и ты, послѣдуя за ними, потому что не видны тебѣ про-

топтавніе слѣдами своими этотъ путь, когда жизнь будетъ тобою пройдена и заключать (б) тебя въ затворъ смерти, не увеличишь ли собою стада козлищъ, по слѣдамъ которыхъ, сама того не зная, проходила ты жизнь. Ибо *аще не увьси салую тебе, добрая въ женахъ, изыди ты въ пятахъ паствѣ, и паси козлища у кущей пастырскихъ.*

Яснѣе можно выразумѣть сіе по другому какому-то списку, въ которомъ словосочиненіе не имѣеть, повидимому, недостатка въ связи. Ибо сказано: «если себя самой не вѣдаешь ты, добрая въ женахъ; то сошла ты со слѣдовъ стада, и пасешь козловъ противъ кущей пастырскихъ,» такъ что смыслъ, открывающійся въ сихъ реченіяхъ, въ точности согласенъ съ тѣмъ взглядомъ, какой предъ симъ представленъ касательно сего изреченія. Итакъ Писаніе говоритъ: чтобы тебѣ, душа, не потерпѣть сего, будь внимательна къ себѣ. Ибо это надежное хранилище благъ. Знай, сколько предъ прочею тварію почтена ты Сотворшимъ; не небо содѣлано образомъ Божіимъ, а также не луна, не солнце, не красота звѣздъ, ниже иное что видимое въ твари: ты одна стала отображеніемъ естества, всякій умъ превышающаго, подобіемъ нетлѣнной красоты, отпе-

---

(б) Въ рукописи вмѣсто: *κατολισθη* читается: *κατακλισθη*.

чаткомъ истиннаго Божества, вмѣстилищемъ блаженной жизни, отраженіемъ истиннаго свѣта, на которыйъ взирая, сама будешь тѣмъ же, что и Онъ, уподобляясь сіяющему въ тебѣ лучемъ отражающимся отъ твоей чистоты. Нѣтъ существа такъ великаго, чтобы могло съ тобою помѣряться величиною; цѣлое небо объемлется Божіею дланію, а земля и море заключаются въ горсти руки Божіей. Однакоже Тотъ, Кто столько всесиленъ и всеобъемлющъ, Кто всю тварь сжимаетъ въ длани, Самъ дѣлается всецѣло вмѣщаемымъ въ тебѣ; и обитаетъ въ тебѣ, и не утѣсняется, ходя въ твоёмъ (ѣ) естествѣ, Сказавшій: *вселюся въ нихъ, и похожду* (2 Кор. 6, 12. 16.). Если на это обратишь вниманіе, то ни на чемъ земномъ не остановишь ока. Что объ этомъ говорить? Даже и небо, по мнѣнію твоему, не будетъ для тебя чудно. Ибо какъ тебѣ, человѣкъ, дивиться небесамъ, когда видишь, что самъ ты долговѣчнѣе небесъ? И небеса переходятъ, а ты во вѣки пребываешь съ Присносущимъ. Не удивишься широтѣ земли и въ безпредѣльность простирающемуся морю, будучи, подобно возницѣ, правящему карою коней, поставленъ начальствовать надъ сими стихіями, имѣя ихъ благопокорными и подвластными

(ѣ) По рукописи вмѣсто: *πάση τῇ φύσει* читается: *τῇ οἰῇ φύσει*.

своему изволенію, потому что земля прислуживаетъ тебѣ жизненными потребностями, и море, какъ взнузданный какой конь, подставляетъ тебѣ хребетъ, и человѣка охотно приѣмлетъ на себя всадникомъ. Посему, если сама себя познаешь ты, *добрая въ женахъ*; то презришь весь міръ, и, всегда имѣя предъ очами невещественное благо, не обратишь вниманія на блуждающіе по этой жизни слѣды. Итакъ будь всегда внимательна къ себѣ самой, и не станешь блуждать около стада козловъ, во время суда вмѣсто овцы не окажешься козломъ, не будешь отлучена отъ стоянія (э) одесную, но услышишь сладостный гласъ, который руноноснымъ и кроткимъ овцамъ изречетъ: *приидите благословеніи Отца Моего, наследуйте уготованное вамъ царствіе отъ сключенія міра* (Матѳ. 25, 34.). Да сподобимся его и мы о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ! Ему подобаешь слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

ВЕСЕДА З.

(1, 8) *Конецъ въ колесницѣхъ Фараоновыхъ уподобихъ тя ближняя моя.* (9) *Что украшены ланиты твоя яко горлицы, выя твоя яко монисты?* (10) *Подобія злата сотворилъ ти съ пе-*

(э) По рукописи читается *σταίσεως*, а не *καθ' ἑδρας*.

стротали сребра. (11) Дондеже царь на воскленіи Своелѣ, народѣ Мой даде воюю свою. (12) Вязаніе стакти братѣ мой миль, посреди сосуцуюю водворится: (13) врезнѣ Кипровѣ братѣ мой миль, въ виноградьхѣ Емаддовыхѣ.

Разсмотрѣнное нами прежде настоящаго чтенія, въ предисловіи къ Пѣсни пѣсней, имѣеть сходство съ появляющимся послѣ ночи около утра разсвѣтомъ; ибо не полный этотъ свѣтъ, но предначатіе свѣта. А подобно сему и сказанное, хотя предугазуееть намъ восхожденіе истиннаго свѣта, но не содержитъ въ себѣ самаго ясно показавшагося солнечнаго круга. Ибо тамъ говорятъ певѣста, друзья и отроковицы; а теперь, подобно солнечному кругу, возсіяваетъ голосъ самаго Жениха, сіяніемъ лучей затмѣвая всю свѣтлость видимыхъ прежде звѣздъ и разсвѣтавшаго утра. И все прежнее имѣеть силу нѣкихъ очистительныхъ жертвъ и окропленій, которыми приведенная въ чистоту душа приуготовляется къ принятію божественнаго; а настоящее слово есть причащеніе самаго Божества; потому что Богъ Слово собственнымъ Своимъ гласомъ преподаетъ слушающему причащеніе неумалюющей силы. И какъ при Синаѣ, двухдневными очищеніями приуготовленный Израиль, на третій день утромъ, сподобляется богоявленія, не занятый уже измовеніемъ одеждъ, но явно приѣмлющій самаго Бога, ради чего предварительными очи-

щеніями омывалъ душевную скверну: такъ и теперь, въ предыдущихъ словахъ въ предшествовавшіе два дни, сдѣланное обозрѣніе предисловія къ пѣсни въ такой мѣрѣ доставило пользу, въ какой заключающійся въ сказанномъ смыслъ омыло и очистило отъ плотской скверны. Въ сей же день, который есть третій послѣ перваго и втораго очищенія, явится самъ Богъ Слово, не мракомъ и бурей, не трубнымъ звукомъ и огнемъ, страшно поядающимъ окружность горы отъ подошвы до вершины, объявляя и обнаруживая Своё присутствіе, но пріятнымъ и удободоступнымъ изъ страшнаго онаго вида преобразившись къ веселію невѣсты. Поелику невѣстѣ было нужно узнать мѣста упокоенія, гдѣ пребываетъ добрый пастырь, чтобы по незнанію не потерпѣть чего непріятнаго; и потомъ друзья къ дознанію истины преподали надежный способъ — душѣ на себя обращать вниманіе и себя познавать (потому что незпаніе себя признали началомъ и слѣдствіемъ невѣдѣнія и всего онаго, что надлежитъ знать; да и какъ познать что либо, не зная себя?); то, по достаточномъ уже очищеніи владычественнаго въ душѣ, для любящей невѣсты возсіяваетъ при этомъ Слово, одобреніемъ настоящаго побуждающее къ совершенству; ибо похвала преслѣянію влагаеть въ преуслѣвшихъ сильнѣйшее пожеланіе наилучшаго.

Посему какое слово изречено двѣѣ истиннымъ Словомъ? *Конемъ моимъ*, сказано, *въ колесницъхъ Фараоновыхъ уподобихъ тя, ближняя Моя*. Но поелику нѣтъ возможности съ перваго взгляда усмотрѣть смыслъ сказаннаго, то надлежитъ тщательно, сколько будетъ можно, изслѣдовать предложенное. Изъ исторіи дознаемъ, что конямъ Фараоновымъ противопоставлена была иная сила, — облако, жезлъ, сильный вѣтръ, раздѣленное на двое море, песчаная глубина, стѣной отвердѣвшія волны, сухая бездна, посреди водяныхъ стѣнъ (ю) образовавшаяся суша; — и все это послужило во спасеніе Израильтянамъ, тогда какъ Фараонъ со всѣмъ воинствомъ, съ конями и колесницами покрытъ былъ волнами. Посему, такъ какъ никакой конной силы не было противопоставлено египетскому воинству, то трудно дознать, какимъ конямъ, оказавшимъ себя противъ колесницъ египетскихъ, уподобляется теперь Словомъ невѣста. *Конемъ Моимъ*, говоритъ Онъ, одержавшимъ побѣду *въ колесницъхъ Фараоновыхъ, уподобихъ тя ближняя Моя*. Не явно ли, что, какъ невозможно одержать побѣду въ морскомъ сраженіи, не сокрушивъ силы морскаго воинства на корабляхъ противниковъ, такъ и въ конномъ сраженіи не будетъ

(ю) Въ рукописи вмѣсто: *πυρὸν* читается: *τετχόν*.

побѣжденъ тотъ, кому противниками не противопоставлено никакой конной силы? Посему, если въ воинствѣ Египтянъ наибольшую силу составляла конница; то ей противопоставленную невидимую силу, которою совершена побѣда надъ Египтянами, Слово наименовало конями. Ибо и они чувствовали, кто борется съ ними и взывали другъ къ другу: *Господь побораетъ на Египтяны; бѣжимъ отъ лица Господня* (Исх. 14, 25.). Явноже, что истинный Военачальникъ, сообразно съ военнымъ уготовленіемъ сопротивниковъ, вооружилъ собственную Свою силу. Посему была нѣкая невидимая сила, чудесами на морѣ содѣлавшая погибель Египтянъ; ее-то Слово и наименовало конями. И мы предполагаемъ, что это было Ангельское воинство, о которомъ говоритъ Пророкъ: *яко всядеши на кони Твоя, и язденіе Твое спасеніе* (Аввак. 3, 8.); и о колесницѣ Божіей сдѣлалъ упоминовеніе Давидъ, говоря: *колесница Божія тмами темъ* (Пса. 67, 18.); въ нее впряжены тысячи *гобзующихъ*. Также и сила, подъемлющая Пророка Илію съ земли ввыспрь въ эфирную страну, называется въ Писаніи конями, да и самаго Пророка исторія называетъ *колесницею Израилевою и конями* (4 Цар. 2, 12.); и Пророкъ Захарія обошедшихъ цѣлую вселенную, тѣхъ, которыми *земля населена есть и молчитъ* (Зах. 1, 11.). наименовалъ конями, обращающими

рѣчь къ Всаднику, стоящему *между* двумя *го-
раки* (8). Посему у Обладающаго всѣмъ есть
нѣкіе кони, то подъемлющіе пророка; то на-
селяющіе вселенную; то впряженные въ коле-
сницу; иные же въ дѣлѣ спасенія людей прие-
млютъ на себя всадникомъ Бога, и иные сокру-
шаютъ египетскую силу. Итакъ поелику, по
словамъ священнаго Писанія, оказывается ве-
ликая разность въ образѣ дѣйствій, то при-
близившаяся къ Богу путемъ добродѣтели упо-
добляется конямъ, истребителямъ египетской
силы; ибо такъ говоритъ ей Слово: *конемъ
Моимъ въ колесницѣхъ Фараоновыхъ уподобихъ
тя, близняя Моя.*

Много великихъ похвалъ заключаютъ въ себѣ
слова сіи, и уподобленіе этимъ конямъ состав-
ляетъ нѣкій перечень преспѣваній. Ибо все,
что упоминается объ Израилѣ во время пре-
сельничества у Египтянъ, рабство, тростіе,
бреніе, плинѣы, вся земляная работа, жестокіе
приставники при такихъ дѣлахъ, каждый день
требующіе у нихъ подати брениемъ, ради ко-
торыхъ и вода дѣлается кровью, и свѣтъ по-
мрачается, и жабы вползаютъ въ дома, и
пещный прахъ производитъ на тѣлахъ горя-
щіе струпы, и все по порядку, пруги, скнипы,
гусеницы, градъ, и что потерпѣли первород-
ные,—все это, и то, что лучшаго пересказы-
ваетъ исторія, а именно чѣмъ совершается
спасеніе Израильтянъ,—служитъ поводомъ къ

похваламъ душѣ, вступившей въ единеніе съ Богомъ. Ибо, невѣста не была бы уподоблена оной, истребившей злыхъ Египтянъ, силѣ, которою Израиль освободился отъ жестокаго мучительства, если бы не преуспѣла въ такой мѣрѣ во всемъ этомъ, и въ истребленіи Египта, и въ приуготовленіи для шествія къ Богу изъ тины египетской преселяемыхъ въ землю обѣтованія. А поелику, какъ говоритъ божественный Апостолъ, все, что содержитъ въ себѣ богодухновенное Писаніе, преднаписано въ наученіе намъ (Римл. 15, 4.); то и сказаннымъ невѣстѣ совѣтуетъ намъ Слово, что и намъ надлежитъ, воспріять на себя возсѣдшимъ Слово, преоборовъ египетскихъ коней съ самыми колесницами и всадниками, и потопивъ въ водѣ все ихъ лукавое владычество, такимъ образомъ уподобиться оной силѣ, какъ нѣкихъ коней, погруживъ въ водѣ сопротивное воинство. А чтобы яснѣе дознать сказанное, то вотъ значеніе его. Невозможно уподобиться тѣмъ конямъ, которыми потоплены въ глубинѣ колесницы египетскія, если кто, таинственной водою освободившись отъ рабства сопротивнику, и въ водѣ оставивъ всякую египетскую мысль и всякій иноплеменный порокъ и грѣхъ, не выдетъ изъ нея чистымъ, нисколько не вводя съ собою въ слѣдующую за тѣмъ жизнь египетской совѣсти. Ибо, кто совершенно чистъ отъ всѣхъ египетскихъ язвъ: крови,

жабъ, гнилыхъ струповъ, тмы, пруговъ, скниповъ, града, огненнаго дождя, и прочаго, о чемъ упоминаеть исторія, тотъ достоинъ уподобиться оной силѣ, всадникомъ которой дѣлается Слово. Безъ сомнѣнія же не безвѣстно намъ, что означается язвами, почему язвою для Египтянъ стали: кровь, запахъ жабъ, преложене свѣта въ тму, и все прочее по порядку. Ибо кто не знаетъ, въ слѣдствіе какой жизни дѣлается иной кровію изъ пригоднаго прежде въ питіе, измѣнившись въ испорченное, и какими дѣлами въ собственномъ домѣ пораждаеть зловоніе жабъ, какъ свѣтлую жизнь претворяеть въ дѣла любезныя ночи и темныя, которыми геенская печь разжигаетъ гнилыя струны осужденія? Такъ и каждое изъ египетскихъ золь не трудно обратить въ назиданіе и уцѣломудреніе слушателя; но напрасно было бы распространяться въ словѣ о томъ, что всѣми признано.

Посему, ставъ лучше ихъ и подобныхъ имъ, и приблизившись къ Богу, и сами, конечно, услышимъ: *конемъ Моимъ въ колесницяхъ Фараоновыхъ уподобихъ тя, близняя Моя.* Но, можетъ быть, цѣломудренныхъ и ведущихъ чистую жизнь огорчаетъ уподобленіе коню, потому что многіе изъ Пророковъ запрещаютъ намъ уподобляться конямъ. Иеремія именемъ коней означаетъ прелюбодѣйное неистовство, когда говоритъ: *кони женоистовни сотвори-*

шася, кійждо кѣ жень искренняго своего рѣсаше (Іер. 5, 8.). Великій Давидъ почитасть страшнымъ дѣломъ, если кто станетъ *яко конь и лоскъ*, и у сдѣлавшихся такими повелѣваетъ стягивать челюсти *бродами и уздою* (Иса. 31, 9.). Поэтому Соломонъ въ продолженіи слова отклоняетъ такую мысль, говоря: хотя ты и конь, но не таковы твои челюсти, чтобы для сжатія ихъ была нужда въ бродяхъ и уздѣ; напротивъ того ланита твоя украшается чистотою горлицъ, ибо говоритъ: *что украшени ланиты твоя яко горлицы?* А наблюдавшими подобныя вещи засвидѣтельствовано, что птица сія, если сожителство будетъ расторгнуто, на послѣдующее время не ищетъ себѣ пары, и такимъ образомъ въ ней естественно преуспѣваетъ цѣломудріе. Посему въ значеніи похвалы взято здѣсь имя сей птицы, то есть челюсти божественныхъ коней вмѣсто узды служатъ подобіе горлицъ, чѣмъ означается, что таковымъ конямъ прилична жизнь чистая. Посему съ удивленіемъ говоритъ имъ Слово: *что украшени ланиты твоя яко горлицы?*

Присовокупляетъ же Оно къ этому и другую въ уподобленіи похвалу, говоря: *выя твоя яко лонисты*. Ибо однажды вдавнишь въ иносказательное значеніе, отъ видимаго у коней примышляетъ похвалу невѣстѣ; хвалитъ же выю, выгибающуюся въ видѣ круга, какою бываетъ

она, какъ видимъ у величавыхъ коней, потому что упоминаніе о монистахъ (я) указываетъ на кругъ, видъ котораго, представляемый высю, дѣлаетъ коня благолѣпнѣйшимъ себя самаго. Ибо слово: *ὄρμος* въ собственномъ смыслѣ употребляется о приморскихъ мѣстахъ, гдѣ лунообразно вдающійся внутрь берегъ, въ нѣдра свои принимаетъ морскія воды, и доставляетъ въ себѣ покой приплывающимъ изъ моря; а въ смыслѣ переносномъ тѣмже словомъ называется по наружному виду шейное украшеніе—цѣпь. И когда вмѣсто *ὄρμος*—цѣпь говоримъ уменьшительно: *ὄρμιονος* — цѣпочка; тогда таковымъ словомъ показываемъ подобіе внѣшняго вида въ маломъ очертаніи. Посему уподобленіе выи монистамъ показываетъ, что Слово великія похвалы восписываетъ невѣстѣ (ѳ). Во первыхъ, потому что конь, изгибая шею въ видѣ круга, смотритъ, какъ ступаютъ собственныя ноги его, которыми бѣжить непрерывно и безопасно, не спотыкаясь о камень, ни оступаясь въ яму; не мало же служить къ похвалѣ души,—обращать ей вниманіе самой на себя, со всякою безопасностію ускорять божественное теченіе, преодолая и

(я) Греческое слово *ὄρμιονος* (цѣпочка) происходитъ отъ *ὄρμος* (цѣпь, вогнутость берега, мѣсто для стоянія кораблей).

(ѳ) По рукописи читается: τῆ νίμτῆ.

минуя всё препятствія въ теченіи, бывающія отъ какихъ либо искушеній. Потомъ, самое первообразное значеніе слова: ὄρμος, откуда, по подобію наружнаго вида, шейное украшеніе названо монистами (ὄρμιβκος), заключаетъ въ себѣ преизбытокъ великихъ нѣкихъ похвалъ, когда выя уподобляется означаемому словомъ: ὄρμος. Какія же похвалы чрезъ это открываетъ намъ Слово? Пріятна и спасительна для пловцевъ пристань, пріятно послѣ злостраданія въ морѣ найти какой либо тихій заливъ (ὄρμον), гдѣ, забывъ испытанныя на морѣ бѣдствія, вполнѣ предаются успокоенію, за продолжительные труды утѣшая себя тишиною; не имѣютъ уже болѣе ни страха кораблекрушенія, ни мысли о подводныхъ камняхъ, ни опасенія отъ разбойниковъ, ни бушеванія вѣтровъ, ни воздымаемаго вѣтрами изъ глубинъ моря; напротивъ того обуреваемые находятъ себя внѣ всѣхъ этихъ опасностей, потому что море въ заливѣ спокойно. Посему, если кто приведетъ душу свою въ такое состояніе, что въ неволненномъ безмолвіи будетъ она имѣть тишину, нисколько не возмущаемая духами злобы, не надмеваясь гордостію, не пѣнясь волнами раздражительности, не обуреваясь другою какою либо страстію, не носясь всякимъ вѣтромъ, воздвигающимъ различныя волны страстей,—если у кого душа сама приходитъ въ такое состояніе, и обуреваемыхъ въ житей-

скомъ морѣ тревоженіями всякаго рода золь упокоиваетъ въ себѣ, раскрывъ предъ ними гладкую и неволненную добродѣтельную жизнь, такъ что вступившій въ нее не подлежитъ уже бѣдствіямъ крушенія: то прекрасно уподобляется похваляемымъ въ словѣ *монистамъ*, такъ какъ множественнымъ числомъ означается совершенство въ каждомъ родѣ добродѣтели. Ибо, если бы уподоблена была одному только монисту, то, конечно, похвала была бы несовершенною, какъ непредставляющая того же свидѣтельства и о прочихъ добродѣтеляхъ. Теперь же уподобленіе многимъ монистамъ заключаетъ въ словѣ полное свидѣтельство о добродѣтеляхъ. И это есть нѣкій совѣтъ, предлагаемый въ словѣ всей вообще Церкви,—а именно, что не должно намъ, имѣя въ виду какое либо одно изъ добрыхъ дѣлъ, оставаться нерадивыми о преслѣваніи въ прочихъ, напротивъ того если монистомъ у тебя стало цѣломудріе, чистою жизнію, какъ нѣкими бисерами, украшающее выю, то пусть будетъ у тебя и другое монисто, содержащее въ себѣ драгоценные камни заповѣдей и увеличивающее собою красоту выи; пусть будетъ у тебя и иное украшеніе на выѣ, — благочестивая и здравая вѣра, кругомъ облегающая собою выю души,—эта золотая гривна, блистающая на выѣ чистымъ златомъ боговѣдѣнія, о которой говоритъ книга Притчей: *вынецъ благодатей*

припечи на твоелъ версь и гривну злату о твоей выи (Прит. 1, 9.). И такъ вотъ совѣтъ, подаваемый намъ монистами.

Время же подвергнуть обозрѣнію и послѣдующія слова, съ какими друзья Жениховы обращаются къ дѣвѣ; читаются оныя такъ: *подобія злата сотворилъ ти съ пестротами сребри. Дондеже царь на восклоненіи своемъ.* Для имѣющаго въ виду связь всей рѣчи смыслъ этихъ словъ представляется нѣсколько зависящимъ отъ сообщеннаго намъ прежде взгляда и послѣдовательно изъ него вытекающимъ; смыслъ же буквальный, получая глубину отъ переносныхъ значеній, дѣластъ труднымъ къ уразумѣнію выражаемое рѣчью загадочною. Поелнику лѣпота души уподоблена конямъ истребителямъ египетскихъ колесницъ, то есть ангельскому воинству, а конямъ симъ, говоритъ прекрасный всадникъ, уздою служить чистота, которую означилъ онъ уподобленіемъ ланить горлицамъ, убранство же выи составляютъ различныя гривны, сіяющія добродѣтелями; то и друзьямъ желательно сдѣлать нѣкое присовокупленіе къ красотѣ коней, *подобіями злата* убравъ сбрую, которую испещряютъ чистотою сребра, чтобы тѣмъ наче сіяла красота убранства, когда свѣтлость золота срастворена съ блескомъ сребра. Но, оставивъ переносныя значенія словъ, необходимо не лишать рѣчь полезнаго для насъ смыс-

ла. Хотя душа, достигшая чистоты посредствомъ добродѣтелей, уподобилась онымъ конямъ; однакоже еще не подчинилась Слову, и не носила на себѣ ради спасенія Носимаго на таковыхъ коняхъ: надлежало коню сперва самому всѣмъ украситься, и тогда уже принять на себя всадникомъ Царя. Но сверху ли приспосаблиеть Себѣ коня Тотъ, Кто, по слову пророка, всѣдаетъ на насъ, коней Своихъ, и къ нашему спасенію совершаетъ *яжденіе* (Авв. 3, 8.), или въ насъ дѣлается обитающимъ, ходящимъ и проницающимъ до глубинъ нашей души,—нимало не разнится сіе по смыслу. Въ комъ есть что либо одно изъ того и другаго, въ томъ преуспѣетъ и остальное. Ибо имѣющій на себѣ Бога, конечно, имѣетъ и въ себѣ; и пріившій въ себя, подъялъ Того, Кто въ немъ. Посему царь упокоится на конѣ семъ; а для Божія могущества одно и то же, какъ сказано, и сѣдалище и *восклоненіе*; то ли, другое ли будетъ въ насъ, благодать равна. Посему, такъ какъ приспѣшники царскіе, убранствомъ коня дѣлаютъ его годнымъ къ воспріятію Царя, а въ разсужденіи Бога одно и то же быть Ему въ комъ и на комъ, то приспѣшники и служители, оставивъ продолженіе рѣчи въ переносномъ значеніи, коня содѣлали ложемъ. Ибо надлежало намъ, говорятъ они, *подобія злата сотворить съ пестротами сребра*, которыя украсили бы видъ коня, чтобы Царь

быль на немъ, поясняютъ они, не какъ на сѣдалищѣ, но какъ на *восклоненіи своѣмъ*. Такой видъ имѣеть связь рѣчи, какъ показало слово.

Но и слѣдующее стоить того, чтобы не проходить сего мимо, не обративъ вниманія на то, почему въ украшенія берутся не самое золото, а *подобія злата*, и не самое серебро, но изъ этого вещества на подобіи злата выбитыя *пестроты*? Наше о семъ предположеніе таково: всякое ученіе о неизреченномъ Естествѣ, хотя оно, повидимому, представляетъ всего болѣе боголѣвную и высокую мысль, есть подобіе злата, а не самое золото; ибо невозможно въ точности изобразить превысшее понятія благо. Хотя будетъ кто и Павломъ, посвященнымъ въ тайны рая, хотя услышитъ несказанные глаголы, но понятія о Богѣ пребудутъ неизразимыми; потому что, по сказанному Апостоломъ, *глаголы* о сихъ понятіяхъ *неизреченны* (2 Кор. 12, 4.). Посему сообщающіе намъ добрыя илкія умозаключенія о разумѣніи таинъ не въ состояніи сказать, въ чемъ состоитъ самое естество; называютъ же *сіяніемъ славы, образомъ ипостаси* (Евр. 1, 3.), *образомъ* Божіимъ (Кол. 1, 15.), *Словомъ въ началѣ, Богомъ Словомъ* (Іоан. 1, 1.); все же это намъ, которые не видимъ этого сокровища, кажется златомъ, а для тѣхъ, которые въ состояніи взирать на дѣйствительное, есть не

золото, но подобіе золота, представляющее въ тонкихъ нестрогахъ серебра. Серебро же есть означеніе словами, какъ говоритъ Писаніе, — *сребро разженное языкъ праведнаго* (Прит. 10, 20.). Посему такова выраженная симъ мысль: естество Божіе превышаетъ всякое постигающее разумѣніе, понятіе же, какое о Немъ составляется въ насъ, есть подобіе искомага; потому что показываетъ не тотъ самый образъ, *егоже никтоже видѣлъ есть, ниже вѣдѣти можетъ* (1 Тим. 6, 16.), но какъ въ зеркалѣ и въ загадочныхъ чертахъ отгѣняется нѣкоторое представленіе искомага, составляемое въ душахъ по какимъ-то догадкамъ. Всякое же слово, означающее таковыя понятія, имѣетъ силу какой-то недѣлимой точки, которая не можетъ объяснить, чего требуетъ мысль, такъ что всякое разумѣніе ниже мысли божественной, а всякое истолковательное слово кажется непримѣтною точкою, которая не можетъ расширяться до всей широты смысла. Посему Писаніе говоритъ, что душа, руководимая такими понятіями къ помышленію о непостижимомъ, должна одною вѣрою уготовлять себя въ обитель Естеству, превосходящему всякій умъ. Сіе-то и значитъ, что говорятъ друзья: тебѣ, душа, прекрасно уподобившаяся коню, сотворимъ нѣкія изображенія и подобія истины. Ибо такова сила сихъ серебряныхъ словесъ, что реченія кажутся какими-

то искрометными воспламененіями, которыя не могутъ сдѣлать въ точности видимымъ заключаемаго въ нихъ смысла. Но ты, пріявъ въ себя ихъ, чрезъ вѣру содѣлайся подъяремникомъ и обителію Того, Кто по вселеніи въ тебя намѣренъ восклониться у тебя. Ибо ты— престоль Его, а содѣлаешься и домомъ. Иный же, можетъ быть, скажетъ, что Павлова душа, или иная какая ей подобная, сподобилась таковыхъ глаголовъ. Ибо Павелъ, однажды содѣлавшись избраннымъ сосудомъ Владыкѣ, и на себѣ и въ себѣ имѣлъ Господа, бывъ и конемъ, какъ пронесшій *имя Его предъ языки и цари* (Дѣян. 9, 15.), и домомъ, вмѣщающимъ Невмѣстимое естество; потому что не самъ уже жилъ, но показывалъ въ немъ живущаго (Гал. 2, 2.), и представлялъ опыты, какъ въ немъ глаголетъ Христось (2 Кор. 13, 3.).

Когда сіе въ даръ чистой и дѣвственной душѣ принесли друзья Жениховы, то есть *служебнии души, въ служеніе посылаеми за хотящихъ наследовати спасеніе* (Евр. 1, 14.); тогда невѣста, по приращеніи дарованій, дѣлается въ нѣкоторой мѣрѣ болѣе совершенною. И болѣе приблизившись къ Возлюбленному, прежде нежели красота Его открылась очамъ, къ искомому соприкасается чувствомъ обонянія, и силою сего обонянія уразумѣвъ, какъ бы качества какаго тѣла, говоритъ, что благовоніе Его узнала по благоуханію мѣра,

которому имя — нардъ, съ такими словами обращаясь къ друзьямъ: *нардъ мой даде волю свою*. Какъ вы, говоритъ она, приносите мнѣ въ дарахъ не самое безпримѣсное золото Божества, но подобія золота, въ понятіяхъ для насъ вмѣстимыхъ, а не въ ясныхъ словахъ, открывая, что надлежитъ знать о Богѣ, мелкими пестротами словеснаго сребра представляя нѣкоторые образы искомаго; такъ и я по благоуханію моего мвра ощутила чувствомъ собственное Его благовоніе. Нѣкій подобный сему смыслъ, кажется мнѣ, имѣеть сказанное. Послику искусственная и соразмѣрная нѣкая смѣсь изъ многихъ и различныхъ, но неразнаго качества имѣющихъ запахъ, ароматовъ составляетъ таковое мвро, одноже нѣкое вложенное въ него благовонное произрастеніе, которому имя—нардъ, именованіе сіе даетъ цѣлому составу; и сіе, изъ всѣхъ ароматическихъ качествъ слагаемое въ одно благоуханіе, достигшее чистоты чувство принимаетъ за самое благовоніе Жениха: то, какъ думаемъ, Слово научаетъ насъ сказаннымъ, что, хотя составляющее самую сущность—то, что выше произведенія существъ и управленія имъ, неприступно, неприкосновенно, и непостижимо; однакоже замѣняется это для насъ тѣмъ благовоніемъ, которое, подобно мвру, приуготовляется въ насъ чистотою добродѣтелей, и уподобляется чистотою своею — чистѣйшему по

естеству, благостию—благому, нерастлѣніемъ—нетлѣнному, неизмѣнностию—неизмѣняемому, и всѣми добродѣтельными въ насъ преуспѣянiями—истинной добродѣтели, о которой говоритъ Пророкъ Аввакумъ, что занимаетъ всѣ небеса (Авв. 3, 3.). Посему невѣста, друзьямъ Жениховымъ произнося слова сіи: *ναρδὸς μου* даде волю свою мнѣ, по моему мнѣнію, такъ, и подобно сему, любомудрствуетъ: если кто (v), всякій благоуханный цвѣтокъ, или аромать, собравъ съ различныхъ луговъ добродѣтели, и всю свою жизнь благоуханіемъ каждаго изъ своихъ предначинаній содѣлавъ единымъ (a) муромъ, содѣлается во всемъ совершеннымъ; то, хотя по природѣ не можетъ возводить неуклоннаго взора къ самому Богу Слову, какъ и смотрѣть на солнечный кругъ; однакоже въ себѣ самомъ, какъ въ зеркалѣ, видитъ солнце; потому что лучи оной истинной и божественной добродѣтели, истекающимъ отъ нихъ безстрастіемъ просіявающимъ въ жизни достигшей чистоты, дѣлаютъ для насъ видимымъ невидимое, и постижимымъ недоступное, въ нашемъ зеркалѣ живописуя солнце. А что касается до заключающагося въ семъ понятiя, одно и то же, назвать ли сіе лучами солнца, или исте-

(v) По рукописи вмѣсто: *ἐς* читается: *ἐν τῆς*.

(a) По рукописи читается *ἐν μίρον*.

ченіями добродѣтели, или ароматными благоуханіями; ибо, что ни приложимъ изъ этого къ цѣли слова, изъ всего составляетъ одна мысль, что добродѣтелями приобрѣтаемъ мы вѣдѣніе о благѣ, превосходящемъ всякій умъ, какъ бы по нѣкоторому образу дѣлаемъ заключеніе о первообразной Красотѣ.

Такъ и невѣста—Павель, уподобляющійся добродѣтелями Жениху, и жизнью живописуя въ себѣ неприступную красоту, изъ плодовъ духа: любви, радости, мира и подобныхъ сему видовъ, муроваря сей народъ, сказалъ о себѣ, что онъ—*Христово благоуханіе* (2 Кор. 2, 15.), и въ себѣ обоняя неприступную оную и превосходную благодать, и другимъ предоставляя себя, свободно пользоваться имъ, какъ нѣкимъ благовоннымъ куреніемъ, между тѣмъ какъ благоуханіе, по собственному каждому расположенію дѣлается въ нихъ (б) или животворнымъ, или смертоноснымъ. Какъ одно и то же муро, если прикоснется къ нему кантаръ (в) и голубь, не одинаково дѣйствуетъ на обоихъ, но голубь отъ благоуханія мурѣ дѣлается болѣе сильнымъ, а насѣкомое гибнетъ: такъ дѣйствовалъ и великій Павель—этотъ божественный оніамъ. Если кто былъ голубь, подобно Титу,

(б) По рукописи вмѣсто: ξ читается α .

(в) Насѣкомое: карапузикъ.

или Силуану, или Тимоѳею, то раздѣляя съ нимъ благовоніе мѹра, по его примѣрамъ преуспѣвая во всякомъ добрѣ. А если кто былъ Димасъ, или Александръ, или Ермогенъ; то, не терпя ѳуміама воздержанія, подобно насѣкомымъ, они бѣжали отъ благоуханія. Почему и сказалъ благоухающій таковымъ мѹромъ: *Христово благоуханіе есмь въ спасаемыхъ и въ погибающихъ: овмѣъ убо воия смертная въ смерть, овмѣъ же воия животная въ животъ* (2 Кор. 2, 15. 16.).

Если же и евангельскій народъ имѣеть нѣчто сродное съ мѹромъ невѣсты; то, кому угодно, можетъ изъ написаннаго заключить и объ иномъ народѣ истикѣ многоцѣнномъ, который, будучи изліанъ на главу Господа (Матѹ. 26, 7.), всю храмину исполнилъ благовонія (Іоан. 12, 3.). Можетъ быть, и этого мѹра не чуждо мѹро, которое невѣстѣ *даде воию Жениха*, въ Евангеліи же, изліанное на Самаго Господа, наполняетъ благоуханіемъ храмину, въ которой была вечеря; потому что, кажется мнѣ, и тамъ жена въ пророческомъ нѣкоемъ духѣ предсказала мѹромъ танцство смерти, какъ свидѣтельствуеть Господь о сдѣланномъ ею, говоря: *на погребеніе Мя сотвори* (Матѹ. 26, 12.). И Господь даетъ поводъ храмину, наполненную благовоніемъ, представлять себѣ какъ весь міръ и цѣлую вселенную, сказавъ: *идльже аще проповѣдано будетъ Евангеліе сіе*
Гр. Писск. Ч. III.

во всемъ мирѣ, благоуханіе дѣла сего будетъ передаваемо съ проповѣдію Евангелія, и самое Евангеліе, говоритъ Господь, будетъ памятникомъ сей женѣ. Итакъ, поелику въ Пѣсни пѣсней народъ дастъ невѣстѣ воню Жениха; а въ Евангеліи цѣлаго тѣла Церкви во всей вселенной и во всемъ мірѣ помазаніемъ (г) дѣлается благоуханіе, наполнившее тогда всю храмину; то, можетъ быть, по этому находится нѣкое общеніе между тѣмъ и другимъ, такъ что и то и другое кажется однимъ. И объ этомъ довольно.

Слѣдующее же изреченіе, сообразно съ содержаніемъ описываемаго въ брачной пѣсни, повидимому, произносится уготовавшеюся уже для брачнаго чертога, показывасть же въ себѣ высшее и совершеннѣйшее любомудріе, преуспѣвать въ которомъ свойственно только совершеннымъ. Посему что значитъ сказанное: *вязаніе стакти братъ мой миль; посреди сосицу моею водворится?* Говорятъ, что любящія наряжаться женщины не паружными только убранствами имѣютъ попеченіе привлекать къ себѣ сожителей, но стараются посредствомъ какого либо благовопія пріятными для мужей своихъ содѣлать и тѣла, подъ покровомъ одежды скры-

---

(г) Въ рукописи послѣ *ἐκείνῃ* читается: *ἐπειδὴ* и *χρίσμα* вмѣсто *Χριστῶν*.

вая сообразно съ потребностию дѣйствующій аромать, который, издавая собственное свое благоуханіе, ароматнымъ благовоніемъ напоеваетъ и тѣло. При таковомъ же у нихъ обычаѣ, на чтò отваживается высокомудрая оная дѣва? *Вязаніе*, говоритъ, у меня, которое къ выѣ привѣшиваю на груди, и имъ придаю благоуханіе тѣлу, — не какой либо другой благовонный аромать, но Самъ Господь; Онъ, содѣлавшись *стакти*, возлежитъ въ *вязаніи* совѣсти, водворяясь въ самомъ сердцѣ моемъ; потому что мѣстное положеніе сердца, какъ говорятъ наблюдатели подобныхъ вещей, среди сосцевъ. Тамъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ хранится доброе сокровище, говоритъ невѣста, есть у ней *вязаніе*. Но говорятъ, что сердце есть и нѣкій источникъ въ насъ теплоты; изъ него по біющимъ жиламъ во все тѣло раздѣляется теплота, отъ которой тѣлесные члены, согрѣваемые огнемъ сердца, дѣлаются и теплыми и исполненными жизни. Посему пріѣвшая во владычественный умъ благоуханіе Христово, и сердце свое содѣлавшая *вязаніемъ* для таковаго оуміама, всѣ поодиначкѣ житейскія назначанія, какъ члены какаго тѣла, приуготовляетъ исходящимъ изъ сердца духомъ, чтобы кипѣли они, и никакое беззаконіе ни въ одномъ тѣлесномъ членѣ не охлаждало любви къ Богу.

Но поступимъ къ слѣдующимъ словамъ. По-

слушаемъ, что говорить о плодахъ своихъ виноградная *лоза*, плодовая, распростирающая вѣтви, какъ выражается Пророкъ, во всѣхъ *странахъ дому* Божія (Пса. 127, 3.) и кольцами любви обвивающаяся около божественной и пречистой жизни. *Грезнь Кипровъ*, говоритъ она, *братъ мой миль, въ виноградьхъ Емаддовыхъ*. Кто такъ блаженъ, или лучше сказать, кто столько выше всякаго блаженства, что, смотря на собственный свой плодъ, въ самомъ гроздѣ души своей видитъ Владыку виноградника? Ибо вотъ сколько возрасла въ собственномъ нардѣ познающая благоуханіе Жениха, содѣлавшая Ему изъ себя благовонное стаки, въ вязаніе сердца воспріявшая аромать, чтобы благо сіе на всегда осталось у ней не выдыхающимся; она содѣлывается матерью божественнаго грозда, до страданія пребывающаго Кипровымъ, то есть цвѣтущаго, а въ страданіи изливающаго вино; ибо вино веселящее сердце, по домостроительствѣ страданія, дѣлается и именуется кровію гроздовою (Втор. 32, 14.). Посему такъ какъ наслажденіе гроздомъ двояко: одно цвѣтомъ, когда увеселяетъ чувства благоуханіемъ; другое—созрѣвшимъ уже плодомъ, когда можно по произволу, или наслаждаться вкушеніемъ, или увеселять себя виномъ на пиршествахъ; то здѣсь невеста проситъ плода у цвѣтущаго грезна, цвѣтъ винограда называя *Кипроль*. Ибо рожденный намъ

отрокъ Іисусъ, въ пріившихъ Его различно преспѣвая *премудростію и возрастомъ и благодатию* (Лук. 2, 52.), не во всѣхъ одинаковъ, но по мѣрѣ того, въ комъ пребываетъ, сколько человѣкъ въ состояніи вмѣстить Его, такимъ и оказывается, или младенчествуящимъ, или преспѣваюящимъ, или совершеннымъ, по природѣ грозда, который не всегда усматривается на лозѣ въ одномъ и томъ же видѣ, но мѣняется видъ со временемъ, — зеленѣя, цвѣтя, спѣя, созрѣвая, дѣлаясь виномъ (д). Посему виноградная лоза величается собственнымъ своимъ плодомъ, который, хотя не созрѣлъ еще для вина, но ожидаетъ исполненія времени, однакоже неостается безъ употребленія для наслажденія, потому что вмѣсто вкуса увеселяетъ обоняніе, чувствулица души услаждая ожиданіемъ благъ—парами надежды: ибо вѣрность и несомнѣнность уповаемой благодати дѣлается наслѣдіемъ для терпѣливо ожидающихъ чаемаго ими. Посему-то *врезнѣ Китровѣ* есть гроздь, обѣщающій вино, но еще не содѣлавшійся виномъ, а напротивъ того цвѣтомъ (цвѣтъ же есть надежда) удостовѣряющій въ будущей благодати. Присовокупленіе же слова: *Гадди* означаетъ тучную страну, гдѣ насажденная виноградная лоза производитъ сочный и сладкій

(д) Последнія два слова дополнены по рукописи.

плодь. Описатели мѣстностей говорятъ, что участокъ Гадди способенъ произращать сочные грозды. Посему, такъ какъ чья воля согласна съ закономъ Господнимъ, кто въ немъ поучается всю ночь и весь день, тотъ дѣлается вѣчно зеленѣющимъ деревомъ, утучняемымъ притоками водъ, приносящимъ плодь въ надлежащее время; то и лоза Женихова поэтому, насажденная въ Гадди—мѣстѣ тучномъ, то есть въ глубинѣ разумѣнія, орошаемая и возвращаемая божественными ученіями, плодуринесла сей цвѣтущій и *Кипровъ грезнь*, въ которомъ видитъ своего Дѣлателя и Насадителя. Какъ блаженно таковое дѣланіе, котораго плодь уподобляется образу Жениха! Поелику Женихъ, какъ говоритъ Премудрость, есть истинный свѣтъ, истинная жизнь, истинная правда, и все сему подобное; то, когда кто либо въ дѣлахъ оказывается тѣмъ же, чѣмъ и Женихъ, тогда онъ (е), смотря на гроздь собственной своей совѣсти, видитъ въ немъ Самаго Жениха, въ свѣтлой и чистой жизни, какъ въ зеркалѣ, отражая свѣтъ истины. Посему и говоритъ плодовитая лоза: мой есть *грезнь*, по цвѣту *Кипровъ*, тотъ самый истинный грезнь, показавшій себя на *жерди* деревяной (Чис. 13, 24.), котораго кровь для спа-

---

(е) По рукописи читается: *οἷτος*, а не *οἶτω*.

саемыхъ и веселящихся удобопіема и спасительна, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

ВЕСЕДА Ч.

(1, 14) *Се еси добра искренняя моя, се еси добра: очи твои голубишь.* (15) *Се еси добръ братъ мой, и еще красенъ: одръ наши со ослыненіемъ,* (16) *преклады наши кедровыя, дски наши кипарисныя.* (2, 1) *Азъ цвѣтъ польный, и кринъ удольный.* (2) *Якоже кринъ въ тернии, тако искренняя моя посредь дочерей.* (3) *Яко яблонь посредь древесъ льсныхъ, тако братъ мой посредь сыновъ: подъ снь Ею восхотѣхъ и съдохъ, и плодъ Ею сладокъ въ юртани моемъ.* (4) *Введите мя въ домъ вина, вчините ко мнѣ любовь:* (5) *утвердите мя въ мръхъ, положите мя въ яблоцъхъ: яко уязвлена любовію азъ.* (6) *Шуйца Ею подъ главою моею, и десница Ею обѣиметъ мя.* (7) *Закляхъ васъ дщери Іерусалими въ силахъ и крѣпостехъ села: аще возставите, и возбудите любовь, дондеже восхоцетъ.*

Сказываютъ, что очищающіе золото по правиламъ искусства (ж), если красота блеска его померкла отъ какого либо съ намѣреніемъ при-

---

(ж) Здѣсь въ рукописи дополнено слово: *τεχνικός*.

мѣшеннаго нечистаго вещества, помогаютъ доброцвѣтности плавленіемъ на огнѣ, повторяютъ это неоднократно, и при каждомъ расплавліваніи смотрятъ, на сколько послѣ перваго при послѣдующемъ плавленіи золото стало свѣтлѣе, и до тѣхъ поръ не перестаютъ очищать вещество огнемъ, какъ самый видъ золота засвидѣтельствуетъ собою, что оно чисто, и не имѣетъ никакой примѣси. А почему, приступая къ настоящему обзорѣнію прочитаннаго, сдѣлали мы упоминаніе объ этомъ, будетъ сіе для насъ явствовать изъ самаго смысла того, чтѣ написано. Естество человѣческое въ началѣ было какое-то златое и сіяющее подобіемъ пречистому благу; но послѣ сего отъ примѣси порока содѣлалось худоцвѣтнымъ и чернымъ; какъ въ первыхъ стихахъ пѣсни слышали мы отъ невесты, что нерадѣніе о виноградѣ содѣлало ее очерненною. Его-то врачуя отъ безобразія, въ премудрости зиждущій все Богъ не новую какую либо красоту, которой не было прежде, устрояетъ для него, но очерненное прешавляя въ чистое, чрезъ это разложеніе приводитъ его въ прежнюю лѣпоту. Посему, какъ строгіе испытатели золота послѣ перваго плавленія смотрятъ, на сколько прибыво красоты въ веществѣ, утратившемъ нечистоту въ огнѣ, и потомъ, послѣ втораго плавленія, если недостаточно очищено первымъ, вычисляютъ увеличивающуюся кра-

соту золота, и многократно дѣлая тоже, извѣстными наукѣ средствами пробовать. узнають всегда приращеніе красоты; такъ и теперь Исправляющій это очерненное золото, какъ бы плавленіемъ какимъ, просвѣтляя душу подаваемыми ей врачествами, въ предшествовавшихъ сему словахъ засвидѣтельствовалъ о благообразіи въ видимомъ какихъ-то коней, а теперь уже открывшуюся въ дѣвѣ красоту одобряетъ какъ дѣйствительно красоту дѣвы; ибо говорить: *се еси добра искренняя моя, се еси добра: очи твои голубинь.*

Слово научаетъ сказаннымъ, что возстановленіе красоты состоитъ въ томъ, чтобы чловѣку содѣлаться искреннимъ Источника красоты, снова приобщиться къ истинной красотѣ, отъ которой онъ удался. Ибо сказано: *се добра еси искренняя моя.* Потому прежде сего не была ты *добра*, что, ставъ чуждою первообразной красоты, отъ дурнаго сближенія съ порокомъ, измѣнилась до гнусности. Смысль же сказуемаго таковъ: естество чловѣческое содѣлалось готовымъ принимать все, что ему по мысли; и къ чему поведетъ его склонность произвола, въ то и измѣняется; принявъ въ себя страсть раздражительности, дѣлается раздраженнымъ; когда одолѣетъ похоть, предается сластолюбію; когда явится склонность къ боязни, къ страху и къ одной изъ страстей, принимаетъ на себя образъ

каждой страсти; какъ и на оборотъ великодушіе, чистоту, миролюбіе, негнѣвливость, несокрушимость печалями, отважность, непрерывность, — всѣ сіи качества пріявъ въ себя, отличительный признакъ cadaго изъ нихъ выказываетъ состояніемъ души, наслаждаясь въ безмятежіи миромъ. Посему, такъ какъ добродѣтель не имѣетъ никакихъ связей съ порокомъ, слѣдуетъ, что невозможно быть обоимъ вмѣстѣ въ одномъ человѣкѣ; отступившійся отъ цѣломудрія непременно предается невоздержной жизни, и возгнушавшійся нечистою жизнію самымъ отвращеніемъ отъ зла преуспѣваетъ въ жизни неоскверненной; такъ и все другое: смиренномудренный далекъ отъ гордыни, и надмившійся кичливостію отринувъ смиренномудріе. И какая надобность останавливаться на семъ, говоря о всемъ подробно? Какъ въ разсужденіи того, что противоположно по естеству, отсутствіе одного дѣлается положеніемъ и присутствіемъ другаго; такъ, поелику имѣемъ мы произволеніе, и въ нашей власти—сообразоваться, съ чѣмъ намъ желательно, то содѣлавшейся красивою прилично говоритъ Слово: отступивъ отъ общенія съ зломъ, приблизилась ты ко Мнѣ, а ставъ близкою къ неприступной (з) красотѣ, сама

(з) По рукописи: къ первообразной.

содѣлалась прекрасною, подобно нѣкому зер-
калу, изобразивъ въ себѣ Мои черты. Ибо
дѣйствительно зеркалу подобенъ человекъ,
претворяющійся согласно съ образами произ-
вольно избранными. Увидитъ ли онъ золото,
является золотомъ, и показываетъ въ образѣ
самые лучи сего вещества; появится ли что
отвратительное, — чрезъ уподобленіе отпечат-
лѣваетъ въ себѣ гнусность этого, представляя
въ собственномъ своемъ видѣ какую нибудь
лягушку, или жабу, или тысяченожку, или иное
что либо непріятное на взглядъ, что только
изъ этого нашлось бы передъ глазами. Итакъ,
поелику душа, которую очистило Слово, по-
рокъ оставивъ позади, приняла въ себя сол-
нечный кругъ, и сама возсіяла съ явившимся
въ ней свѣтомъ; то посему говоритъ ей Слово:
прекрасна уже ты стала, приблизившись къ
Моему свѣту, приближеніемъ привлеки обще-
ніе красоты.

Се еси добра, продолжаетъ Женихъ, искрен-
ная моя; потомъ, останавливая на ней внима-
ніе, и какъ бы усмотрѣвъ, что совершается
въ ней какое-то приращеніе и усиленіе кра-
сoty, снова повторяетъ тоже слово, сказавъ:
се еси добра. Но произнося это въ первый
разъ, наименовалъ ее искреннею; а здѣсь на-
зываетъ, какъ узнается она по виду очей; ибо
говоритъ: *очи твои голубинь*. Прежде, когда
уподобляема была конямъ, похвала ограничи-

валась ланитою и выеи; теперь же, когда явною стала собственная ея красота, похваляется пріятность очей. А похвала очей состоитъ въ томъ, что *очи голубинь*; сіе же, кажется мнѣ, даетъ видѣть такую мысль: поелику въ чистыхъ зѣницахъ очей бывають видимы лица, на которыя око пристально смотритъ (ибо свѣдущіе въ естествословіи говорятъ, что глазъ, принимая въ себя вторженія подобій, которыя текутъ отъ видимыхъ вещей, чрезъ это самое производитъ зрѣніе); то поэтому похвалою благообразія очей дѣлается видъ голубицы, открывающійся въ ихъ зѣницахъ; ибо на чтò человѣкъ пристально смотритъ, подобіе того и въ себя пріемлетъ. Посему, такъ какъ не смотря уже на плоть и кровь, обращаетъ онъ взоръ къ жизни духовной, какъ говоритъ Апостоль, духомъ живя, духомъ ходя (Гал. 5, 25.), духомъ умерщвляя дѣянія плотскія (Рим. 8, 13.), и ставъ всецѣло духовнымъ, а не душевнымъ и не плотскимъ; то поэтому о душѣ, освобожденнейшей отъ плотскаго пристрастія, дается свидѣтельство, что въ очахъ у него видъ голубицы, то есть, что въ зрительной силѣ души свѣтятся черты жизни духовной. Итакъ, поелику чистымъ содѣлалось око невѣсты, и способнымъ принять въ себя черты голубицы; то начинается она посему взирать на красоту Жениха. Теперь дѣва въ первый разъ пристально смотритъ на образъ Жениховъ, когда

въ очахъ у ней голубица. Ибо никто же можетъ речи Господа Иисуса, точію Духомъ Святымъ (1 Кор. 12, 3.).

И дѣва говоритъ: *се еси добръ братъ мой, и еще красенъ.* Съ этого времени ни что другое не кажется мнѣ прекраснымъ; напротивъ того отвратилась я отъ всего, что прежде почиталось такимъ; не ошибаюсь уже въ сужденіи о красотѣ, такъ чтобы прекраснымъ, признать что, кромѣ Тебя, или какую человѣческую похвалу, или славу, или знатность, или могущество въ этомъ мірѣ. Хотя для обращающихъ вниманіе на чувство и прикрашено это призракомъ красоты, но оно не то, чѣмъ признается. Да и какъ быть прекраснымъ тому, что даже вовсе не имѣетъ самостоятельности? Ибо высоко цѣнимосъ въ этомъ мірѣ имѣеть бытіе въ одномъ только мнѣніи думающихъ, что оно существуетъ. Но Ты дѣйствительно красенъ, и не только красенъ, но всегда таковъ въ самой сущности прекраснаго, непрестанно пребывая тѣмъ, что Ты Самъ въ Себѣ, не временемъ цвѣтешь, а въ другое время перестаешь опять цвѣсти, но вѣчности жизни спротяженна Твоя красота; ей имя—человѣколюбіе. Ибо отъ колѣна Іудова возсіялъ намъ Христосъ (Евр. 7, 14.), іудейскій же народъ состоитъ въ братствѣ съ народомъ, приходящимъ къ Тебѣ изъ язычниковъ; посему, по причинѣ явленія Божества Твоего

во плоти, прекрасно Ты наименованъ братомъ возлюбившей.

Потомъ дѣва присовокупляетъ: *одръ нашъ со ослнненіемъ*, то есть, естество человѣческое познало Тебя, или познаеть, по домострои-тельству содѣлавшагося пріосѣненнымъ. Ибо говорить дѣва: ты, добрый братъ, прекрасно и пришелъ къ одру нашему, содѣлавшись пріосѣненнымъ; а если бы не пріосѣнилъ Ты Самъ Себя, пречистый лучъ Божества прикрывъ зракомъ раба, кто стерпѣлъ бы Твое явленіе? *Не бо узритъ кто лице Божіе, и живъ будетъ* (Исх. 33, 20.). Посему Ты, прекрасный, пришелъ, но содѣлавшись такимъ, что мы воз-могли принять Тебя;—пришелъ, лучи Божества пріосѣнивъ покровомъ тѣла. Ибо естество смертное и скорогибнущее какъ могло бы уго-товиться къ сочетанію съ естествомъ пречи-стымъ и неприступнымъ, если бы между нами, живущими во тмѣ, и между свѣтомъ, не по-служила средою сѣнь тѣла? *Одромъ* же име-нуетъ невѣста единеніе естества человѣческаго съ Божествомъ, объясняя оное въ примѣни-тельномъ смыслѣ, какъ и великій Апостоль обручаетъ насъ Христу дѣву, уневѣщиваетъ душу, и говоритъ, что прилѣпленіе другъ къ другу двоихъ до общенія въ одно тѣло есть великая тайна единенія Христова съ Церковію; ибо, сказавъ: *будетъ два въ плоть едину*, при-совокупилъ: *тайна сія велика есть: азъ же*

глаголю во Христа, и во Церковь (Еф. 5, 32.). По сей-то тайнѣ душа—дѣва общеніе съ Богомъ наименовала *одромъ*. А симъ *одромъ* не иначе возможно было сдѣлаться, какъ въ слѣдствіе пришествія къ намъ Господа пріосѣненнаго тѣломъ.

Онъ не только Женихъ, но и домоздатель; Самъ и зиждетъ въ насъ домъ, и служитъ веществомъ (и) для зданія. Ибо налагаетъ на домъ кровлю, украшая дѣло веществомъ негниющимъ,—а таковы кедръ и кипарисъ, въ которыхъ свойственная деревьямъ твердость выше всякой причины гніенія; ни времени не уступаетъ, ни червю не дастъ въ себѣ зародиться, ни плѣсеню не изъѣдается. Изъ деревъ сихъ кедръ, такъ какъ длинны, связываютъ широту дома подъ кровлею; а кипарисы такъ называемою обшивкою украшаютъ внутреннее устройство дома. Читается же сіе такъ: *преклады дому нашего кедровыя дски наши кипарисныя*. Но загадочное значеніе деревъ, безъ сомнѣнія, явно для тѣхъ, которые слѣдятъ за связію мыслей. Господь въ Евангеліи различныя прираженія искушеній именуетъ дождемъ, говоря о хорошо построенномъ домъ на камнѣ, что *сиде дождь, и возвѣяша вѣтры, и придоша рѣки* (Матѳ. 7, 25.), и зданіе осталось ничего

(и) По рукописи вмѣсто *δλης* читается: *ελη*.

не претерпѣвшимъ при этомъ. Итакъ, по причинѣ сего зловреднаго дождя, потребны намъ таковыя *преклады*, а ими будутъ добродѣтели, которыя, будучи тверды и неуступчивы, не допускаютъ внутрь себя притока искушеній, да и во время искушеній противятся вліанію порока. Дознаемъ же сказанное, съ предлагаемымъ здѣсь сличивъ изреченіе у Екклесіаста; ибо тамъ говорится: *во льностахъ смирится строизъ, и во празднествѣ рукъ прокаплетъ храмаина* (Еккл. 10, 18.). Если дерева, употребленные на кровлю, по топкости гибки и не тверды, а хозяинъ дома лѣнивъ для того, чтобы приложить попеченіе о здапіи, то не будетъ пользы отъ кровли, и дождь протечетъ каплями. Ибо кровля по необходимости вдавливается, уступая тяжести воды, и хилость деревъ не противится, подламываясь отъ прираженія тяжести; посему вода, скопившаяся во впадинѣ, переходитъ внутрь, и самыя *капли*, по слову притчи, *изгоняютъ человека изъ долу его* въ дождливый день (Прит. 27, 15.). Такъ загадочнымъ значеніемъ притчи повелѣвается, чтобы по твердости добродѣтелей были мы неуступчивы притокомъ искушеній, безъ чего размягчаемые прибоемъ страстей сдѣлаемся со впадинами, и примемъ въ свои таѣбницы со внѣ проникающіи въ сердце притокъ такихъ водъ, отъ которыхъ нортится берегаемое въ насъ. *Кедры* же сін суть *Ливанетіи*, иже на-

садишь Господь, на которыхъ *птицы возни-
дятся*, которыми *еродіево жилище предводи-
тельствоуетъ* (Пса. 103. 16. 17.). Итакъ кедры,
то есть добродѣтели, доставляютъ безопас-
ность дому брачнаго ложа; на нихъ гнѣздятся
души, содѣлавшіяся птицами, и улетѣвшія отъ
сѣтей, ими *предводительствуетъ еродіево жи-
лище*, которымъ Писаніе называетъ домъ; ска-
зываютъ же, что птица сія имѣетъ отвращеніе
отъ совокушенія, и если по какой-то естествен-
ной необходимости составляютъ они между
собою пары, то дѣлаютъ сіе, сжимаясь при
этомъ съ негодованіемъ, и выказывая недо-
вольствіе: почему, кажется мнѣ, именемъ сей
птицы слово Божіе загадочно означаетъ чи-
стоту.

Сіи же *преклады* на кровлѣ чистой ложницы
видитъ невѣста; усматриваетъ же и кипарис-
ное украшеніе, которое какою-то выглажен-
ностію и складностію въ сложени частей при-
даетъ блескъ видимой красотѣ; ибо невѣста
говоритъ, что кипарисная обшивка кровли; а
обшивкою называется какое-то смоченіе при-
лаженныхъ и чисто выструганныхъ досокъ,
разнообразящее красоту кровли. Чему же симъ
научаемся? Кипарисъ естественно благовоненъ;
онъ не допускаетъ также гнилости и приго-
денъ для всякой художественной плотничной
работы, по своей гладкости и стройности
слоевъ годенъ также для рѣзныхъ украшеній.

Посему, думаю, научаемся мы сказаннымъ, не только по навыку преслѣвать въ добродѣтеляхъ тайно, но не быть нерадивыми и о видимомъ благообразіи. Ибо надлежитъ промышлять *добрая* предъ Господомъ и предъ *человѣки* (Рим. 12, 13.), быть явленными *Богви*, и увѣщавать *человѣки* (2 Кор. 5, 11.), *свидѣтельство добро имѣти отъ внишихъ* (1 Тим. 3, 7.), *сіять предъ людьми дѣлами свѣтлыми, и благообразно ходить ко внишимъ* (1 Сол. 4, 12.). Таковы *дски* по благоуханію Христову, намекомъ на которое служить кипарисъ, искусно обдѣлываемый въ благообразіи жизни, какъ прекрасно и стройно умѣлъ слагать подобное сему премудрый здатель Павелъ, который говоритъ: *вся у васъ по чину и благообразно да бывають* (1 Кор. 14, 40.).

Такъ по преуспѣяніи въ этомъ бываетъ приращеніе въ насъ красоты, потому что равнина нашего естества произращаетъ благоуханный и чистый цвѣтъ; имя же цвѣту: кринь, въ которомъ естественно усматриваемая бѣлизна даетъ подразумѣвать блистаніе цѣломудрія. Ибо сіе сказуетъ о себѣ невѣста, говоря: послѣ того, какъ при одрѣ нашемъ пріосѣненъ сталъ тѣломъ **Женихъ**, который построилъ Себѣ меня въ домъ, кровлю подперевъ кедами добродѣтелей, и потолокъ украсивъ благоуханіемъ кипарисовъ, и я на полѣ естества содѣлалась цвѣтомъ, отличающимся отъ прочихъ цвѣтовъ

и доброцвѣтностію и благоуханіемъ; ибо возрасла изъ удолий криномъ. Читается же сіе такъ: *азѣ цвѣтѣ польный, и кринѣ удольный.* Ибо дѣйствительно, по предварительному нашему обозрѣнію, душа воздѣлана на равнинѣ естества. И слыша о полѣ, разумѣемъ широту человѣческаго естества, способность его принимать въ себя многія и безчисленные понятія, реченія и уроки. Итакъ обработанная Воздѣлывающимъ естество наше, показаннымъ выше способомъ, душа благоуханнымъ, бѣлымъ и чистымъ цвѣтомъ возрастаетъ на полѣ нашего естества. Поле же сіе, хотя, по сравненію съ небеснымъ жительствою, именуется *удоліемъ*, но тѣмъ не менѣе есть поле, и воздѣланной на немъ душѣ нѣтъ препятствія правильно сдѣлаться цвѣтомъ; потому что ростокъ изъ углубленія восходитъ въ высоту, что, какъ можно видѣть, бываетъ съ криномъ. Ибо стебель крива, по большей части въ видѣ тростника выбѣгая отъ корня прямо въ верхъ, даетъ потомъ на верхушкѣ цвѣтокъ, находящійся въ немаломъ промежуточномъ разстояніи отъ земли, чтобы, какъ думаю, красота его въ превысренности оставалась чистою, не оскверняемою смѣшеніемъ съ землею.

Посему и правдивое око, взирая на содѣлавшуюся, или вожделѣвшую содѣлаться, цвѣтомъ дѣву (ибо въ сказанномъ подразумѣваемъ то и другое,—или что величается она,

какъ содѣлавшаяся тѣмъ, чѣмъ возжелала, или что должна стать цвѣтомъ Дѣлателя, по Его премудрости изъ удолийъ человѣческой жизни появившись въ красотѣ крина), — правдивое, говорю, око Жениха, видя благое вождельнiе взирающей на Него дѣвы, намѣревается ли только она содѣлаться, или уже содѣлалась, чѣмъ пожелала, прекрасно изъявило изволенiе, чтобы содѣлалась она криномъ, не заглушаемымъ тернiями жизни, которыя Женихъ наименовалъ *дщерями*, молча, какъ думаю, указывая на враждебныя человѣческой жизни силы, которыхъ отецъ называется обрѣтателемъ злобы. Посему Женихъ говоритъ: *якоже кринъ въ тернii, тако сестра Моя посреди дщерей*. Какое усматриваемъ совершающееся въ душѣ преспѣянiе въ восхожденiи на высоту! Первое восхожденiе то, что душа уподобилась конямъ, истребителямъ египетской силы; второе восхожденiе — то, что стала искреннею и содѣлала очи свои голубиными; посему третiе восхожденiе — то, что наименована не искреннею только, по сестрою Владыки. Ибо говоритъ Онъ: *иже аще сотворитъ волю Отца Моего, Иже есть на небесяхъ, той братъ Мой и сестра Ми и мати есть* (Матѣ. 12, 49.).

Итакъ невѣста, поелику содѣлалась цвѣтомъ, и тернистыя искушенiя нимало не повредили ей въ томъ, чтобы стать криномъ, забывъ же *люди своя и долъ отца своего* (Пса. 44, 11.),

обратила она взоръ къ истинному Отцу; то посему и именуется сестрою Господа, какъ введенная въ сіе родство Духомъ всыновленія, и освободившаяся отъ общенія съ дщерями лжеименнаго отца, снова содѣлывается превзошедшею себя самую, и очами голубиными, то есть духомъ пророчества, видитъ тайну. Говоритъ же она слѣдующее: *яко яблонь посреди деревьевъ льсныхъ, тако братъ мой посреди сыновъ*. Посему что же видитъ она? Святое Писаніе именуетъ обыкновенно лѣсомъ нечистую человѣческую жизнь, заросшую различными видами страстей, гдѣ гнѣзятся и укрываются губительныя звѣри, природныя свойства которыхъ: при свѣтѣ и солнцѣ оставаясь бездѣйственными, приобрѣтаютъ силу во тмѣ; ибо по захожденіи солнца, говоритъ Пророкъ, съ наступленіемъ ночи, во время ея звѣри выходятъ изъ норъ (Иса. 103, 19. 20.). Итакъ, поелику пустынный звѣрь, питающійся въ лѣсу, разорилъ прекрасный виноградъ естества человѣческаго, какъ говоритъ Пророкъ: *озоба ѱ и вепрь отъ дубравы, и уединенный дивій пояде ѱ* (Иса. 79, 14.), то въ лѣсу насаждается посему яблонь, которая какъ тмѣ, что она дерево единой сущности съ человѣческимъ веществомъ (ибо искушено *по всяческииъ по подобію развѣ грѣха* (Евр. 4, 15.)), такъ и тмѣ, что приноситъ такой плодъ, которымъ услаждаются чувствилища души, боль-

шее имѣеть отличіе отъ лѣса, нежели какое у крина отъ тернія. Ибо кринь имѣеть пріятность только по виду и благоуханію, а пріятность яблони удовлетворяеть тремъ чувствамъ, увеселяя глазъ красотою вида, услаждая чувство обонянія благовоніемъ, и дѣлаясь пищею, доставляеть услажденіе чувству вкуса. Посему невѣста хорошо видитъ различіе свое со Владыкою; потому что Онъ бываетъ намъ усладою для очей, ставъ свѣтомъ, и муромъ для обонянія, и жизнію для ядущихъ; *ядый* Его *живъ* *будетъ*, какъ нѣгдѣ говоритъ Евангеліе (Іоан. 6, 57.), а человѣческое естество, усовершенное добродѣтелию, дѣлается цвѣтомъ, только не дѣлателя питающимъ, но украшающимъ себя само. Ибо не Онъ имѣеть нужду въ нашихъ, но мы нуждаемся въ Его благахъ, какъ говоритъ Пророкъ: *бланихъ моихъ не требуши* (Пса. 15, 2.).

Посему достигшая чистоты душа видитъ Жениха, содѣлавшагося яблонію *посредь* *древесъ* *лѣсныхъ*, чтобы, прививъ къ Себѣ всѣ дикія вѣтви въ лѣсу, приуготовить къ обильному произращенію подобнаго плода. Посему, какъ, по причинѣ уподобленія тернію, признали мы чадами жженнаго отца тѣхъ дочерей, которыя, будучи насаждены подлѣ цвѣта, со временемъ и сами переходятъ къ благодати крина: такъ и здѣсь, услышавъ объ уподобившихся таковымъ лѣснымъ деревьямъ, предпо-

лагаемъ, что означаютъ не друзей, но противниковъ Жениховыхъ и тѣ, которыхъ изъ бывшихъ сынами тмы и чадами гнѣва Женихъ общеніемъ плода преобразуетъ въ сыновъ свѣта и въ сыновъ дня.

Почему обучившая чувствія душа говоритъ: *плодъ Его сладокъ въ гортани моему*. Плодъ же, безъ сомнѣнія, есть ученіе; ибо Пророкъ говоритъ : *коль сладка гортани моему словеса Твоя, паче меда устолъ моимъ* (Пса. 118, 103.). *Яко яблонь посреди деревьевъ льсныхъ, тако братъ мой посреди сыновъ: подъ сѣнь Его восхотѣхъ и съдохъ, и плодъ Его сладокъ въ гортани моему*. Ибо тогда подлинно услаждаются Словомъ чувствилница души, когда при зноѣ искушеній осѣняетъ насъ сѣнь яблони, и не даетъ намъ сгарать отъ такого солнца, опаляющаго обнаженную голову. Но найти прохладу подъ сѣнію древа жизни можно не иначе, какъ развѣ когда вождельніе приводитъ къ тому душу. Видишь, для чего вложена въ тебя вождельвающая сила?—для того, чтобы возбудить въ тебѣ любовь къ яблонѣ, наслажденіе которою въ приближающихся бываетъ многообразно; потому что и глазъ упокоевается видѣніемъ красоты, и носъ вдыхаетъ благоуханіе, и тѣло питается, и уста услаждаются, и отвращается зной, и сѣнь дѣлается престоломъ, на которомъ возсѣдаетъ душа, отрекшись отъ *сидалища губителей* (Пса. 1, 1.).

Потомъ невѣста говоритъ: *введите мя въ домъ вина, вчините ко мнѣ любовь: утвердите мя въ мѣрѣхъ, положите мя въ яблочки: яко уязвлена любовію азъ.* Душа, прекрасно уподобившаяся конямъ, чтобы совершить ей божественное теченіе, какъ бы частыми и усменными скачками, простирается впередъ, не возвращается же назадъ къ тому, что улучила въ достигнутомъ уже прежде. Она жаждетъ еще, и такова сила жажды, что не довольствуется чашею премудрости, для утоленія жажды не почитаетъ достаточнымъ влить въ уста цѣлую чашу, но домогается, чтобы ввели ее въ самый домъ вина, чтобы примкнуть уста къ самымъ точиламъ, изливающимъ сладкое вино, увидѣть гроздь, сгнетаемый въ точилахъ, и ту виноградную лозу, которая питаетъ таковой гроздь, и Дѣлателя истинной виноградной лозы, содѣлывающаго гроздь сей столько питательнымъ и пріятнымъ. Излишнимъ было бы дѣломъ разбирать каждое изъ сихъ понятій порознь, потому что явно усматриваемое въ каждомъ изъ нихъ переносное значеніе. Безъ сомнѣнія же желательно уразумѣть оную тайну, почему отъ истощанія точила багряными дѣлаются Жениховы одежды, о которыхъ говоритъ Пророкъ: *почто червлены ризы твоя, и одежды твоя яко отъ истощанія точила* (Иса. 63, 2.)? Ради сего и подобнаго сему невѣста желаетъ быть внутри

дома. въ которомъ совершается сіе таинство вина. Потомъ, вошедши внутрь, устремляется еще къ большому. Ибо просить подчинить ее любви, — *любви* же, по слову Іоанна, *есть Богъ* (1 Іоан. 4, 8.), подчинить Которому душу, какъ объявилъ Давидъ, *есть спасеніе* (Цса. 61, 2.). Итакъ, говоритъ невѣста, поелику я въ домѣ вина, то подчините меня любви, или *вчините ко мнѣ любовь*. Какую ни употребишь перестановку словъ, въ томъ и другомъ случаѣ, то есть, когда душа, или подчиняется любви, или подчиняетъ себѣ любовь, означаемое то же.

Или, можетъ быть, сими словами научаемся мы одному изъ высшихъ догматовъ, а именно тому, какую любовь надлежитъ воздавать Богу, и какое имѣть расположеніе къ другимъ. Ибо, если надобно всему быть по чину и благообразно, то въ подобномъ сему тѣмъ наче прилична чинность. И Каинъ не былъ бы осужденъ за то, что худо *раздѣлилъ*, если бы, *право* принеся, сохранилъ приличіе по чину касательно того, что было имъ оставлено на потребу себѣ, и что посвящено Богу. Ему должно было въ жертву Богу принести начатки изъ первородныхъ, а онъ, что было болѣе цѣннаго, тѣмъ насытившись самъ, предложилъ Богу остатки. Посему надлежитъ знать чинъ любви, предписываемый закономъ, — какъ надобно любить Бога, какъ ближняго, и жену,

и врага, чтобы исполненіе любви не содѣлалось какимъ-то беспорядочнымъ и превратнымъ. Ибо Бога любить должно всѣмъ сердцемъ, всею душою и силою и всѣмъ чувствомъ, а ближняго, какъ себя самаго, и жену тому, у кого чистая душа, какъ Христось любить Церковь, а тому, кто болѣе страстенъ, какъ свое тѣло; такъ повелѣваетъ установитель порядка во всемъ подобномъ, Павелъ (Ефес. 5, 25, 28.): и врага любить должно такъ, чтобы не воздавать зломъ за зло, но благодареніемъ вознаграждать за обиду. Нынѣ же можно видѣть, что любовь у многихъ смѣшана, беспорядочна, по причинѣ ничѣмъ несогласимой нестройности дѣйствуетъ погрѣшительно. Одни и деньги, и почести, и женъ, если расположены къ нимъ горячѣе, любятъ отъ всей души и всѣми силами, такъ что желали бы положить за нихъ и жизнь; а Бога только для вида; ближнему же едва оказываютъ и такую любовь, какую предписано имѣть ко врагамъ; а къ ненавидящимъ имѣютъ такое расположеніе, чтобы огорчившимъ отмстить большимъ зломъ. Итакъ невѣста говоритъ: *вчините ко мнѣ любовь*, чтобы воздавала я ее Богу, сколько должно, а каждому изъ другихъ безъ недостатка въ надлежащей мѣрѣ.

Или въ словѣ семъ можно подразумѣвать и слѣдующее: поелику я, говоритъ невѣста, возлюбленная въ началѣ, за преслушаніе была

причислена ко врагамъ, а нынѣ снова возвратилась въ ту же милость, любовію примирившись съ Женихомъ; то законность и неизмѣнность сей милости подтвердите мнѣ вы, друзья Жениховы, со тщаніемъ и внимательностію соблюдая непремѣнною во мнѣ склонность къ лучшему.

Сказавъ это, невѣста оиять переходитъ къ болѣе возвышенной рѣчи; потому что просить для прочности благъ подкрѣпить ее мурами, и говорить: *утвердите мя въ муръхъ*. Какія необычайныя и новыя подиоры! Какъ мура содѣлаются столпами дома? Какъ твердость построенія кровли опирается на благоуханіи? Не явно ли, конечно, что достояніе добродѣтелей, многими способами съ успѣхомъ приобрѣтаемое, по различію дѣйствій и именуется? Ибо не только увидѣть доброе и придти въ общеніе съ наилучшимъ, но и сохранить непрекнновенность въ прекрасномъ есть добродѣтель. Посему желающій быть утвержденнымъ *въ муръхъ* домогается себѣ твердаго пребыванія въ добродѣтеляхъ. Ибо добродѣтель есть мура, потому что она удалена отъ всякаго зловонія грѣховъ.

Иный подивится сказанному въ слѣдъ за симъ: почему вожделѣваетъ невѣста устлать домъ не кустами какими, и тернами, и сѣномъ, и тростникомъ, лучше же, какъ говоритъ Апостолъ, не древами, тростіемъ и сѣ-

номъ (1 Кор. 3, 12.), изъ чего уготовляются вещественные дома; но постилкою на потолокъ дома у ней служатъ яблоки; ибо говорить: *положите мя въ яблоцѣхъ*, чтобы этотъ плодъ сталъ для нея всѣмъ и во всемъ, — красотою, муромъ, услажденіемъ, пищею, прохладою, доставляемою имъ тѣнью, покойнымъ сѣдалищемъ, подпирающимъ столпомъ, покрывающимъ потолокомъ. Ибо, какъ красота, съ вождѣніемъ разсматривается; какъ муро, доставляетъ пріятность обонянію, какъ пища, утучняетъ тѣло и услаждаетъ вкусъ; какъ сѣнь, даетъ прохладу отъ жара; какъ сѣдалище, успокоиваетъ послѣ труда; какъ кровля дома, служитъ покровомъ живущимъ въ домѣ; какъ столпъ, дѣлаетъ непреткновеннымъ; какъ видимое яблоко, украшаетъ потолокъ. И придумаешь ли кто какое зрѣлище красивѣе разложенныхъ яблокъ, когда плоды сіи, въ порядкѣ расположенные на какой либо плоскости безъ всякихъ между собою промежутковъ, разнообразятъ видъ тѣмъ, что красота одного яблока перемѣшана съ бѣловатостію другаго? Посему, если возможно, чтобы положеніе яблокъ было видимо подъемлющимся на плоскости вверхъ, то можетъ ли что быть изящнѣе этого вида? А сіе не невозможно для вождѣнія духовныхъ благъ; потому что не тяжелъ плодъ этого вида, не тянетъ и не клонится къ землѣ, но по природѣ имѣетъ стремленіе въ

высоту. Ибо добродѣтель восходитъ вверхъ, и обращаетъ взоръ горѣ. Посему красотою такихъ яблокъ вождѣлѣваетъ невѣста убрать потолокъ собственнаго дома. Ибо, кажется миѣ, главная забота слова не о томъ, чтобы отъ сложенія яблоковъ на подстилкѣ видимо было какое-то замѣтное зрѣлище. Какое было бы въ этомъ путеводство къ добродѣтели, еслибы въ сказанномъ не усматривалось какой либо полезной для насъ мысли?

Посему, какая это мысль, по нашему гаданію? Въ лѣсу естества нашего по человѣколюбію Произросній, чрезъ причастіе плоти и крови содѣлался яблокомъ; ибо въ семъ плодѣ можно видѣть подобіе по цвѣту и плоти и крови; бѣлесоватостію онъ уподобляется свойству плоти, а разлитая по ней краснота свидѣтельствуешь видомъ, что плодъ имѣеть сродство съ естествомъ крови. Посему, когда душа, услаждающаяся божественнымъ, вождѣлѣетъ обратить взоръ на этотъ кровь, сею загадкою научаемся слѣдующему: то, что, взирая горѣ, обращаемъ вниманіе на яблоки, значить, что къ небесному жительству путеводимся евангельскими ученіями, которыя открылъ намъ Пришедшій свыше и превъше всѣхъ Сущій, въ явленіе Свое во плоти показавъ въ Себѣ самомъ образцы всѣхъ добрыхъ дѣлъ, какъ говоритъ Господь: *научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ*

(Матѣ. 11, 29.). Тоже самое говоритъ и Апостоль, предписывая намъ смиренномудріе (однимъ примѣромъ можно доказать всю истину сего слова (i)). Ибо взирающимъ горѣ говоритъ: *сіе да мудрствуется въ васъ, еже и во Христѣ Іисусѣ, иже во образъ Божіи сый, не восхищеніемъ нелицева быти равенъ Богу, но Себе истощилъ, зракъ раба приимъ, съ плотію и кровію Пребывавшій въ жизни и вмѣсто подлежащія Ему радости, добровольно приобщившійся нашего уничиженія и Снисшедшій до (к) испытанія смерти (Фил. 2, 5—8.). Посему невѣста говоритъ: *положите мя въ яблоцехъ*, чтобы, взирая всегда въ высоту, видѣть мнѣ образцы добрыхъ дѣлъ, показуемые въ Женихѣ; тамъ кротость. тамъ негнѣвливость, тамъ незлопамятность на враговъ, и человеколюбіе къ оскорбляющимъ, за злобу воздаяніе благодареніемъ; тамъ воздержаніе, чистота и великодушіе, отсутствіе всякаго тщеславія и житейской прелести.*

Сказавъ сіе, невѣста хвалитъ стрѣльца за мѣткость, за то, что искусно направилъ въ нее стрѣлу; ибо говоритъ: *уязвлена любовію азъ*. Симъ словомъ указываетъ на стрѣлу, глубоко лежащую въ ея сердцѣ; Устрѣлившій сею стрѣлою есть любовь. Дознали же мы

(i) По рукописи читается: *τῶ λόγῳ*.

(к) По рукописи вмѣсто: *μετα* читается: *μεχρι*.

изъ святаго Писанія, что любовь есть Богъ. Онъ пускаетъ въ спасаемыхъ избранную стрѣлу Свою, едиnorodнаго Сына, Духомъ жизни помазавъ тройное жало острія. Остріе же есть вѣра, чтобы, въ комъ будетъ она, вмѣстѣ со стрѣлою введенъ былъ и Устрѣлившій, какъ говорить Господь: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. 10, 30.); и: *прииде азъ и обитель у него сотвори азъ* (Іоан. 14, 23.). Посему душа, возвысившаяся божественными восхожденіями, видитъ въ себѣ сладкую стрѣлу любви, которую уязвлена, и уязвленіе обращаетъ себѣ въ похвалу, говоря: *уязвлена любовію азъ*. Какая прекрасная язва! какое сладостное пораженіе, съ которымъ во внутренность проникаетъ жизнь тамъ, гдѣ пронзила стрѣла, отверзшая себѣ какъ бы нѣкую дверь и входъ! Ибо вмѣстѣ и пріяла въ себя стрѣлу любви, и стрѣльба измѣнилась немедленно въ брачное веселіе. Ибо извѣстно, какъ руки распоряжаются лукомъ, сообразно съ потребностію исправляя то или другое дѣло; лѣвая рука держитъ лукъ, а правая тянетъ къ себѣ тетиву, привлекая за разрѣзной конецъ стрѣлу, придерживаніемъ лѣвой руки направляемую къ цѣли. Посему служившая незадолго прежде цѣлю для стрѣлы теперь вмѣсто стрѣлы себя видитъ въ рукахъ стрѣльца, между тѣмъ какъ иначе правая и иначе лѣвая рука объемлетъ стрѣлу. Но поелику въ послѣдствіи образы представленій

приводятся въ переносномъ значеніи изъ брачной пѣсни, то невѣста не то представила, что лѣвою рукою поддерживается остріе стрѣлы, а правая объемлетъ другую ея часть, такъ чтобы душа стала стрѣлою въ рукѣ сильнаго, направляемою къ горней цѣли; напротивъ того представила, что лѣвая рука подложена, вмѣсто острія, *подъ лавою*, а правую объемлется прочее, чтобы, какъ думаю, въ словѣ сими вдвойнѣ загадочными выраженіями вмѣстѣ изложено было любомудріе божественнаго восхожденія, показывая, что и Женихъ и стрѣлецъ нашъ есть одинъ и тотъ же, что чистая душа служить для Него и невѣстою и стрѣлою, и какъ стрѣлу, направляетъ Онъ ее къ доброй цѣли, какъ невѣсту, воспріемлетъ въ общеніе неистлѣнной вѣчности, *долготу житія и лета жизни* даруя десницею, а шуйцею *богатство* вѣчныхъ благъ и *славу* Божию (Прит. 3, 16.), которой непричастными дѣлаются ищущіе славы міра сего. Посему говоритъ: *шуйца Его* *подъ лавою моею*, — шуйца, которою стрѣла направлена въ цѣль. А десница Его, меня объемля и привлекая къ Себѣ, дѣлаетъ легкою къ возношенію горѣ, и пускаетъ вверхъ, и не отлучаетъ отъ стрѣльца, такъ что вмѣстѣ и несусь въ слѣдствіе верженія, и упокоеваюсь въ рукахъ Владыки. Объ отличительныхъ же свойствахъ сихъ рукъ говоритъ книга Притчей, что *долгота житія и лета жизни въ де-*

сницъ Премудрости, въ шуйцъ же ея богатство и слава (Прит. 3, 16.).

Потомъ невѣста обращаетъ рѣчь къ дочерямъ горняго Иерусалима; рѣчь же сія есть убѣжденіе, предлагаемое съ заклятіемъ, — всегда умножать и возвращать любовь, пока не приведетъ въ исполненіе воли Своей Тотъ, Кто вселѣхъ хочетъ спастися и въ разумѣ истины пріити (1 Тим. 2, 4.). Вотъ сія рѣчь, которую произноситъ невѣста: *закляхъ васъ дщери іерусалимли въ силахъ и крѣпостехъ села: аще воставите, и возбудите любовь, дондеже восхоцетъ. Клятва есть слово, собою удостоверяющее въ истинѣ; дѣйствіе же клятвы двояко: она, или сама удостоверяетъ слушающаго въ истинѣ, или заклятіемъ другихъ приводитъ въ необходимость ни въ чемъ не лгать. Напримѣръ: клятсѣя Господь Давиду истинною, и не отвержется ея (Пса. 131, 11.). Здѣсь клятвою подтверждается вѣрность обѣтованія. Когда же Авраамъ, прилагая попеченіе о благородномъ сунружествѣ едиnorodнаго, повелѣваетъ рабу своему въ брачное сожительство Исааку не приводитъ никого изъ рода ханаанскаго, осужденнаго на рабство, чтобы примѣсь рабскаго рода не причинила вреда благородству преемства, а напротивъ того избрать сыну сунругу въ отечественной ему землѣ и въ родствѣ его; тогда заклятіемъ приводитъ раба въ необходимость не вознерадѣть о приказаніи, и если*

пошлетъ его, ради себя самаго сдѣлать то, что призналъ онъ за благо для сына; такъ слуга заклинается Авраамомъ устроить Исааку приличное супружество. Посему, такъ какъ дѣйствіе клятвы двояко, то здѣсь душа, вошедшая на такую высоту, какой видѣли мы ее достигшею въ изслѣдованномъ нами прежде, обучаемымъ ею душамъ указуя дальнѣйшій путь къ совершенству, своею клятвою не удостоверяетъ слушающихъ въ несомнѣнности того, что улучила сама; но заклианіемъ руководить ихъ къ жизни добродѣтельной, къ неусыпной и бодрственной любви, до тѣхъ поръ (1), пока не исполнится благая Его воля, которая въ томъ состоитъ, чтобы всѣ спаслись и въ разумъ истины пришли. А клятва, какъ тамъ была о *стѣнѣ* патриарховомъ (Быт. 24, 9.), такъ здѣсь *въ силахъ и крепостехъ села*; ибо такъ говоритъ Писаніе: *закляхъ васъ дщери іерусалимли въ силахъ и крепостехъ села: аще возставите, и возбудите любовь, дондеже восхоцетъ*. Въ словахъ сихъ разсмотрѣть должно, во первыхъ, какое это село; потомъ, какая *крепость* села и *сила* его, и есть ли между ними разность, или тѣмъ и другимъ означается одно; сверхъ того, что значить *возставить*, и что—возбудить любовь;

---

(1) По рукописи читается *μέχρι τότε*, а не *μετά τότε*.

а выраженіе *дондеже восхоцетъ* объясняется сказаннымъ прежде.

Что *селомъ* Владычнее слово означаетъ міръ, явно сіе каждому изъ евангелія; а что *преходитъ образъ міра сего* (1 Кор. 7, 31.), и ничего не оказывается прочнаго въ непостоянномъ естествѣ, это явно по громогласному свидѣтельству Екклесіаста, который все видимое и преходящее причислилъ къ вещамъ суетнымъ. Посему, какая же сила у такаго села, которое есть міръ? Или какая крѣпость въ томъ, намятованіе о чемъ съ заклятіемъ, данное дщерамъ іерусалимскимъ, повелѣніе дѣлаеть ненарушимымъ? Если смотрѣть на видимое, будто бы въ немъ есть какая-то сила, то подобное предположеніе отвергаетъ Екклесіастъ, именуя суетою все, на что указываютъ, и чего домогаются люди въ видимомъ. Ибо суетное несостоятельно; а несостоятельное по сущности не имѣеть силы. Или, можетъ быть, въ означеніи слова: *сила* множественнымъ числомъ найдется какая догадка о выражаемомъ имъ понятіи? Ибо изъ святаго Писанія извѣстно намъ такое различіе въ разсужденіи подобныхъ именъ: когда говорится въ единственномъ числѣ: сила, тогда такимъ реченіемъ разумѣніе отсылается къ Божеству; а когда тоже имя произносится во множественномъ числѣ, то представляется словомъ естество ангельское. Такъ *Христосъ—Божія Сила и Премудрость*

(1 Кор. 1, 24.); здѣсь единственнымъ числомъ Писаніе даетъ разумѣть Божество. *Благовѣстие Господа вся силы Его* (Пса. 102, 21.),— здѣсь множественное число: *силы* показываетъ значеніе разумнаго ангельскаго естества. А слово: *крѣпость*, сопоставленное съ словомъ: *сила*, усиливаетъ значительность понятія; такъ Писаніе повтореніемъ равносильныхъ реченій тверже выражаетъ, что ему желательно. Такъ въ словахъ: *Господи крѣпосте моя и утверждение мое* (Пса. 17, 23.), каждое изъ реченій означаетъ одно и то же, но сопоставленіе равносильныхъ словъ показываетъ усиленіе означаемого. Посему множественное означеніе *силъ* и подобообразное упоминаніе о *крѣпостехъ* возводитъ, какъ видно, мысль слышавшихъ къ естеству ангельскому, такъ что заклинаніе, представляемое наставницею (м) обучаемымъ душамъ въ подтвержденіе сокровеннаго, дѣлается силою не преходящаго міра, но всегда пребывающаго естества ангеловъ, на которыхъ повелѣвается взирать, чтобы ихъ примѣромъ утверждались непоколебимость и постоянство добродѣтельнаго житія. Поелику имѣемъ обѣтованіе, что по воскресеніи жизнь человѣческая содѣлается подобною состоянію Ангеловъ (н) (*Обѣтовавній же не лживъ*); то слѣ-

---

(м) По рукописи читается: *παρα τῆς διδασκάλου.*

(н) Переведено по рукописи.

дуетъ и жизнь въ мірѣ семъ приуготовлять къ жизни, чаемой послѣ сего, такъ чтобы, живя во плоти, и проводя время на селѣ міра сего, жить не по плоти и не сообразоваться вѣку сему, но и во время жизни въ мірѣ имѣть попеченіе о жизни чаемой. Посему невѣста клятвеннымъ подтвержденіемъ внушаетъ душамъ обучаемыхъ, чтобы жизнь ихъ, съ преслѣяніемъ проводимая на этомъ селѣ, имѣла въ виду небесныя силы, подражая безстрастіемъ чистотѣ ангельской. Ибо, когда такъ возставляется и возбуждается любовь, то есть возвышается отъ присовокушенія, и возрастаетъ до большей мѣры; тогда, какъ сказала невѣста, исполняется воля Божія, какъ на небѣ, такъ и на землѣ, по причинѣ ангельскаго безстрастія, преуспѣвающаго и въ насъ. Вотъ что уразумѣли мы въ словахъ: *закляхъ васъ дщери іерусалимъ въ силахъ и крѣпостехъ села: аще воставите, и возбудите любовь, дождеже восхоцетъ*. Если же найдется иное какое слово, болѣе приближающееся къ истинѣ искомаго; то примемъ благодать, и возблагодаримъ Открывающаго сокровенныя тайны Духомъ Святымъ о Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ. Ему подобаетъ слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

В Б С Т Д А Б.

(2, 8.) Гласъ Брата моего: се Той идетъ скача на горы, и прескача на холмы: (9) подобенъ есть Братъ мой сернь, или младу еленю на горахъ Веѳилскихъ. Се Сей за стѣною нашею, проглядая оконцами, приницая сквозь прѣжы. (10) Отвѣщаетъ Братъ мой и глаголетъ мнѣ: востани, приди ближняя Моя, добрая Моя, голубице Моя, (11) яко се зима преиде, дождь отъиде, отъиде себѣ: (12) цвѣти явишася на земли, время обрѣзанія приспѣ, гласъ горлицы слышанъ въ земли нашей: (13) смоквь изнесе цвѣтъ свой, винограды зрѣюще даша волю. Востани, приди ближняя Моя, добрая Моя. (14) голубица Моя въ покровъ камень, близъ предстѣннїя: яви ми знакъ Твой, и услышанъ сотвори ми гласъ Твой: яко гласъ Твой сладокъ, и образъ Твой красенъ. (15) Имѣте палъ лисы малыя, губящїя винограды: и винограды наши сорываютъ. (16) Братъ мой мнѣ, и азъ Ему, пасый въ кринахъ, (17) дондеже дхнеть день, и двинутся слнн. Обратися, уподобися ты Брате мой сернь, или младу еленю на горахъ юдолей.

Въ нынѣшнемъ чтенїи предложенное намъ изъ любомудрїя Пѣсни пѣсней, и приводитъ въ пожеланїе обозрѣть превысшїя блага, и въ души наши влагаеть печаль, внушая нѣкоторымъ образомъ отчаянїе невозможностию ураз-

умѣть непостижимое. Ибо какъ не ощутить человѣку печали, усматривая, что приведенная въ чистоту душа, послѣ того, какъ въ столькихъ восхожденіяхъ возвышена любовію до пріобщенія блага, по видимому, какъ говоритъ Апостолъ, не достигла еще искомага? Хотя, смотря на оныя восхожденія, которыя совершены по сказанному въ предшествовавшихъ бесѣдахъ, ублажилъ я ее за то восхожденіе, въ которое познала она сладкую яблонь, отличивъ ее отъ безплодія лѣсныхъ деревьевъ, и сѣнь яблони содѣлала вождельною, и усладившись плодомъ, вошла въ ложницу веселія (веселіе же именуется она виномъ, отъ котораго веселится сердце въушающихъ), и вчиненная въ любовь, утверждается *въ лирихѣ*, обложенная яблоками, и принявъ въ сердце стрѣлу любви, снова въ рукахъ стрѣльца сама дѣлается стрѣлою, руками сильнаго направляемою въ цѣль истины. Видя сіе и подобное сему, разсуждалъ я, что возвысившаяся на столько степеней душа достигла самого верха блаженства. Но, сколько видно, совершенное доселѣ есть еще только предначатіе восхожденія, потому что душа всѣ оныя восходы именуется, не какимъ-либо обозрѣніемъ, или яснымъ постиженіемъ (о) истины, но гласомъ желаннаго, котораго свойства

(о) По рукописи вмѣсто: *κατάλογον* читается: *κατάληψιν*.

отличаются по слуху, а не по разумѣнію и познаются и увеселяютъ. Посему, если душа, столько возвысившаяся, сколько, какъ знаемъ, возвысился Павелъ, восхищенный до третіихъ небесъ, не оказывается еще въ точности достигшею лежащаго ей; что, по всей вѣроятности, будетъ съ нами, или что заключить намъ о себѣ, которые не приблизились даже и къ преддверіямъ тайницъ, предстоящихъ нашему обозрѣнію? А неудобозримость искомаго можно видѣть изъ сказаннаго душою.

Гласъ брата моего, говоритъ она; не видъ, не лице, не очертаніе, указывающее на естество искомаго, но *гласъ*, доставляющій только догадку, а не твердое свидѣтельство о томъ, кто таковъ издающій гласъ. Ибо что изрекаемое походитъ больше на уподобленіе, а не на какую-либо несомнѣнную удостовѣренность въ постиженіи, явствуетъ сіе изъ того, что слово не (п) ограничивается однимъ какимъ либо смысломъ, и не одинъ образъ имѣетъ въ виду; напротивъ того изъ сказуемаго явно, что душа въ сихъ видѣніяхъ увлекается многимъ, думая видѣть и нѣчто иное, и не останавливаясь постоянно на однихъ и тѣхъ же чертахъ постигнутаго. Сказано: *се Той идетъ*, не стоя на мѣстѣ, недожидаясь, чтобы во время

(п) Въ рукописи читается: *μη μὲνται διαβόια.*

остановки позналъ Его устремляющій на Него взоръ, но похищая себя изъ вида прежде, нежели душа пришла въ совершенное познаніе. Ибо продолжаетъ она: *идетъ скача на горы, и прескача на холмы.* И хотя признается теперь серною, но опять уподобляется и молодому оленю. Душа говоритъ: *подобенъ есть Братъ мой серню, или младу еленю на горахъ Вевильскихъ.* Такъ всегда постигаемое имѣетъ то однѣ, то другія черты.

Сіе-то по первоначальному понятію приводитъ меня въ печаль, ввергая въ отчаяніе достигнуть точнаго уразумѣнія Превысшаго. Впрочемъ, возложивъ надежду на Бога, дающаго *многъ благовѣствующиѣ силою мноюю* (Псал. 67, 12.), должно попытаться и сіе обзрѣніе послѣдовательно и въ нѣкоторой связи приноровить къ тому, что выразумѣли мы прежде. *Гласъ Брата моего,* говоритъ душа, и тотчасъ присовокупляетъ: *се Той идетъ.* Что же подразумѣваемъ въ этомъ? То, что, можетъ быть, сказанное предугадываетъ открытое намъ евангеліемъ домостроительство Бога Слова, какъ предвозвѣщенное пророками, такъ вполнѣ открытое богоявленіемъ Сына во плоти. Ибо Божественный гласъ свидѣтельствуется дѣлами, и съ словомъ обѣтованія согласуется исполненіе, какъ говоритъ Пророкъ: *якоже слышахомъ, тако и видѣхомъ* (Пса. 47, 9.). Душа говоритъ: *гласъ Брата моего* (то есть,

что мы слышали): *се Той идетъ* (это пріяли мы очами), *многочастнъ и многообразнъ древле Богъ глаголавый отцемъ во пророцъхъ* (вотъ и слышаніе гласа), *въ послѣдокъ дній глагола намъ въ Сынъ* (Евр. 1, 1. 2.). Это и есть сказанное невѣстою: *се Той идетъ, скача на горы, и прескача на холмы*, какъ сродно и сообразно сернѣ въ особенномъ нѣкоемъ отношеніи, и опять, по другому понятію, уподобляясь *младу оленю*. Серна означаетъ остроту зрѣнія у Назирающаго всяческая. Ибо сказываютъ, что животное сіе чрезвычайно зоркое по этой силѣ имѣетъ свое имя; но быть зоркимъ тоже, что и быть видящимъ. Итакъ кто надъ всѣмъ назираетъ, у кого все въ виду, тотъ потому, что все видитъ, именуется Богомъ всяческихъ. Посему, такъ какъ во плоти явился Богъ, явившійся міру для низложенія сопротивныхъ силъ, то уподобляется Онъ сернѣ, какъ прирѣвшій съ небесъ на землю, и молодому оленю, какъ перескакивающій чрезъ горы и холмы, то есть, попирающій и сокрушающій лукавыя высоты демонской злобы. Ибо Писаніе горами называетъ то, что приведено въ смятеніе крѣпостію Его, какъ говоритъ Давидъ, *преложено въ сердца морская* (Пса. 45, 3.), и погружено въ сродномъ сему мѣстѣ бездны. Объ этихъ горахъ Господь сказалъ ученикамъ: *аще иmate вѣру, яко зерно горудино, рцете горь сей* (указывая при семъ словѣ на онаго лу-

каваго на новыя мѣсяцы мучащаго бѣса): *двишися и верзися въ море* (Матѣ. 17. 15. 20.). И такъ, по силку естеству молодыхъ оленей свойственно истреблять ядовитыхъ пресмыкающихся, дыханіемъ и качествомъ плоти своей обращать въ бѣгство этотъ родъ змѣй; то по сему Назирающій всяческая уподобляется *серпъ и еленю младу*, какъ попирающій и истребляющій сопротивную силу, которая въ переносномъ значеніи названа горами и холмами.

По сему Жениховъ былъ тотъ гласъ, которымъ *глаголаѣ Богъ во пророцѣхъ*, и по гласѣ пришло Слово, *скача на сопротивныя горы, и прескача на холмы*, равно покоряя подъ ноги Свой всякую отступническую силу, и низшую, и высшую. Ибо различіе холмовъ отъ горъ то и даетъ разумѣть, что и властвующій надъ сопротивными низлагается подобно своему подчиненному, попираемый съ силою и властію. Ибо одинаково покоряются левъ и драконъ, — эти высшіе, и также змѣй и скорпіонъ, почитаемые низшими. Скажу для примѣра: въ толпахъ, слѣдовавшихъ за Господомъ, были горы — бѣси, или въ синагогахъ, или въ странѣ Герасиновъ, или въ другихъ многихъ мѣстахъ, высившіе и возносившіе главу надъ естествомъ человѣческимъ. Изъ нихъ были и холмы и горы, и высшіе и низшіе. Но младый елень, истребитель змѣевъ, и учениковъ, претворяющій въ естество оленей, когда гово-

рить: *се даю вамъ власть наступати на злію и на скорпію* (Лук. 10, 19.), на всѣхъ равно налагаетъ стопу, тѣхъ обращая въ бѣгство, а съ сихъ прескача на другихъ, и тѣмъ доказывая, что величіе высокихъ по добродѣтели не затемняется высотами порока. Ибо горы Веѣильскія, какъ видно изъ толкованія имени, указываютъ на жизнь высокую и небесную; потому что реченіе: Веѣиль, какъ утверждаютъ знатоки еврейскаго языка, значитъ: *долгъ Божій*, почему сказано: *на горахъ Веѣилскихъ*.

Ихъ-то увидѣло содѣлавшееся чистымъ и зоркое око души, скачущее вмѣстѣ съ Божественными оными скаканіями по высотамъ сопротивныхъ; и о томъ, что будетъ въ послѣдствіи времени, ведетъ рѣчь, какъ уже о настоящемъ, по достовѣрности и несомнѣнности чаемой благодати взирая на надежду, какъ на дѣло. Ибо говоритъ, что *Той, Кто съ благодвижною скоростію скачетъ на горы, и перескакиваетъ съ холмовъ на холмы, показываетъ Себя неподвижнымъ, остановясь позади стѣны и бесѣдуя сквозь прѣжи оконцевъ*. Буквально же читается такъ: *се Сей стоитъ за стѣною нашею, проглядая оконцали, принимающая сквозь прѣжи*. Посему описываемое въ словѣ, если понимать чувственно, таково: Возлюбившій съ невѣстою, пребывающею внутри дома, бесѣдуетъ въ окна, между тѣмъ какъ раздѣляетъ обѣихъ находящаяся среди нихъ

стѣна, по словесное общеніе происходитъ безпрепятственно, глава проглядываетъ въ окно, и глазъ проникаетъ внутрь сквозь оконныя сѣтки. Высшій же взглядъ держится того смысла, какой найденъ по предыдущему изслѣдованію. Ибо слово постепенно и послѣдовательно приближаетъ естество человѣческое къ Богу, сперва озаряя его чрезъ пророковъ и предписанія закона. Такъ понимаемъ, что пророки суть *оконца*, вводящія свѣтъ, ткань же законныхъ предписаній—*мрежи*, а сквозь то и другое проникаетъ внутрь лучъ истиннаго свѣта. Но послѣ сего происходитъ совершенное озареніе свѣтомъ, когда *судящимъ во тмѣ и снѣи* является *Свѣтъ* (Матѣ. 4, 16.) истинный, по раствореніи съ естествомъ нашимъ. Посему сперва лучи пророческихъ и законныхъ понятій, возсіявающіе душѣ сквозь разумѣемая нами *оконца* и *мрежи*, возбуждаютъ пожеланіе увидѣть солнце на открытомъ небѣ. И такимъ образомъ пожеланное исполняется потомъ на самомъ дѣлѣ.

Послушаемъ же, что глаголетъ Церкви Тотъ. Кто не вошелъ еще внутрь, но стоитъ и вѣщаетъ ей въ проводники свѣта. Ибо говоритъ она: *отвѣщаетъ Братъ мой и глаголетъ мнѣ: востани, приди ближняя Моя, добрая Моя, юлублице Моя, яко се зима преиде, дождь отиде, отиде себѣ: цвѣти явишася на земли, время обрѣзанія приспе, гласъ юрлицы слышанъ въ зем-*

ли нашей: смоквь изнесе цвѣтъ (р) свой, винограды зрюще даша волю. Какъ прекрасно описываетъ пріятность весны Творецъ ея, Которому говоритъ Давидъ: *жатву и весну Ты создалъ еси* (Пса. 73, 17.)! Полагаетъ конецъ зимней унылости, сказывая, что прошла и зимняя угрюмость и непріятность дождей. Указываетъ на луга наполненные и украшающіеся цвѣтами. О цвѣтахъ же говоритъ, что они въ полной красѣ, и пригодны къ обрѣзанію, такъ что, безъ сомнѣнія, собиратели цвѣтовъ сорвутъ ихъ на плетеніе вѣнковъ, или на приготовленіе муръ. Къ пріятности времени присоединяетъ слово и то, что роши оглашаются пѣніемъ птицъ, раздается въ слухъ пріятный голосъ горлицъ. Упоминаетъ также о смоквѣ и о виноградѣ, о будущемъ отъ нихъ наслажденіи; которому полагается начало видимымъ, а именно въ смоквѣ произращеніемъ зародышей, а на виноградной лозѣ появленіемъ цвѣта; почему обоняніе услаждаетъ она благовоніемъ. Такъ слово роскошно описываетъ весеннее время года, отмѣтая все угрюмое и останавливаясь на пріятныхъ изображеніяхъ. Но нѣтъ, думаю, надобности удерживать

(р) Въ греческомъ читается: *τοῦς δένδρους* зародыши ягодъ, какъ ниже сего объясняетъ самъ св. Григорій; собственно же цвѣта на смоквѣ, какъ извѣстно, не бываетъ.

мысль на описаніи сихъ пріятностей; а напротивъ того ими надлежитъ путеводиться къ означаемымъ сими описаніями таинствамъ, чтобы открылось намъ богатство мыслей, сокровенное въ реченіяхъ. Посему что же значить то, о чемъ говоримъ мы?

Человѣческій родъ оцѣпенѣлъ нѣкогда отъ мраза идолослуженія, когда удободвижное человѣческое естество преложилося въ неподвижное естество чтилищъ. Ибо сказано: *подобни да будутъ творящии я, и вси надлющіися на ня* (Пса. 134, 18.). Сему и слѣдовало произойдти. Ибо какъ возводящіе взоръ къ истинному Божеству пріемлютъ въ себя черты свойственныя естеству Божественному; такъ внимающіи суетѣ идоловъ претворяется въ то же, что у него предъ глазами, изъ человѣка дѣлаясь камнемъ. Итакъ, поелику, окаменѣвъ отъ служенія идоламъ, неподвижно было къ лучшему естество, оцѣпенѣвшее отъ мраза идолопоклонства; то по сему самому въ лютую зиму сію возсіяваетъ солнце правды, и производитъ весну; когда полуденный вѣтръ разрѣшаетъ таковое оцѣпенѣніе, и вмѣстѣ съ возсіяніемъ солнечныхъ лучей согрѣваетъ все освѣщаемое ими, чтобы и окаменѣвшій отъ мраза человѣкъ, какъ скоро разгорячится духомъ, и согрѣтъ будетъ лучемъ Слова, снова содѣлался водою, текущею въ жизнь вѣчную. Ибо сказано: *дхнетъ дѹхъ Его, и потекутъ воды* (Пса.

147, 7.), по обращеніи камня во езера водная и несѣкомаго во источники водныя (Иса. 113, 8.); о чемъ открытѣе взывалъ іудеямъ Креститель, говоря, что камни сіи будутъ воздвигнуты, и содѣлаются чадами патріарху, угодобляясь ему добродѣтелию (Матѣ. 3, 9.).

Итакъ, вотъ что слышится отъ Слова Церкви, въ пророческія *оконца* и сквозь законныя *прежи* пріемля лучъ истины, когда стояла еще прообразовательная стѣна ученія, разумѣю законъ, дающій *спль грядущихъ благъ*, но не указующій *самаго образа вещей* (Евр. 10, 1.). Позади сей-то стѣны стояла истина, тѣсно связанная съ прообразомъ, сперва чрезъ пророковъ озарявшая Церковь Словомъ, а потомъ явленіемъ евангелія разсѣявшая всякое подобное стѣни представленіе прообраза, при чемъ средостѣніе разорено, внутренній же воздухъ въ домѣ соединился съ эфирнымъ свѣтомъ, такъ что нѣтъ болѣе потребности въ освѣщеніи чрезъ оконца, когда самъ истинный свѣтъ евангельскими лучами просвѣщаетъ все внутреннее. Посему-то Слово, воставляющее *низверженныя* (Иса. 144, 15.), въ проводники свѣта взываетъ Церкви; говоря: встань отъ паденія, поползнувшаяся въ срамоту грѣха, потерпѣвшая запинаніе отъ змія, падшая на землю, и пребывающая въ паденіи преслушанія, встань. Даже недостаточно тебѣ быть восстановленною только отъ паденія, продол-

жаетъ слово; но и *прииди*, преспѣніемъ въ добръ совершая теченіе добродѣтели. Сіе дознали мы и на разслабленномъ. Слово не составляетъ только сіе бремя одра, но и повелѣваетъ ему ходить; при чемъ, кажется мнѣ, переходеніемъ съ мѣста на мѣсто Писаніе означаетъ поступленіе къ лучшему и возрастаніе въ ономъ.

Посему Женихъ говоритъ: *востани, и прииди*. Какая сила въ повелѣніи! Гласъ Божій подлинно есть гласъ силы, какъ говоритъ псалмопѣніе: *се дастъ гласъ свой, гласъ силы* (Пса. 67, 34.); и: *Той рече, и быша: Той повелѣ, и создашася* (Пса. 32, 9.). Вотъ и теперь сказалъ лежащей: *востани*, и еще: *прииди*, и повелѣніе немедленно исполняется на дѣлѣ. Ибо невѣста вмѣстѣ и пріемлетъ въ себя силу слова, и востаетъ на ноги, и предстоитъ, и дѣлается ближнею свѣту, какъ засвидѣствовано самимъ Словомъ, давшимъ сіе приказаніе; ибо такъ говоритъ: *востани, прииди ближняя Моя, добрая Моя, голубице Моя*. Чтò за порядокъ въ словѣ! Какъ одно соединено тѣсно съ другимъ! Какъ связно, какъ бы въ цѣпи какой, сохраняется послѣдовательность понятій! Слышитъ невѣста повелѣніе, укрѣпляется въ силахъ отъ этого слова, и востаетъ, приходитъ, приближается, дѣлается доброю, именуется голубицею. Ибо возможно ли прекрасный образъ увидѣть въ зеркалѣ, въ которомъ не

бывало изображенія какого-либо прекраснаго лица? Посему и зеркало естества человѣческаго не прежде стало прекрасно, но уже послѣ того, какъ приблизилось къ прекрасному, отразило въ себѣ образъ Божественной красоты. Какъ имѣло оно въ себѣ видъ змія, пока лежало на землѣ, и на него взирало; такъ, подобно сему, поелику востало, лицомъ къ лицу стоитъ съ добромъ, а порокъ оставило позади себя; то, на что взираетъ, образъ того и пріемлетъ на себя. Взираетъ же на первообразную красоту, а красота—голубица. Приблизившись чрезъ это къ свѣту, дѣлается свѣтомъ, во свѣтѣ же отражается прекрасный образъ голубицы, разумью ту голубицу, образъ которой извѣстилъ о присутствіи Святаго Духа.

Такъ Слово, подавъ гласъ невѣстѣ, и какъ ближнюю, наименовавъ ее доброю, а за доброту назвавъ голубицею, продолжаетъ и послѣдующую рѣчь, сказавъ, что не владычествуетъ болѣе унылость душевной зимы, потому что мразъ не противостоитъ лучу. *Се, говоритъ Слово, зима преиде, дождь отъиде, отъиде себѣ.* Многоименнымъ дѣлаетъ зло, придавая ему наименованія по различіямъ дѣйствій. Одно и то же и зима, и дождь, и капли, но въ отдѣльности каждымъ изъ сихъ именованій означается одно какое-либо въ особенноти искушеніе. Зимой, что зеленѣло, вянетъ, краса деревъ, естественно украшаю-

щихся листьями, опадаетъ съ вѣтвей и смѣшивается съ землею, умолкаетъ сладкопѣніе голосистыхъ птицъ, передается бѣгству соловей, пѣмѣетъ ласточка, чуждается гнѣзда горлица, все уподобляется унылости смерти, мертвѣетъ отпрыскъ, умираетъ зелень, и какъ кости, съ которыхъ снята плоть, такъ вѣтви, обнаженные отъ листьевъ, дѣлаются неприятнымъ зрѣлищемъ вмѣсто того благообразія, какое вѣтвямъ доставляли зеленые отпрыски. Что же скажетъ иный о бѣдствіяхъ на морѣ, бывающихъ зимою? Какъ оно, вращаясь и воздымаясь изъ глубинъ, уподобляется буграмъ и горамъ, прямо вверхъ подымая водяную вершину? Какъ подобно неприятелю устремляется на сушу, несется изъ береговъ (с), непрерывными ударами волнъ, какъ прираженіями военныхъ орудій, потрясая землю? Но всѣ сіи и подобныя симъ зимнія невзгоды представляй себѣ въ иносказательномъ значеніи. Что значитъ отцвѣтающее и увядающее зимою? Что — падающее съ вершинъ и разрѣшающееся въ землю? Что — умолкающій голосъ пѣвчихъ птицъ? Что — ревущее водами море? Что идущій при этомъ дождь? Что — дождевыя капли? Какъ дождь отходитъ *себѣ*? Ибо всѣмъ этимъ загадочное изображеніе та-

---

(с) По рукописи вмѣсто: *морас* читается: *ѣ брас*.

ковой зимы означать нѣчто одушевленное и произвольное.

Хотя слово наше и не станетъ объяснять сего по порядку, но слушающему, можетъ быть, явенъ смыслъ, заключающійся въ каждомъ изреченіи. Такъ на примѣръ естество человѣческое 'цвѣло первоначально, пока было въ раю, напаяемое водою онаго источника, и зеленѣло, когда вмѣсто листьевъ украшалъ его стебель безсмертія. Но поелику зима преслушанія иссушила корень; то цвѣтъ опалъ, и разложился въ землю, человѣкъ утратилъ лѣпоту безсмертія, по охлажденіи любви къ Богу отъ умножившихся беззаконій изсохла зелень добродѣтелей; а отсего сопротивными духами воздвигнуто въ насъ множество различныхъ страстей, отъ которыхъ постигаютъ душу гибельныя крушенія. Но вотъ пришелъ Сотворившій весну душъ нашихъ, Который запретилъ лукавому духу, воздвигшему нѣкогда море, а вѣтрамъ и морю сказалъ: *молчи престани* (Марк. 4, 3. 9.); и все пришло въ тишину и благоведріе, все снова начинаетъ разцвѣтать, и наше естество украшается собственными ему цвѣтами. Цвѣты же жизни нашей суть добродѣтели, которыя нынѣ цвѣтутъ, плодъ же свой приносятъ во время свое. Потому говоритъ Слово: *зима преиде, дождь отъиде, отъиде себѣ: цвѣти явишася на земли, время обрѣзанія приспе*. Видишь, говоритъ,

лугъ цвѣтущей добродѣтелями? Видишь цѣломудріе—этотъ бѣлый и благовонный кринъ? Видишь стыдливость—эту розу? Видишь эту фіалку—Христово благоуханіе? Почему же не соплетаешь изъ нихъ вѣнца? Теперь время, въ которое собравшему надлежитъ украситья плетеніемъ таковыхъ вѣнцевъ, *время обрѣзанія приспе*. О семъ свидѣтельствуешь тебѣ гласъ горлицы, то есть, *гласъ вопіющаго въ пустыни* (Марк. 1, 3.); ибо горлица эта—Іоаннъ (т), этотъ предтеча свѣтлой весны, указующій людямъ прекрасные цвѣты добродѣтели, и предлагающій ихъ намѣревающимся стать собирателями цвѣтовъ; потому что указывалъ на Цвѣтъ отъ корени Іессеова, на Агнца Божія, вземлющаго грѣхъ міра, и внушалъ покаяніе въ худыхъ дѣлахъ и добродѣтельное житіе.

Ибо продолжаетъ Слово: *гласъ горлицы слышанъ въ земли нашей*; землею, можетъ быть, именуешь осуждаемыхъ за порочную жизнь, какими евангеліе представляетъ мытарей и блудницъ. Ими услышано было Іоанново слово, когда прочіе не принимали проповѣди. А сказанное о смовѣ, что *изнесе цвѣтъ свой*, будемъ разумѣть такъ: смовка отъ дѣйствія на нее теплоты весьма сильно втягиваетъ въ себя влагу изъ глубины; и какъ скоро въ сердце-

---

(т) Переводъ дополненъ по рукописи.

винѣ ея скопляется много сырости, при перевариваніи соковъ, происходящемъ въ растеніи, естество по необходимости извергаетъ изъ вѣтвей, что въ сокахъ было негоднаго и землистаго; и дѣлаетъ это многократно, чтобы подлинный и питательный плодъ дать отъ себя въ надлежащее время чистымъ отъ неполезнаго качества. Сіе же вмѣсто сладкаго и совершеннаго плода, въ видѣ плода также производимое смоквою, называется цвѣтомъ (*ἄλυσθος*), который хотя и самъ можетъ со временемъ стать снѣднымъ для желающихъ, однакоже—не плодъ, а служить только предначатиемъ плода. Посему, кто увидитъ это, тотъ, конечно, собираетъ уже почти плоды; потому что *цвѣтъ*, о которомъ сказано, что *изнесе* его смоковница, служить знакомъ годныхъ въ снѣдь смоквъ.

Поелику Слово описываетъ невѣстѣ духовную весну; а время сіе сопредѣльно съ двумя временами года, временемъ зимней унылости и временемъ вкушенія плодовъ лѣтомъ; то, хотя ясно возвѣщаетъ Оно, что худыя времена миновались, однакоже не совершенно еще показываетъ плоды добродѣтей, но сберегаетъ ихъ къ надлежащему времени, когда настанетъ жатва. А что означается жатвою, конечно, знаешь изъ Господняго слова, въ которомъ сказано, что *жатва, кончина вѣка есть* (Матѣ. 13, 39.). Теперь же указываетъ Слово на цвѣту-

ція при добродѣтеляхъ надежды, которыхъ плодъ, какъ говоритъ Пророкъ, появится *во время свое* (Иса. 1, 3.). Итакъ, поелику естество человѣческое, подобно упоминаемой здѣсь смоковницѣ, въ продолженіе умопредставляемой нами зимы, собрало въ себя много дурной влаги; то Содѣлывающій для насъ душевную весну, и надлежащимъ воздѣлываніемъ Возвращающій человѣчество, сперва вмѣсто побѣговъ прекрасно извергаетъ изъ естества все, чтó въ немъ есть землистаго и неполезнаго, очищая исповѣдію отъ излишествъ, и потомъ уже, правилами болѣе образованной жизни налагая на него нѣкія черты чаемаго блаженства, какъ бы цвѣтомъ какимъ, провозвѣщаетъ будущую сладость смоквъ. Сіе-то и означается сказаннымъ, что *смоква изнесе цвѣтъ свой*.

Такъ разумѣй и зрѣющій виноградъ, изъ котораго вино, веселящее сердце, наполнить нѣкогда чашу премудрости, и *съ высокими проповѣданіемъ* (Прит. 9, 3.) предложено будетъ соиршественникамъ, съ правомъ почерпнуть въ немъ доброе и трезвенное упоеніе, разумѣю то упоеніе, въ которомъ человѣкъ отъ вещественнаго восторгается къ божественному. Теперь виноградъ украшается цвѣтомъ, и издается имъ нѣкое благоухающее, пріятное и сладостное испареніе, срастворенное съ объемлющимъ духомъ; безъ сомнѣнія же, наученный Павломъ, знаешь этого духа, который

содѣлываетъ *благоужаніе* сіе въ спасаемыхъ (2 Кор. 2, 15.).

Сіи признаки прекрасной вещи душъ напередъ указываетъ Слово невѣстѣ, и понуждаетъ поспѣшнѣе насладиться предлагаемымъ, возбуждая ее своими рѣчами и говоря: *востани, приди ближняя Моя, добрая Моя, голубице Моя.* Сколько догматовъ въ реченіяхъ сихъ кратко указываетъ намъ Слово! Ибо богодухновенному ученію несвойственно изъ какого либо пустаго суесловія останавливаться на однихъ и тѣхъ же реченіяхъ. Напротивъ того повтореніемъ симъ показывается нѣкая великая и боголѣпная мысль, именно же скажется нѣчто подобное слѣдующему. Блаженное, вѣчное и всякій умъ превъсѣщающее Естество, всѣ естества Собою объемля, никакимъ не объемлетъ предѣломъ. Ибо въ разсужденіи Его не представляется ничего, ни времени, ни мѣста, ни цвѣта, ни очертація, ни вида, ни объема, ни количества, ни протяженія, ни иного чего описующаго, именованія, или вещи, или понятія; напротивъ того всякое добро, о Немъ умопредставляемое, простирается въ безпредѣльность и некончаемость. Гдѣ же имѣетъ мѣста зло, тамъ нѣтъ никакого предѣла добру. Въ насъ, при измѣнчивости естества, поелику въ произволеніи нашемъ есть равная возможность склоняться къ тому и другому изъ противоположнаго, и доброе и злое попеременно усту-

пають мѣсто другъ другу, и предѣломъ добраго дѣлается появляющійся порокъ; и всѣ предначинація душъ нашихъ, одно другому противоположныя и противящіяся, другъ другу уступаютъ мѣсто, и другъ другомъ опредѣляются. Но Естество простое, чистое, однообразное, непреложное, неизмѣняемое, всегда одно и то же, никогда изъ Себя невыходящее, потому что не допускаетъ до Себя возможности быть въ общеніи съ зломъ, пребываетъ безпредѣльнымъ въ добрѣ, не видя даже предъ Собою и предѣла, потому что не имѣетъ въ виду ничего противоположнаго. Посему, когда человѣческую душу привлекаетъ къ общенію съ Собою, тогда по преимуществу въ лучшемъ въ равной тому всегда мѣрѣ ставитъ ее выше, нежели сколько она причастна; потому что душа по причастіи превосходиѣйшаго становится непрестанно выше себя самой, и возрастая не останавливается въ возрастаніи; добро, котораго она причастна, однако пребываетъ на равнѣ съ нею, и душа, всегда болѣе и болѣе причащающаяся, на равнѣ съ тѣмъ находитъ оное непрестанно въ преизбыткѣ.

Итакъ обратимъ взоръ на невѣсту, по восхожденіямъ добродѣтели, какъ бы по ступенямъ лѣстницы, руководимую Словомъ на высоту. Сперва (у) слово *окощали* пророковъ и

(у) По рукописи слово: ѣ не читается.

сквозь *мрежи* заповѣдей закона вводитъ свѣтлый лучъ, приглашаетъ ее приблизиться къ свѣту, и стать прекрасною при свѣтѣ, принявъ на себя видъ голубицы; потомъ, когда, сколько могла вмѣстить, приметъ на себя красоту, опять Слово, какъ еще вовсе непричастную красоту, привлекаетъ къ приобщенію красоты превысшей, чтобы по мѣрѣ преспѣянія, при представляющейся непрестанно новой красотѣ, возрастало въ ней вмѣстѣ пожеланіе, и представлялось ей, что она, по преизбытку открываемыхъ всегда въ высотѣ благъ, едва только приступаетъ къ восхожденію. Посему-то Слово воставшей уже невѣстѣ повторяетъ: *востани*, и идущей: *прииди*. Ибо и для того, кто дѣйствительно восталъ, никогда не прекратится нужда воставать непрестанно, и для поспѣшающаго ко Господу не истощится путь къ продолженію божественнаго теченія. Всегда надлежитъ воставать, и приближающимся даже къ цѣли въ теченіи своемъ никогда не успокоиваться. Сколько разъ повторяетъ Женихъ: *востани* и *прииди*; столько же разъ даетъ силу на восхожденіе къ большому совершенству. Такъ разумѣй и что далѣе предложено въ словѣ. Повелѣвающій изъ прекрасной дѣлается прекрасною предлагаетъ прямо апостольское слово, предписывая *въ той же образѣ* преобразаться *отъ славы въ славу* (2 Кор. 3, 18.), такъ что — слава для насъ, если и непрестанно

пріемлемое и всегда обрѣтаемое, хотя бы оно было чѣмъ-то наиболѣе всего великимъ и возвышеннымъ, признается нами меньшимъ чѣмъ маго въ послѣдствіи. Посему и той, которая по прежнимъ преспѣяніямъ была голубицею, тѣмъ неменѣе снова повелѣвается по преобразованіи въ лучшее стать тою же голубицею. И если исполнится это послѣдующее слово и то, что выше сего, покажетъ опять симъ же наименованіемъ.

Ибо говорить: *приди въ себя голубице Моя въ покровъ камень; близъ предстльнїя*. Посему какое восхожденіе къ совершенству означается сказаннымъ теперь? То, чтобы не имѣть болѣе въ виду старанія о привлекающемъ, но путеводителемъ къ лучшему избрать собственное вождельніе. Ибо сказано: *приди въ себя*; не отъ скорби, не по нуждѣ, но собственными своими разсужденіями, безъ понудительной необходимости, усиливъ въ себѣ ревность о прекрасномъ; потому что добродѣтель незнаетъ надъ собою властелина, произвольна, свободна отъ всякой необходимости. Таковъ былъ Давидъ, который молится, чтобы о вольныхъ только дѣлахъ его благоволилъ Богъ (Пса. 118, 108.), и даетъ обѣщаніе принести жертву волею (Пса. 53, 8.). Таковъ каждый изъ святыхъ, посвящающій себя Богу и приводимый къ тому не нуждою. Посему и ты покажи совершенную готовность воспріять въ себя вожд-

делѣніе восхожденія къ лучшему. А содѣлавшись таковою, говоритъ Слово невѣстѣ, придеши въ покровъ каменный, *близъ предстѣнія*. Сказанное Словомъ (ибо загадочную сію рѣчь надлежитъ переложить въ болѣе ясную) имѣеть такой смыслъ: одинъ покровъ душъ человеческой — высокое евангеліе; кто подъ симъ покровомъ, тотъ послѣ того, какъ истина раскрыла сокровенныя гаданія заповѣдей, не имѣеть уже нужды въ ученіи прикровенномъ понятіями иносказательными и загадочными. А что *камень* называется евангельская благодать, не будетъ сего оспаривать никто, сколько нибудь приобщившійся вѣрѣ. Ибо изъ многихъ мѣстъ Писанія можно дознать, что *камень* есть Евангеліе. Посему смыслъ сказаннаго таковъ: если ты, душа, упражнялась въ законѣ, если сквозь пророческія *оконца* увидѣла разумѣніемъ лучи свѣта, то не оставайся дольше подъ тѣнію стѣны закона; потому что стѣна производитъ *снь грядущихъ блазъ*, а не *самый образъ вещей*; напротивъ того перейди по близости отъ стѣны на камень; потому что камень въ связи съ *предстѣніемъ*; такъ какъ евангельской вѣрѣ *предстѣніемъ* служитъ законъ, и во взаимной между собою связи ученія, одно другому по силѣ своей близкія. Къ заповѣди: не прелюбодѣйствуй, что ближе другой заповѣди: не пожелай, и къ этой: будь чистъ отъ убійства, также другой: не скверни

сердца своего гнѣвомъ? И такъ, поелику *покровъ каменный* въ связи съ *предстѣніемъ*, то не далекъ для тебя переходъ со стѣны на камень. Обрѣзаніе на стѣнѣ, обрѣзаніе и на камнѣ; овца и здѣсь и тамъ; тамъ кровь, и здѣсь кровь; тамъ пасха, и здѣсь пасха; и все почти то же, однимъ и тѣмъ же между собою связано, кромѣ одного, что камень духовецъ, а стѣна перстна, и съ стѣною вмѣстѣ образуется тѣлесное и земное, а евангельскій камень не имѣетъ въ себѣ плотскаго брѣнія понятій. Но и обрѣзаніе приѣмлетъ человѣкъ, и пребываетъ всецѣло здоровымъ, не терпя никакой утраты отъ урѣзанія въ составѣ естества. Хранить онъ и субботу тѣмъ, что не дѣлаетъ зла, и не допускаетъ праздности въ добрѣ, научившись, что дѣлать добро позволительно и въ субботу. Вкушеніе пищи признаетъ безразличнымъ, и не касается нечистаго; ибо наученъ *Камнемъ*, что несквернить ничто входящее устами (Матѣ. 15, 11.). Напротивъ того, отвергая во всемъ тѣлесныя наблюденія закона, смыслъ реченій предлагаетъ на духовное и разумное значеніе, согласно съ Павломъ, который сказалъ: *законъ духовенъ есть* (Римл. 7, 14.). Ибо кто такъ приѣмлетъ (Ф) законъ, тотъ становится подъ покровомъ евангельскаго *Камня*, тѣсно соединеннымъ съ тѣлеснымъ *предстѣніемъ*.

(Ф) По рукописи читается: *ὁ γὰρ οὕτως ἐκλαβὸν*

Вотъ что взывало Слово невѣстѣ въ *оконца*, и прекрасно отвѣтствуетъ на это голубица сія, озаренная лучемъ мыслей, и уразумѣвшая *Камель*, который есть *Христосъ* (1 Кор. 10, 4.). Ибо говорить: *яви ми зракъ Твой, и услышанъ сотвори ми гласъ Твой: яко гласъ Твой сладокъ, и образъ Твой красенъ*. Сказанное же ею имѣетъ такой смыслъ: не бесѣдуй больше со мною пророческими и законными гаданіями, но въ такой мѣрѣ, сколько могу видѣть, покажи мнѣ Себя явно, чтобы стать мнѣ внутри евангельскаго *Камня*, оставивъ *предстѣніе* закона. И сколько вмѣститъ мой слухъ, столько въ уши мои дозволю войдти гласу Твоему; ибо если гласъ этотъ и въ *оконца* такъ сладокъ, то колыми паче будетъ любезенъ при явленіи Твоемъ лицомъ къ лицу. Такъ говорить невѣста, уразумѣвъ тайну евангельскаго *Камня*, на сколько руководило ее къ тому многократно и многообразно въ *оконцахъ* бывшее Слово, и приходитъ въ вождедѣніе богоявленія во плоти, чтобы Слово стало плотію, Богъ явился во плоти, и слуху нашемъ сталъ слышенъ Божественный гласъ, общающій достойнымъ вѣчное блаженство. Но какъ сходны съ симъ прошеніемъ невѣсты слова Симеона, который говорить: *нынѣ отпуцаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, съ миромъ: яко видѣсть очи мои спасеніе Твое* (Лук. 2, 29. 30.)! Ибо онъ увидѣлъ, какъ же-

лала видѣть невѣста. Сладкій же гласъ Жениховъ познають пріившіе благодать евангелія, изрекшіе : *малолы живота вѣчнаго имаша* (Іоан. 6, 68.).

Посему чистый Женихъ пріемлетъ прошеніе невѣсты, какъ справедливое, и намѣреваясь показать Себя ей явно, сперва понуждаетъ ловцевъ изловить лисицъ, чтобы винограду не было отъ нихъ больше препятствія къ созрѣванію, говоря: *имите намъ лисы*, которыя, хотя малы, но губятъ винограды; винограды же зацвѣтутъ, если ничто не будетъ имъ больше причинять вреда. *Имите намъ лисы малыя, губящія винограды: и винограды наши созрѣваютъ.* Можно ли слѣдовать за высотою сихъ мыслей по ихъ достоинству? Какое чудо Божественнаго величія заключаетъ въ себѣ это слово! Какой преизбытокъ Божія могущества выражается значеніемъ сказаннаго! Тотъ, о комъ говорится такъ многое, этотъ *человѣкоубійца* (Іоан. 8, 44.), *во злобѣ сильный* (Пса. 51, 1.), у кого языкъ изощренъ, *яко бритва* (2) *со угли пустыньныи* (Пса. 119, 4.), *кто ловитъ, яко левъ во оградѣ своей* (Пса. 9, 30.), этотъ *злій великій* (Іезек. 29, 3.), *отступникъ* (Іов. 26, 13.), *адъ*, разширяющій уста свои (Авв. 2, 5.), *міродержитель* темной власти (Ефес. 6, 12.), *имущій державу смерти* (Евр. 2, 14.), и какъ отъ лица его сказуетъ пророчество тотъ, кто отъемлетъ *предѣлы языковъ*, которые

поставилъ, какъ очевидно, Вышній по числу Ангелъ Своихъ (Втор. 32, 8.), кто объемлетъ вселенную, яко чинздо, и беретъ яко оставленная лица (Пса. 10, 13.), кто говоритъ, что выше облакъ поставитъ престолъ свой, и будетъ подобенъ Вышнему (Иса. 14, 14.), и о комъ столько страшнаго и ужаснаго сообщаетъ Слово въ книгѣ Иова, что ребра его льдяны, хребетъ его жельзо смяно (Иов. 40, 13.), и внутренности якоже смуритъ камень (41. 6.), и все подобное, чѣмъ только Писаніе изображаетъ страшное это естество, — сей-то столько могущественный вождь столь многихъ демонскихъ полчищъ, какое имя получаетъ отъ истиннаго и единственнаго Могущества? И его малую лисою, а съ нимъ и всѣхъ окружающихъ его, все подвластное ему воинство, съ равнымъ уничиженіемъ именуется лисами же Посылающій на уловленіе ихъ ловцевъ, которыми могутъ быть ангельскія силы, торжественно предшествующія Владыкѣ при явленіи Его на землѣ, вводящія въ міръ Царя славы, и указующія незнающимъ, кто есть сей Царь славы, крѣпкій и сильный въ брани (Пса 23, 8.); а также можетъ иный сказать, что это служебніи дуси, въ служеніе посылаєми за хотящихъ наслѣдовати спасеніе (Евр. 1, 14.); и еще иный въ правѣ утверждать, что ловцы сіи суть посланные для изловленія сихъ звѣрей Апостолы, которымъ сказалъ Господь: сотворю вы

ловцы человекомъ (Матѳ. 7, 4.). Ибо неуспѣли бы въ ловитвѣ челоуѣковъ мрежею слова уловляющіе души спасаемыхъ, если бы сихъ звѣрей, этихъ малыхъ лисицъ, не изгнали прежде изъ норъ, то есть изъ сердецъ, въ которыхъ они гнѣздились, и тѣмъ не очистили мѣста Сыну Божію, гдѣ приклонить Ему главу, когда лисій родъ не будетъ больше гнѣздиться въ сердцахъ.

По крайней мѣрѣ, кого ни предполагаетъ Слово ловцами, изъ даннаго имъ повелѣнія познаемъ великое и неизреченное Божіе могущество. Не сказало Слово: *изловите вепря отъ дубравы, озобавнаго виноградъ Божій, или уединеннаго дивіа* (Пса. 79. 14.), или рыкающаго льва, или кита великаго, или подводнаго змія. Ибо такими приказаніями Слово показало бы ловцамъ нѣкоторую силу противоборствующихъ. Напротивъ того, какъ говоритъ оно, всѣ земныя владычества, съ которыми борьба у челоуѣковъ, начала, и власти, и міродержители тмы, и духи злобы суть *малыя лисы*, коварныя и бѣдныя въ сравненіи съ нашею силою. Если ихъ одолѣете, то воспримете благодать свою. Виноградъ нашъ—естество челоуѣческое, и плодоношеніе гроздовъ начинается цвѣтами добродѣтельнаго житія. Итакъ *имите намъ лисы малыя, губящія винограды: и винограды наши созрѣваютъ*. Услышала Божіе повелѣніе виноградная лоза—жена, о которой

говорить Давидъ: *жена твоя, яко лоза плодovitа* (Пса. 127, 3.). И увидѣла она, что силою Повелѣвшаго освобождена отъ губительства сихъ звѣрей, и немедленно предала себя Дѣлателью, разорившему средостѣніе ограды; потому что къ единенію съ желаннымъ не имѣеть уже препятствія въ стѣнѣ закона.

Но говорить: *азѣ Брату моему, и Братѣ мой мнѣ, насыи въ кринахѣ, дондеже дхнетъ день, и двинутся сѣни*, то есть, говорить не вѣста: лицомъ къ лицу увидѣла я всегда Сущаго тѣмъ, что Онъ есть, но ради меня отъ сестры моей синагоги возсіявшаго въ человѣческомъ образѣ, и въ Немъ успокоиваюсь, дѣлаюсь Его обителю. Ибо Онъ есть пастырь добрый, который не сѣно даетъ въ пищу пасомымъ, но чистыми кринами питаетъ овецъ, не сѣномъ уже питая сѣно; потому что сѣно есть пища свойственная естеству безсловесному, а человѣкъ, какъ существо словесное, питается истиннымъ словомъ; а если насытится сѣномъ, то самъ сдѣлается сѣномъ. Сказано: *всяка плоть сѣно* (Иса. 40, 6.), пока она плоть. Но если кто содѣлается духомъ, родившись отъ духа; то уже не травяною будетъ кормиться пищею, но пищею его будетъ духъ, о чемъ и даютъ разумѣть чистота и благоуханіе крина. Посему и самъ питающійся будетъ чистымъ и благоуханнымъ кринкомъ, измѣняясь по свойству пищи. Вотъ тотъ день, который

разливается, или дышетъ, лучами, какъ наименовало Божественное слово, разліяніе лучей, производимое духомъ, назвавъ дыханіемъ, отъ чего приходятъ въ движеніе тѣни этой жизни, въ которыя со тщаніемъ всматриваются незарившіе еще душевнаго ока свѣтомъ истины, но на тѣнь и суетное взирающіе, какъ на нѣчто состоятельное, дѣйствительно же сущее опускающіе изъ вида, какъ не существующее. Напротивъ того питающіеся кринами, то есть, утучняющіе душу чистою и благоуханною пищею, удаливъ отъ себя всякое обманчивое и призрачное представленіе вождельваемаго въ этой жизни, увидятъ истинную основу сущности вещей, ставъ сынами свѣта и сынами дня.

Видитъ сіе невѣста, и побуждаетъ Слово привести скорѣе въ исполненіе надежду приобщиться благъ, говоря: *обратися, Брате, уподобися серню, или младу еленю на юразъ юдолей.* Какъ серна, смотри и Ты, Который видишь помышленія человѣческія, читаешь пемыслы сердець. Уничтожь порожденіе злобы, какъ младый елень, истребляя породу змѣй. Усматриваешь ли юдоли горъ человѣческой жизни, востанія которыхъ подобны не вершинамъ, но дебрямъ? Посему-то Слово со всею скоростію поспѣшаетъ на юдоли горъ, потому что все выскащется противъ истины есть бездна, а не гора; юдоль, а не возвышенность. Почему, если ступишь на нихъ, го-

ворить невѣста, то всякая такая *дебрь* наполнится, и всякая такая *гора* *слирится* (Иса. 40, 4.). Такъ говоритъ душа, которую посетъ Слово, не среди какихъ-либо терній, или былій, но въ благоуханіи криновъ чистаго житія, которыми да насытимся и мы, пасомые словомъ о Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ! Ему подобаеть слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

ВЕСѢДА Б.

(3, 1) *На ложи моеѣ въ ношехъ, искахъ, Еюже возлюби душа моя, искахъ Ею, и не обрѣтохъ Ею: воззвахъ Ею, и не послуша мене: (2) востану убо (х), и обыду во градъ, и на торжищахъ, и на стоинахъ, и поищу, Еюже возлюби душа моя: поискахъ Ею, и не обрѣтохъ Ею: звахъ Ею, и не послуша мене. (3) Обрѣтоша мя стрелющии, обходящии во градъ: видѣсте ли, Еюже возлюби душа моя? (4) Яко мало егда преидохъ отъ нихъ, дондеже обрѣтохъ, Еюже возлюби душа моя: удержихъ Ею, и не оставихъ Ею, дондеже введохъ Ею въ домъ матери моея и въ чертогъ зачешія мя. (5) Заключихъ васъ дщери іерусалимскія въ силахъ, и въ крѣпостехъ сельныхъ: аще подвижете и воздвиг-*

(х) По рукописи читается: *дн*, а не *дз*.

жете любовь, дондеже аще восхоцетъ. (6) Кто сія, восходящая отъ пустыни, яко стебло кадящее смирну и ливанъ, отъ всъхъ благовоній мгрवारца? (7) Се одръ Соломонъ, шестьдесятъ сильныхъ окрестъ его отъ сильныхъ Израилевыхъ: 8) вси имуще оружія, научени на брань: мужъ, оружіе его на бедръ его, отъ ужаса въ ноцехъ.

Въ настоящемъ чтеніи изъ Пѣсни пѣсней снова научаемся великимъ и возвышеннымъ догматамъ; потому что повѣствованіе невѣсты есть любомудріе, тѣмъ, что повѣствуетъ она о себѣ, обучающее, какими предъ Божествомъ надлежитъ быть любителямъ премірной Лѣпoty. А что дознаемъ изъ предложенныхъ словесъ, то подобно слѣдующему: — ибо, думаю, напередъ надлежитъ изложить смыслъ, заключающійся въ реченіяхъ, а потомъ уже привести богодухновенныя сіи изреченія въ связь обозрѣннымъ прежде; — итакъ (если сказать, выразившись кратко), въ сказанномъ открывается нѣкое слѣдующему подобное ученіе: естество существъ, по самому высшему раздѣлу, состоитъ изъ двухъ частей: одна часть — существа чувственныя и вещественныя, а другая — существа духовныя и невещественныя. Чувственнымъ называемъ все, что постигаемъ чувствами, а духовнымъ, — что не подлежитъ чувственному наблюденію. И естество духовное не имѣетъ предѣловъ и неопредѣлимо; а чувственное, безъ сомнѣнія, объемлетъ

нѣкими предѣлами: ибо кромѣ того, что всякое вещество различается по количеству и качеству, усматриваемые въ немъ объемъ, наружный видъ, поверхность и очертаніе дѣлаются предѣломъ составляемаго о немъ понятія, такъ что изслѣдывающій вещество ничего сверхъ этого не можетъ заимствовать изъ своего представленія. А духовное и невещественное, будучи свободно отъ подобнаго огражденія, ничѣмъ не ограничиваемое, не знаетъ предѣла. Но и естество духовное дѣлится также двояко (ц): какъ есть несозданное Естество, творящее существа, всегда сущее тѣмъ, что оно есть, всегда само себѣ тождественное, не принимающее никакого приращенія и не допускающее умаленія благъ; такъ и естество, приведенное въ бытіе сотвореніемъ, всегда обращаетъ взоръ къ первой причинѣ существъ, и причастіемъ сей вѣчно преизбыточествующей (ч) причины соблюдается въ добрѣ, и нѣкоторымъ образомъ непрестанно созидается. въ слѣдствіе приращенія благъ измѣняемое въ нѣчто большее, такъ что и въ немъ не усматривается какого либо предѣла, и возрастанію его въ наилучшемъ не полагается никакой границы, а напротивъ того настоящее благо,

---

(ц) Дополнено по рукописи.

(ч) Такъ читается въ рукописи.

хотя бы казалось оно особенно великимъ и совершеннымъ, всегда и непрестанно служить началомъ высшаго и большаго; посему и въ этомъ оправдывается апостольское слово, когда естество, простираясь *въ предняя*, въ забвеніе приходитъ о достигнутомъ прежде (Филипп. 3, 13.). Ибо всегда нѣчто большее, въ презбыткѣ находимое добрымъ, къ себѣ привлекая расположеніе причащающихся, не позволяетъ обращать взоръ къ прошедшему, чрезъ наслажденіе тѣмъ, что предпочтительнѣе, устраняя памятованіе о томъ, что ниже по достоинству. Посему, какъ думаемъ, такова мысль, которой научаетъ насъ невѣста любомудріемъ своего повѣствованія. Но время уже сперва припомнить самую букву богодухновенныхъ словесъ, а потомъ заключающійся въ реченіяхъ смыслъ привести въ связь съ обозрѣннымъ прежде.

На ложѣ моея въ ношехъ, искахъ, Еюже возлюби душа моя, искахъ Ею, и не обрѣтохъ Ею: възвахъ Ею, и не послуша мене. Встану убо, и обыду во градъ, на торжищахъ, и на стогахъ, и пощу, Ею же возлюби душа моя: поискахъ Ею, и не обрѣтохъ Ею. Обрѣтоша мя стрегущіи, обходящіи во градъ: видѣсте ли, Ею же возлюби душа моя? Яко мало егда преидохъ отъ нихъ, дондеже обрѣтохъ, Ею же возлюби душа моя: удержахъ Ею, и не оставихъ Ею, дондеже введохъ Ею въ домъ матере моея и въ чертогъ зачешія мя. Почему же въ сказанномъ

находимъ мысли, обозрѣнныя нами прежде догматически? Въ предшествующихъ восхожденіяхъ къ Слову невѣста при каждомъ совершившемся приращеніи измѣняема была всегда къ лучшему (ш), и никогда не останавливалась на пріобрѣтенномъ ею благѣ. То унодобрена конямъ, испровергшимъ египетскаго мучителя; то еще по убранству на шеѣ приравнена монистамъ и горлицамъ. Потомъ, какъ бы не удовольствовавшись симъ, восходитъ еще къ высшему; ибо по сладости нарда познаетъ божественное благоуханіе; но и на семъ не останавливается, а напротивъ того и Самаго еще Возлюбленнаго, какъ нѣкій благовонный аромать, примыкаетъ къ себѣ посреди словесныхъ сосцевъ, изъ которыхъ источаетъ вошедшія во вмѣстилище сердца божественныя ученія. Послѣ сего дѣлаетъ плодомъ своимъ Самаго Дѣлателя, именуя его гроздомъ, который въ цвѣтѣ своемъ благоухаетъ чѣмъ-то сладостнымъ и пріятнымъ. И, достигнувъ такого возраста въ слѣдствіе таковыхъ восхожденій, называется доброю, дѣлается искреннею, и красота очей ея унодобряется голубямъ. Потомъ поступаетъ еще къ большому; потому что, содѣлавшись болѣе острозрительною, до-

---

(ш) Переводъ сдѣланъ по рукописи, гдѣ послѣ: *αε* не читается: *γιδ*.

знаеть красоту Слова, и дивится, какъ, подобно доброй сѣни, нисходитъ Оно на одръ дольней жизни, осѣненное вещественнымъ естествомъ человѣческаго тѣла. При этомъ описываетъ въ словѣ домъ добродѣтели, для крыши котораго пригоднымъ веществомъ служатъ кедръ и кипарисъ, не принимающіе гнилости и тлѣнія, чѣмъ и объясняется въ словѣ постоянство и непреложность расположенія къ добру. При этомъ сравнительно показывается и видоизмѣненіе ея въ отношеніи къ лучшему; представляется она криномъ въ терніи; а также и ею усматривается различіе Женыха съ другими; потому что именуется Онъ яблонію посреди бесплоднаго лѣса, которая красуется добродѣтностію плодовъ, и подъ тѣнь которой пришедши невѣста бываетъ въ домѣ вина (ш), утверждается *въ мръхъ*, полагается въ плодахъ яблони, пріавъ въ сердце избранную стрѣлу, и отъ сладостнаго уязвленія сама дѣлается опять стрѣлою въ рукахъ Стрѣльца, потому что лѣвая рука направляетъ вершину къ горней цѣли, а правая удерживаетъ стрѣлу при себѣ. Послѣ сего, какъ достигшая уже совершенства, и прочимъ изображаетъ въ словѣ свое усердіе къ Любимому, и ихъ какимъ-то заклинаніемъ возбуждая къ любви.

(ш) Дополнено по рукописи.

Посему, кто не скажетъ, что душа, столько возвысившаяся, находится на самомъ крайнемъ предѣлѣ совершенства? Однакоже конецъ достигнутаго прежде дѣлается началомъ руководства къ высшему. Ибо все оное признано звукомъ гласа, посредствомъ слуха, обращающаго душу къ созерцанію таинствъ; и она начинаетъ видѣть Любимаго, являющагося очамъ въ иномъ видѣ; потому что походить Онъ на серну и уподобляется молодому оленю; и сіе явленіе не стоить неподвижнымъ для нашего взора на мѣстѣ своемъ, а напротивъ того скачетъ по горамъ, съ окраинъ перескакивая на вершины холмовъ. И снова невѣста приводится въ высшее состояніе; когда пришелъ къ ней другій гласъ, которымъ побуждается оставить тѣнь стѣны, стать подъ открытымъ небомъ, и упокоиться *въ покровъ камень, близъ предстльня*, и насладиться весеннею красотою, собирая и цвѣты этого времени года зрѣлые, красивые и годные къ *обязанію*, и все, что только наслаждающимся дарить весна для наслажденія, при мусикійскомъ пѣніи птицъ. И невѣста, ставъ отъ сего еще совершеннѣе, признаетъ себя достойною явно увидѣть лице Вѣщающаго, и отъ Него принять слово, не чрезъ другихъ уже произносимое. При семъ справедливо снова ублажить душу, симъ высокимъ восхожденіемъ пришедшую на самую вершину вождельваемаго. Ибо

кто примыслить для блаженства что либо большее сего—видѣть Бога? Но и это, какъ составляетъ конецъ достигнутаго прежде, такъ дѣлается началомъ надежды высшихъ благъ. Ибо невѣста снова слышитъ гласъ, повелѣвающій ловцамъ, для спасенія словесныхъ виноградовъ, изловить портящихъ плоды звѣрей—оныхъ малыхъ лисицъ. И когда сіе сдѣлано, начинается взаимное переходеніе одного въ другаго, и Богъ бываетъ въ душѣ, и душа также переселяется въ Бога. Ибо говоритъ невѣста: *Братъ мой янль, и азъ въ Немъ, пасущемъ въ кринахъ, и человѣческую жизнь изъ подобныхъ тѣни представленій предложившемъ въ дѣйствительность существъ. Видишь ли, на какую высоту вступила невѣста, по пророческому слову, приходя отъ силы въ силу (Пса. 83, 8.)? Она достигла, кажется, самага верха въ надеждѣ благъ; ибо что выше сего—пребывать въ самомъ Любимомъ, и въ себя воспріять Любимаго? Однако же, и сего достигши, снова сѣтуетъ, какъ имѣющая нужду во благѣ, и какъ не получившая еще предмета своего вождельнія, затрудняется, огорчается, и такое затрудненіе души объявляетъ, пересказывая о томъ всѣмъ, описывая въ словѣ, какъ находила искомое.*

Все же сіе дознаемъ изъ обозрѣнія предложенныхъ нами реченій, изъ которыхъ ясно научаемся, что и величіе естества Божія не

ограничивается никакимъ предѣломъ, и никакая мѣра вѣдѣнія не служитъ такимъ предѣломъ въ уразумѣніи искомага, за которымъ надлежало бы любителю високаго остановиться въ стремленіи *въ предняя*; а напротивъ того умъ, высшимъ разумѣніемъ восходящій къ горнему, находится въ такомъ состояніи, что всякое совершенство вѣдѣнія, достижимое естеству человѣческому, дѣлается началомъ пожеланію высшихъ вѣдѣній.

Съ точностію вникни въ предлагаемое обозрѣнію слово, выразишь напередъ то, что чувственное изображеніе въ словѣ есть брачный чертогъ, и что брачное нѣкое учрежденіе представляетъ обозрѣнію такіе предметы, любопытныя о которыхъ, значенія сихъ понятій перелагая въ нѣчто чистое и невещественное, посредствомъ представляемаго ими, излагаетъ догматы, загадочнымъ смысломъ того, что дѣлается при семъ, воспользовавшись также къ уясненію раскрываемаго ученія. Посему, такъ какъ слово душу представило невѣстою, отъ всего же сердца, отъ всей души и всею силою любимый ею Богъ именуется Женихомъ; то въ слѣдствіе сего душа, пришедши, какъ думала, на самую вершину уповаемаго, и помысливъ о себѣ, что уже въ самомъ тѣсномъ единеніи съ Возлюбленнымъ, совершенное приобщеніе блага именуется *ложемъ*, и *нощю* называетъ время тмы, именемъ же ночи ука-

зываетъ на созерцаніе невидимаго, подобно тому, какъ созерцалъ Моисей, бывъ во мракѣ, *идъ же баше Богъ* (Исх. 20, 21.), какъ говоритъ Пророкъ, *положивый тму закровъ Свой, окрестъ Ею* (Псал. 17, 12.). Въ сію-то тму поставленная душа научается тогда, что отъ достиженія совершенства она столько же далека, какъ и не приступавшіе еще къ началу; ибо говоритъ: какъ сподобившаяся совершенства, уже какъ бы на ложѣ какомъ упокоеваясь въ постиженіи познаннаго. когда, оставивъ чувствилища, пребывала я внутри невидимаго, когда объята была божественною ноцію, ища Сокровеннаго во мракѣ, тогда, хотя имѣла я любовь къ Возлюбленному, но это Любимое мною улетало изъ объятія помысловъ. Искала я Его *на ложи моемъ въ ноцехъ*, чтобы познать, какая Его сущность, откуда ведетъ начало, чѣмъ оканчивается, въ чемъ Его бытіе, но *не обрѣтохъ Ею*; звала Его по имени, какое только можно мнѣ было изобрѣсти имя для Неименуемаго, но не было имени, значеніе котораго касалось бы Искомаго. Ибо какъ званіемъ по имени могъ быть обрѣтенъ, Кто *паче всякаго имене* (Филип. 2, 9.)? Посему то говоритъ невѣста: *воззвахъ Ею, и не послуша мене*. Тогда познала я, что великолѣпнѣю, славѣ и святынѣ Его пѣть конца. Посему-то снова востаетъ и озираетъ мыслію духовное и премірное естество, которое именуетъ *градомъ*. Вотъ, говоритъ, начала,

господства и поставленные для властей престолы (это *торжество* небесныхъ (Евр. 12, 23.), которое именуется она *торжищемъ*, это необъятное числомъ множество, которое означаетъ именемъ *стоишь*), не найдется ли между ними Любимое? Посему невеста разыскивая обошла весь ангельскій чинъ, и когда въ обрѣтенныхъ благахъ не увидѣла искомага, такъ стала разсуждать сама съ собою: не постижимо ли хотя для Ангеловъ Любимое мною? и говорить имъ: не *видите ли* хотя вы, *Егоже возлюби душа моя*? Поелику же молчали на такой вопросъ, и молчаніемъ показали, что и для нихъ непостижимо искомое ею: то, когда пытливымъ умомъ обошла весь оный премірный градъ, и отъ духовныхъ и безплотныхъ существъ не узнала Желаннаго, тогда, оставивъ все обрѣтаемое, такимъ образомъ признала искомое по одной непостижимости того, что оно такое; потому что въ семъ познаваемомъ всякій постижимый признакъ служитъ для ищущихъ препятствіемъ къ обрѣтенію. Посему говорить: *мало егда преидохъ отъ нихъ*, оставивъ всю тварь, и прошедши все умопредставляемое въ твари, миновавъ всякій доступный путь, вѣрою *обрѣтохъ* Любимое, и уже не выпущу изъ объятія вѣры Обрѣтеннаго, держась Его, пока не будетъ внутри *чертога* моего. А чертогъ, безъ сомнѣнія есть сердце, которое тогда дѣлается вмѣстительнымъ для

Божественнаго вселенія, когда возвращается въ состояніе, въ какомъ было первоначально при образованіи своемъ *заченшею*. И конечно кто подъ именемъ *матери* будетъ разумѣть первую причину нашего устроенія, тотъ не погрѣшитъ.

Но время божественныя вѣщанія снова предложить въ буквальномъ ихъ чтеніи, чтобы реченія сіи примѣнить къ обозрѣнному. *На ложи мои въ нощехъ, искахъ, Ею же возлюби душа моя, искахъ Ею, и не обрѣтохъ Ею: возвахъ Ею, и не послуша мене. Востану убо, и обыду во градъ, и на торжищахъ, и на стоилахъ, и поищу, Ею же возлюби душа моя: поискахъ Ею, и не обрѣтохъ Ею. Обрѣтоша мя стрегущіи, обходящіи во градъ: видѣсте ли, Ею же возлюби душа моя? Яко мало егда преидохъ отъ нихъ, дондеже обрѣтохъ, Ею же возлюби душа моя: удержахъ Ею, и не оставихъ Ею, дондеже введохъ Ею въ домъ матери моея, и въ чертогъ зачешія мя.* Послѣ этого невѣста снова по человѣколюбію бесѣдуетъ со дщерями іерусалимскими (которыхъ прежде сравнительно по красотѣ съ невѣстою, уподобленною крину, Слово (ъ) наименовало терніемъ) и, заклиная силами міра, возбуждаетъ къ равномерной любви, чтобы изволеніе Жениха и на нихъ

(ъ) По рукописи вмѣсто: *ѣлюс*, читается: *δ λόγος*.

оказалось дѣйственнымъ. Но въ предшествовавшихъ бесѣдахъ говорено было, какой это міръ, въ которомъ сіи крѣпости и силы, и какое это изволеніе Любимаго отъ всего сердца и отъ всей души, и потому нѣтъ потребности снова длить слово о томъ же, когда обозрѣвъ уже нами смыслъ сихъ реченій, достаточно объясняющій разумѣемое въ семъ мѣстѣ. Напротивъ того поступимъ къ продолженію слова, если только возможно будетъ и намъ взойти съ этого совершенною голубицею, воспаряющею въ высоту, и услышать голосъ друзей жениховыхъ, въ чудо вмѣняющихъ восхожденіе ея отъ пустыни, которое тѣмъ паче увеличиваетъ изумленіе въ зрителяхъ, что пустыня производитъ подобную, такъ что уподобляется она красотѣ деревь, возвращенныхъ въ пустынь испареніями благоуханій; а благоуханіями были смирна и ливанъ. Вмѣстѣ съ испареніемъ ихъ воставала и восходила вверхъ какая-то пыль утонченныхъ ароматовъ, такъ что вмѣсто сей пыли, растворенной въ воздухѣ, было разліяніе тонкихъ ароматныхъ частицъ, отъ чего пыль подымалась прямо ввыспрь. Читается же сіе такъ: *кто сія восходящая отъ пустыни, яко стебло дыма кадящее смирну и ливанъ, отъ всѣхъ благовоній лгроварца?*

Если кто съ точностію вникнетъ умомъ въ сказанное, то найдетъ истину ученія, какое мы

предуразумѣли. Какъ въ зрѣлищныхъ представленіяхъ, хотя одни и тѣже показываютъ въ дѣйствіи данную имъ исторію, однако же зрители объ измѣняющихся разными личинами на себѣ видѣ думаютъ, что являются совершенно другіе, и въ являющемся теперь рабомъ и частнымъ человѣкомъ вскорѣ потомъ видятъ витязя и воина, и онъ опять, оставивъ наружность подчиненнаго, принимаетъ на себя видѣ военачальника, или даже облекается въ образъ царя: такъ и преслѣвая въ добродѣтели, не всегда съ тѣми же отличительными чертами остаются, по причинѣ вожделѣнія высшихъ благъ, преобразующіеся *отъ славы въ славу* (2 Кор. 3, 18.); а напротивъ того непрестанно, по мѣрѣ преслѣвующаго въ каждомъ совершенства сихъ благъ, просіяваетъ особая нѣкая свойственная жизни черта, изъ одной измѣняемая въ другую, по причинѣ приращенія благъ. Посему, кажется мнѣ, удивляются видимому друзья Жениховы, которые еще прежде знали невѣсту доброю, да и *доброю въ женахъ*; а послѣ того убрали красоту ея *подобіемъ злата съ пестротами серебра*; теперь же, не усматривая въ ней ни одного изъ прежнихъ признаковъ, но отличая по высшимъ примѣтамъ, дивятся не только восхожденію, но и тому, откуда могла придти. Ибо сіе служитъ къ усиленію изумленія, что видятъ восходящею одну, и видимое уподобляется рощѣ деревь. Имъ

представляется, что видятъ выбѣгающія и вырастающія въ высоту *стебла*. Питаетъ же стебла сіи не тучная какая либо и орошенная, но сухая, жаждущая, пустынная земля. Посему въ чемъ же укореняются стебла сіи, и изъ чего растутъ? Корнемъ для нихъ служитъ ароматная пыль, а поливкою — испареніе благоуханій, орошающее рошу сію благовоніемъ. Сколько слово сіе заключаетъ въ себѣ похвалъ той, о которой засвидѣтельствовано подобное сему? Ибо то, что друзья Жениховы спрашиваютъ другъ друга о представшей ихъ въ образъ, какъ объ являющейся въ иномъ видѣ, а не въ прежнемъ образѣ, служитъ совершеннѣйшею похвалою преслѣбніа въ добродѣтели, свидѣтельствуя о великомъ измѣненіи и превращеніи въ невѣстѣ къ лучшему. Ибо вотъ слова удивляющихся, вмѣняющихъ въ чудо этотъ, вопреки обычному виду цвѣтущій образъ: *сія восходящая отъ пустыни*, какъ прежде мы видѣли, была черна, какъ же сложила съ себя очерненный образъ? Отъ чего бѣлоснѣжнымъ блистаетъ у нея лице? Пустыня, какъ видно, причиною сего; она сдѣлала то, что невѣста, подобно нѣкому отирыску, дала побѣги въ высоту; пустыня претворила ее въ такую красоту. Ибо не по случайному какому стеченію обстоятельствъ, и не по безразсудному какому жребію произошло восхождение ея на высоту; напротивъ того собственными тру-

дами, воздержаніемъ и попечительностію приобрѣла красоту. Такъ вѣкогда и душа пророка содѣлалась жаждущею божественнаго источника, потому что *плоть* его, ставъ *пустою, непроходною и безводною*, ощутила въ себѣ божественную жажду (Иса. 62, 2.). Посему и невѣста тѣмъ самымъ, что восходитъ отъ пустыни, представляетъ о себѣ свидѣтельство, что внимательностію и воздержаніемъ вошла на великую и значительную высоту, и чрезъ это содѣлалась чудомъ для друзей Жениховыхъ, которые красоту ея объясняютъ многими подобіями, потому что однимъ и объять всего не возможно. И сперва уподобляютъ изящество ея *стеблю*, и стеблю не одному (ы), но дѣлается уподобленіе примѣчаемыхъ въ ней чудесъ множеству деревьевъ, чтобы изображеніемъ рощи указывалось на многовидность и разнообразіе добродѣтелей. Потомъ въ образъ красоты берется кадильный дымъ, и притомъ не простой, но срастворенный изъ *смирны и ливана*, чтобы въ одно сливалась пріятность ихъ испареній, которыми изображается красота невѣсты. Новою для нея похвалою служитъ соединеніе сихъ ароматовъ. Смирна употребляется при погребеніи тѣлъ; а ливанъ по нѣкоей причинѣ освящается въ

(ы) Переводъ сдѣланъ по рукописи.

честь Богу. Посему намъревающійся посвятить себя на служеніе Богу не иначе будетъ ливаномъ, воскуряемымъ Богу, какъ развѣ содѣлается прежде сминою, то есть, умертвить *уды* свои, *яже на земли* (Кол. 3, 5.), спогребшись Пріившему за насъ смерть, и умерщвленіемъ удовъ на собственную свою плоть воспріавъ ту смиру, которая употреблена при погребеніи Господа (Іоан. 19, 39.) А по совершеніи сего всякій видъ благоуханій добродѣтели, раздробленныхъ, какъ бы въ ступѣ какой, въ колесѣ жизни, производитъ изъ себя ту сладостную пыль, которую пріавъ съ дыханіемъ, благоуханнымъ дѣлается, кто исполненъ умащеннаго муромъ духа.

Послѣ свидѣтельства о красотѣ невѣсты, друзья Жениховы, уготовители чистаго брачнаго чертога, невѣстоводители непорочной невѣсты, показываютъ ей красоту царскаго одра, чтобы тѣмъ паче привести невѣсту въ вождельніе божественнаго и пречистаго сожительства съ Царемъ. Вотъ описаніе царскаго одра, на который указывая невѣстѣ, представляютъ ей взору изображаемое въ словѣ; ибо говорятъ: *се одръ Соломонъ, шестьдесятъ сильныхъ окрестъ его отъ сильныхъ Израилевыхъ: вси илнуще оружія, научени на брань: мужъ, оружіе его на бедръ его, отъ ужаса въ пощехъ.* Что сего сказанія объ одрѣ нѣтъ въ исторіи, ясно будетъ всякому изъ повѣствуемаго о Соломонѣ

въ смыслѣ плотскомъ. Слово со всею точно-
стію описало его дворець, трапезу и прочій
образъ жизни въ продолженіе царствованія, но
объ одрѣ не сказало ничего новаго и особен-
наго; почему по всей необходимости должно
неостанавливаться въ толкованіи на буквѣ, но
при тщательнѣйшемъ нѣкоемъ наблюденіи, от-
ступивъ мыслію отъ вещественнаго значенія
выраженій, обратитъ рѣчь къ духовному обзо-
ру. Ибо какое украшеніе для брачнаго одра
составятъ шестьдесятъ оруженосцевъ, у кото-
рыхъ всѣ свѣдѣнія — военные страхи, а на-
рядъ — примкнутое при тѣлѣ оружіе, и окру-
жающій ихъ ночный ужасъ? Писаніе словомъ:
ужасъ, какой, какъ говоритъ оно, бываетъ
при сихъ оруженосцахъ, указываетъ на изсту-
пленную боязнь, происходящую отъ какихъ-то
ночныхъ страхованій. Посему всячески должно
отыскать въ сихъ реченіяхъ какій либо смыслъ,
сообразный съ обозрѣннымъ прежде. Какій же
это смыслъ? Кажется, что божественная кра-
сота имѣетъ въ страшномъ достолюбезное,
дѣлающееся видимымъ по противоположности
красотѣ тѣлесной: ибо въ тѣлесной красотѣ
влечетъ (б) къ вожделѣнію, что пріятно и
усладительно на взглядъ и далеко отъ всякаго
страшнаго и раздраженнаго расположенія, а

(б) По рукописи читается: *ἐλκτικόν εἰς ἐπιθυμίαν ἐστί.*

оная пречистая красота есть страшное и изумляющее мужество. Поселику страстное и нечистое вожделеніе тѣлесное, имѣющее себѣ мѣсто въ плотскихъ членахъ, какъ разбойничье какое сконище, строитъ козни уму, и уловивъ его въ свою волю, нерѣдко отводитъ въ плѣнь, а это враждебно Богу, потому что, какъ говоритъ Апостоль, *лудрованіе плотское вражда на Бога* (Рим. 8, 7.); то слѣдуетъ любви Божественной происходить отъ противоположнаго тѣлесному вожделѣнію, такъ что, если послѣднимъ правять во всемъ вольность, изнѣженность и прихотливая роскошь, то устрашающее и изумляющее тамъ мужество дѣлается пищею божественной любви. Ибо когда мужественное раздраженіе приведетъ въ ужасъ, и обратитъ въ бѣгство засаду (ѣ) сластолюбія, тогда откроется чистая красота души, неоскверняемая никакою страстію тѣлеснаго вожделѣнія. Посему-то брачный одръ царя по необходимости окружается оруженосцами, которыхъ опытность въ военномъ дѣлѣ и готовый при бедрѣ мечъ производятъ ужасъ и изумленіе въ омраченныхъ помыслахъ, по дстерегающихъ ночью и *во праць сострѣляющихъ правья сердцама* (Иса. 10, 2.).

А что вооруженіе остѣняющихъ собою одръ

(ѣ) Въ рукописи читается: *εὖ λόγων*

истребительно для нечистыхъ удовольствій, это сдѣлается явнымъ изъ описанія, въ которомъ слово говоритъ: *все научени на брань: мужъ, оружіе его на бедръ его*: ибо дѣйствительно, имѣя при бедрѣ привѣщенный мечъ, знающимъ можно, какъ надлежитъ, вести брань съ плотію и кровію; да и не несвѣдущій въ понятіяхъ и загадочныхъ реченіяхъ Писанія по упоминанію о бедрѣ понимаетъ, конечно, означаемое, а именно, что мечъ есть Слово. Посему, кто препоясанъ симъ страшнымъ оружіемъ (разумѣю мечъ цѣломудрія), тотъ достолюбезенъ для нетлѣннаго одра, есть одинъ отъ *сильныхъ Израилевыхъ*, и достоинъ быть включеннымъ въ списокъ шестидесяти.

Не сомнѣваемся же, что и число сіе имѣеть нѣкое таинственное значеніе; но это явно тѣмъ однимъ, кому благодать Духа открываетъ сокровенныя тайны. А мы утверждаемъ, что хорошо довольствоваться съ перваго взгляда усматриваемыми понятіями въ словѣ, какъ узаконяетъ Моисей о пасхѣ, чтобы употребившіе въ снѣдь снаружи видимыя мяса не касались съ пытливостію скрытаго въ костяхъ неясности (Исх. 12, 10.). Если же кто вождѣваетъ сокровенныхъ мозговъ слова; то пусть просить у Открывающаго сокровенное достойнымъ. Впрочемъ, чтобы не показалось, будто бы обходимъ слово безъ упражненія въ немъ, и не радимъ о Божіей заповѣди, повелѣвающей

испытывать божественныя *Писанія* (Иоан. 5, 39.); сказанное о шестидесяти рассмотримъ такъ: двѣнадцать жезловъ, по числу колѣвъ Израилевыхъ, берутся Моисеемъ по повелѣнiю Божию; но всѣмъ предпочтенъ одинъ — какъ одинъ изъ всѣхъ прозябшій. Еще Иисусомъ Навиномъ берутся изъ Иордана камни въ равномъ числѣ съ колѣнами Израильскими, и ни одинъ изъ нихъ не отринуть; потому что всѣ равночестно приняты во свидѣтельство таинства на Иорданѣ. Въ сихъ повѣствованiяхъ большая есть послѣдовательность; ибо слово показываетъ нѣкоторое преснѣжанiе народа въ усовершенствованiи себя; такъ что въ началѣ законодательства нашлся одинъ живой и прозябшій жезлъ, прочiе же отринуты, какъ сухiе и безплодные; но по прошествiи долгаго времени, когда Израильтяне достигли точнѣйшаго уразумѣнiя законныхъ имъ предписанiй, такъ что поняли и приняли вторично совершенное надъ ними Иисусомъ обрѣзанiе, и когда каменный ножъ отъялъ у нихъ все нечистое (конечно же, разумный (э) слушатель понимаетъ означаемое камнемъ и ножемъ): тогда, по утверженiи въ нихъ законной и добродѣтельной жизни, какъ и естественно было, ни одинъ изъ камней, взятыхъ во имя колѣвъ Израиль-

---

(э) По рукописи ὁ σκευός.

скихъ, не оказался отринутымъ. Поелику же всегда надлежитъ домогаться приращенія благъ, то, когда прошло время, и силъ у Израиля стало больше, ибо въ предлагаемыхъ намъ изреченіяхъ Слово говоритъ о *сильныхъ Израилевыхъ*: тогда берется уже не по одному камню, или по одному жезлу, отъ колѣна, но, вмѣсто жезловъ или камней, отъ cadaго колѣна по пяти мужей воителей, *наученыхъ на брань отъ сильныхъ Израилевыхъ*, вооруженныхъ мечемъ, остѣвняющихъ собою божественный одръ, изъ которыхъ посему ни одинъ не бываетъ отринутъ, потому что пять дѣлаются начаткомъ cadaго колѣна, а это число, двѣнадцать разъ само съ собою сложенное, даетъ полное число шестидесяти. Посему надобно, чтобы отъ cadaго колѣна пять страшныхъ оружеборцевъ стали хранителями царскаго одра, такъ что если бы не доставало до пяти, то не полное число небыло бы и принято. Но нельзя ли наконецъ отважиться на разсужденіе о томъ, почему отъ cadaго колѣна вооружаются пять воиновъ, чтобъ стать стражами царскаго одра, и почему каждый изъ сихъ пяти по вооруженіи, привѣсивъ къ бедру мечъ, дѣлается страшнымъ для противоборствующихъ? Или очевидно, что единый камень замѣняютъ сіи пять оруженосцевъ, служа каждому чувству, имѣющему при себѣ, на пораженіе сопротивниковъ, приличный ему мечъ? Мечъ ока — всегда взи-

ратъ ко Господу, смотрѣть прямо и не оскверняться никакимъ нечистымъ зрѣлищемъ. Оружіе также слуха — слышаніе божественныхъ ученій и то, чтобъ не принимать никогда слухомъ суетнаго слова. Такъ можно и вкусъ и осязаніе, и обоняніе вооружить мечемъ воздержанія, обороняя, чѣмъ слѣдуетъ, каждое изъ чувствъ. Отъ сего оцѣпенѣніе и ужасъ поражаютъ потемненные помыслы, для которыхъ удобнымъ временемъ строить козни душамъ служатъ ночь и тма, когда, сказалъ Пророкъ, дикіе звѣри съ лукавствомъ отыскиваютъ себѣ пищу въ стадахъ Божіихъ, ибо сказано: *положилъ еси тму, и бысть ночь, въ нейже пройдутъ вси звѣріе дубравни: скилни рыкающіи восхитити* (Пса. 103, 20. 21.). Поелику же всякій спасаемый дѣлается Израильяниномъ; *не вси бо суции отъ Израилля, сіи Израилл* (Рим. 9, 6.); напротивъ того всякій, кто устремляетъ взоръ къ Богу, за такой образъ дѣйствія въ собственномъ смыслѣ называется симъ именемъ; взирающему же на Бога свойственно ни однимъ изъ чувствилищъ не обращаться ко грѣху (ибо никто не можетъ взирать на двоихъ господъ, но одному надлежитъ стать ненавистнымъ, если содѣлается любимымъ другой): то посему самому все спасаемое дѣлается единымъ одромъ царя. Ибо, если всѣ, содѣлавшіеся *чистыми сердцемъ узрятъ Бога* (Матѳ. 5, 8.), видящіе же Бога въ соб-

ственномъ смыслѣ бываютъ и именуется Израилемъ; а сіе имя по какой то сокровенной причинѣ дѣлится на двѣнадцать колѣнъ: то полнота спасаемыхъ прекрасно слагается изъ числа шестидесяти, когда отъ каждой части берется одинъ, и этотъ одинъ по числу чувствъ дѣлится на пять оруженосцевъ. Посему-то одинъ Царевъ одръ окружаютъ всѣ облекшіеся *во вся оружія Божія* (Ефес. 6, 11.), всѣ содѣлавшіеся Израилемъ, и послѣду, при представляемой повсюду въ двѣнадцати колѣнахъ доблести, вся полнота доблестныхъ слагается изъ числа шестидесяти; то всѣ единымъ чиномъ начальникомъ, Екклесіастомъ и Женихомъ счисляемые въ общеніе единого тѣла, будутъ единый полкъ, единое воинство, единый одръ, то есть, одна Церковь, одинъ народъ, одна невѣста.

А что одръ есть упокоеніе спасаемыхъ, сему научаемся словомъ Господа, Который безъ стыда ударяющему въ двери ночью говоритъ: *уже двери затворены суть, и дѣти со мною на ложи суть* (Лук. 11, 7.). Прекрасно же слово тѣхъ, которые съ оружіемъ правды преуспѣли въ безстрастіи, именуется дѣтьми, давая намъ знать чрезъ это, что благо, пріобрѣтаемое нашею попечительностію, есть не какое либо иное съ сообщеннымъ естеству въ началѣ. Ибо и препоясавшійся мечемъ внимательностію къ добродѣтельной жизни устра-

нилъ отъ себя страсть; и младенецъ по возрасту нечувствителенъ къ таковой страсти; потому что незрѣлость возраста не даетъ страсти мѣста. Посему вмѣстѣ можно дознавать, и что есть при одрѣ оруженосцы, и что покоющіеся на одрѣ—младенцы; потому что одно безстрастіе въ тѣхъ и другихъ; одни не принимали въ себя страсти, а другіе удалили ее отъ себя; одни еще не познали, а другіе, обратившись и ставъ дѣтьми по безстрастію, поставили себя въ первобытное состояніе. Посему блаженное дѣло оказаться въ числѣ ихъ, содѣлавшись или младенцемъ, или оруженосцемъ, или истиннымъ Израильтяниномъ: Израильтяниномъ, какъ въ чистотѣ сердца взирающимъ на Бога; оруженосцемъ, какъ въ безстрастіи и чистотѣ охраняющимъ царевъ одръ, то есть, сердце свое, и младенцемъ, какъ покоющимся на блаженномъ ложѣ о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ. Ему слава во вѣки вѣковъ! аминь.

ВЕСѢДА 7.

(3, 9.). *Одръ сотвори себѣ царь Соломонъ отъ древесъ ливанскихъ. (10) Столпы его сотвори серебряны, и восклоненіе его злато: восходъ его багрянъ, внутръ его каменіе постлано, любовь отъ дочерей іерусалимскихъ. (11) Дщери Сіони изыдите и видите въ царя Соломоня, въ вѣнцѣ,*

и яже вѣнча его мати его, въ день обрученія его, и въ день веселія сердца его. (4, 1.) Се еси добра ближняя Моя, се еси добра: очи твои голубиль, кроль замолчанія твоего: власи твои яко стада козицъ, яже открышася отъ Галаада. (2) Зубы твои яко стада остриженныхъ, яже изыдоша изъ купльми, вся двоеплодны, и неродящія нѣсть въ нихъ. (3) Яко вервь червлена устнѣ твои, и бесѣда твоя красна: яко обошенія шипка ланиты твои, кроль замолчанія твоего. (4) Яко столпъ Давидовъ въя твоя, созданъ въ Ѳалмодовъ: тысяща щитовъ виситъ на немъ, вся стрѣлы сильныхъ. (5) Два сосца твоя яко два млада близница серны, пасолая въ кринахъ, (6) дондеже дхнетъ день, и подвижутся стѣны. Пойду себѣ къ горѣ Смирнѣй, и къ холму Ливанску. (7) Вся добра еси ближняя моя, и порока нѣсть въ тебѣ.

Царь Соломонъ по многому пріемлется въ образъ истиннаго Царя, — разумѣю же многое, во святомъ Писаніи повѣствуемое о немъ въ лучшую сторону. Ибо называется мирнымъ, имѣетъ безмѣрную мудрость, созидаетъ храмъ, царствуетъ во Израили, и судитъ народъ въ правдѣ, и происходитъ отъ сѣмени Давидова, да и царица еѳіоплянъ приходитъ къ нему. Все сіе и подобное сему сказуется о немъ прообразовательно, преднаписуетъ же силу Евангелія. Ибо кто столько миренъ, какъ убившій вражду (Ефес. 2, 16.), привоздившій на

крестъ враговъ Своихъ (Кол. 2, 14.), *насъ,* лучше же сказать, *миръ примирившій Себѣ* (2 Кор. 5, 19.), *и средостѣннѣ ограда разорившій,* да оба *созиждетъ Собою во единого новаго чело-вѣка, творя миръ* (Ефес. 2, 14. 15.), *проповѣдавшій миръ далнимъ и ближнимъ* (17) *чрезъ благовѣствующихъ благая* (Рим. 10, 15.)? Кто таковой здатель храма, какъ положившій *основанія ея на юрахъ святыхъ* (Псал. 86, 2.), то есть, на Пророкахъ и Апостолахъ, назидующій же, какъ говоритъ Павелъ, *на основаніи Апостолъ и Пророкъ* (Ефе. 2, 20.) *каменіе живо* (1 Петр. 2, 5.), камни одушевленные, которые, по слову пророческому (Зах. 9, 16.) (ю), сами собою катятся, чтобы сложиться въ стѣны, и чтобы, когда они единствомъ вѣры и союзомъ любви прилажены будутъ одинъ къ другому, *возрасла чрезъ нихъ Церковь святая,* и совершилось *жилище Божіе Духомъ* (Ефес. 2, 21. 22.)? А что мудростію своею Соломонъ означаетъ истинную Премудрость, тому, принимая во вниманіе исторію и дѣйствительность, не станетъ противорѣчить никто; ибо исторія свидѣтельствуеть о Соломонѣ, что онъ преступилъ за предѣлы чело-вѣческой мудрости, *вмѣстивъ на широтъ сердца* (3 Цар. 4, 23.)

(ю) По славянскому переводу: *каменіе свято валяется на земли.*

вѣдѣніе всего, такъ что и предшественниковъ превзошелъ и для потомковъ сталъ недостижимъ. И Господь по естеству Своему, по тому самому, что такое Онъ, есть сущность истины, премудрости и силы. Посему, такъ какъ сказано Давидомъ: *вся премудростію сотворилъ еси* (Псал. 103, 24.), божественный Апостоль, толкуя Пророка, говоритъ, что *Тѣло создана быша всяческая* (Кол. 1, 16.), и симъ даетъ знать, что словомъ: *премудрость* Пророкъ означаетъ Господа. А что Господь есть Царь Израилевъ, это засвидѣтельствовано и врагами Его, написавшими на крестѣ признаніе Его царскаго сана: *Сей есть Царь іудейскъ* (Лук. 23, 38.). Ибо принимаемъ сіе свидѣтельство, хотя думаютъ иные, что оно умаляетъ величіе державы, ограничивая владычество Господа царствомъ Израильскимъ. Но на дѣлѣ выходитъ не такъ; напротивъ того сіе надписаніе на крестѣ, упоминая о части, восписуетъ начальство надъ всѣмъ уже тѣмъ, что не прибавляетъ: *Сей есть Царь однихъ іудеевъ*. Ибо надпись безъ ограниченій, засвидѣтельствовавъ начальство Его надъ іудеями, и въ признаніи семъ, не сказавъ того ясно, подразумевала и державу надъ всѣми; потому что Царь всей земли, конечно, имѣетъ владычество и надъ частию ея. И заботливость Соломона о правдивомъ судѣ означаетъ истиннаго Судію всего міра, Который говоритъ: *Отецъ не су-*

дѣтъ николиуже, но судѣ весь даде Сынови (Іоан. 5, 22.), и: *не могу о Себѣ творити ничесоуже, но, якоже слышу, сужду: и судѣ Мой праведенѣ есть* (30.). Ибо вотъ самый крайній предѣлъ правдиваго суда, — не отъ себя, по какому либо пристрастію, давать рѣшеніе подсудимымъ, но сперва выслушивать подлежащихъ суду, а потомъ уже дѣлать о нихъ приговоръ. Посему-то сила Божія признаетъ нѣчто и для нея невозможнымъ; ибо истина не можетъ уклонить судѣ отъ правды. А что Господь по плоти отъ сѣмени Давидова, и что предугазуется сіе рожденнымъ отъ Давида, о томъ, какъ о признаваемомъ всѣми, умолчимъ въ словѣ.

Тайна же, заключающаяся въ сказаніи о царицѣ еѳіопской, почему, оставивъ еѳіопское царство, и прошедши столь великія разстоянія, поспѣшаетъ она къ Соломону по славѣ о мудрости его, принося царю въ даръ *каменіе драгое, золото и сладости ароматовѣ* (3 Цар. 10, 10.), содѣлается ясною для познавшаго, къ какому изъ евангельскихъ чудесъ она относится. Ибо кто не знаетъ, что первоначально церковь изъ язычниковъ прежде, нежели содѣлалась церковію, черна была идолослуженіемъ, и великимъ растояніемъ *неспѣднійя* (Дѣян. 17, 30.) отдѣлялась отъ вѣдѣнія истиннаго Бога? Но когда *явися благодать Божія* (Тит. 2, 11.), возсіяла Премудрость, и истин-

ный Свѣтъ изліялъ лучи свои къ сѣдящимъ во тмѣ и сѣни смертной; тогда, поелику Израиль смежилъ очи для Свѣта, и самъ себя содѣлалъ далекимъ отъ причастія благъ, приходятъ еѳіопяне—съ вѣрою притекающіе язычники, и бывшіи иногда далече стали близъ (Ефес. 2, 13.), омывъ черноту таинственной водою, такъ что *Еѳіопія* предваряетъ руку свою къ Богу (Пса. 67, 32.), и дары приводитъ Царю (Пса. 71, 10.): ароматы благочестія, злато боговѣдѣнія и каменіе драгое дѣланія заповѣдей и добродѣтелей.

Но что имѣя въ виду, съ сего начинаю предстоящее намъ обозрѣніе реченій, объясню это въ словѣ, предложивъ уже напередъ буквальное чтеніе Божественныхъ словесъ, которое таково: *одръ сотвори себѣ царь Соломонъ отъ древесъ ливанскихъ. Столпы его сотвори серебряны, и восклопеніе его злато: восходъ его багрянъ, внутрь его каменіе постлано, любовь отъ дочерей іерусалимскихъ.* Посему какъ въ изслѣдованномъ прежде о Соломонѣ Слово нашло, какими чертами въ этомъ лицѣ описывается таинство храма: такъ и уготовленіемъ ора означается домостроительство о насъ, потому что Богъ многообразно бываетъ въ достойныхъ Его, столько бывая въ каждомъ, сколько возымѣетъ каждый силы и достоинства. Ибо одинъ дѣлается пѣкинымъ мѣстомъ Божиимъ, а другій—домомъ, иной—престоломъ, а иной—

подножіемъ: а еще иный дѣлается колесницею, или послушнымъ конемъ, пріемлющимъ на себя добраго Всадника, и въ угодность Правящему совершающимъ свой бѣгъ. А, какъ научаемся теперь, иный бываетъ и одромъ (я) Его, именно же, кто премудростію Его устрояется не только изъ деревъ ливанскихъ, но и изъ золота, серебра, багряницы и камней, что прилично каждой части, и чѣмъ приводится въ дѣйствіе любовь Божія, потому что не всякій вмѣщаетъ дѣйственность любви, но развѣ о комъ извѣстно по жизни, что это *дщерь вышняго свободнаго Иерусалима* (Гал. 4, 26.). Посему, что носящій въ себѣ Бога служитъ одромъ Обитающему и Возсѣдающему въ немъ, это можетъ быть яснымъ и прежде нашихъ объясненій; потому что кто, подобно святому Павлу, живетъ *не къ толѣ* самъ, но имѣетъ живущаго въ немъ Христа (Гал. 2, 20.), и представляетъ доказательство *глаголющаго* въ немъ Христа (2 Кор. 13, 3.), тотъ въ собственномъ смыслѣ называется и бываетъ одромъ для Носимаго на немъ и имъ Держимаго. Но не въ этомъ состоитъ искомое нами; надлежитъ же паче со тщаніемъ выразумѣть, что означается разнообразіемъ и разнородностію вещества.

(я) Точнѣе: носиками.

Итакъ, почему на устройство одра вмѣстѣ съ золотомъ, серебромъ, багряницею и камнями берется и дерево? Между тѣмъ *прелудръ архитекторъ* Павелъ вмѣстѣ съ *стѣномъ и тростіемъ* и дерево признаетъ негоднымъ къ построению дома, какъ истребляемое искушающею *дѣло*, губительною силою огня (1 Кор. 3. 10—13.). Но мы знаемъ нѣкоторый родъ дерева, не остающагося тѣмъ, что оно есть, но превращающагося въ золото, или серебро, или что либо иное драгоценное. Ибо *въ величїемъ дому* Божіемъ, говоритъ Апостоль, есть *сосуди злати и серебряни* по естеству, давая симъ, какъ думаю, разумѣть тварь безплотную и духовную, а также *древяни и глиняни*, означая ими, можетъ быть, насъ, которыхъ преслушаніе оземлило и сдѣлало глинянными, а грѣхъ вкушеніемъ отъ древа изъ золотыхъ сосудовъ обратилъ въ деревянные. По достоинству же вещества распредѣляется и употребленіе сосудовъ: тѣ, которые изъ вещества болѣе дорогаго, назначаются *въ честь*, а другіе оставляются на служеніе нечестное. Но что говорить о такихъ сосудахъ Павелъ? Что во власти сосуда, по собственному его произволенію, или изъ деревяннаго сдѣлаться золотымъ, или изъ глиннаго серебрянымъ; ибо Апостоль говоритъ: *аще кто очиститъ себе, будетъ сосудъ въ честь Владыцъ, на всякое дѣло благое уготованъ* (2 Тим. 2. 20. 21.). Посему сказан-

нымъ приводимся, можетъ быть, нѣсколько къ предлагаемому въ словѣ умозрѣнію. Гора Ливанъ во многихъ мѣстахъ святаго Писанія упоминается въ показаніе сопротивной силы: такъ, когда говорится у Пророка: *стрыетъ Господь кедры ливанскія, и истнитъ я и Ливанъ яко тельца* (Пса. 28, 5. 6.), очевидно, того тельца, который въ пустынѣ стертъ въ прахъ Моисеемъ, и по мелкости частицъ сталъ удобоіемымъ для Израильтянъ. Ибо пророчествомъ объясняется здѣсь, что, не только порожденныя сопротивною силою бѣдствія, но и самая гора—первоначальный корень зла, этотъ Ливанъ, питающій вещество таковыхъ деревъ, приведены будутъ въ ничто. И такъ мы нѣкогда были деревьями на Ливанѣ, пока укоре- нялись въ немъ порочною жизнію и прелестію идольскою; но поелику словесною сѣкирою ссѣчены мы съ Ливана, и стали въ рукахъ Художника, то содѣлалъ Онъ изъ насъ одръ Себѣ, естество дерева пакибытіемъ претворивъ въ серебро и золото, въ доброцвѣтную багряницу, и въ блестящіе камни.

И какъ, говоритъ Апостоль, Богъ каждому въ мѣру его раздѣляетъ дары Святаго Духа. одному дастъ *пророчество, по мѣрѣ слыры* (Римл. 12, 6.), а другому другое какое либо изъ дѣйствъ, къ какому каждый сродень, и какую можетъ пріять благодать, или ставъ *окомя тѣла Церкви*, или будучи поставленъ на мѣсто

руки, или подпирая тѣло, какъ *ноги*: такъ и въ устройствѣ одра одинъ дѣлается *столпомъ*, другой *восходомъ*, иный же, какъ часть служащая для головы, наименованъ *восклоненіемъ*; а есть и такіе, которые назначены *внутрь*. Для всего этого, по какому-то закону, примышляетъ Художникъ неоднородное вещество на убранство, но, хотя все украшается красотою, однако же для каждой изъ сихъ частей примышляется различная и соотвѣтственная краса. Почему *столпы* одра — серебро; а *восходы* ихъ — багряница; *восклоненіе* же подъ головою, на которое Женихъ приклоняетъ главу Свою, — изъ золота; и вся внутренность испещрена драгоценными камнями. А потому подъ *столпами* разумѣть должно столповъ Церкви, у которыхъ слово въ точности *сребро* чисто и *разжжено* (Иса. 11, 7). Багряница же — это въ высококомъ житіи восшедшіе на царство; потому что багряница почитается отличительнымъ признакомъ царскаго достоинства. И владычественное его, на что Устроившій одръ восклоняетъ главу Свою, это золото чистыхъ догматовъ. Все же невидимое и сокровенное украшается чистою совѣстію драгоценныхъ камней, и изъ нихъ всѣхъ составляется *любовь отъ дочерей іерусалимскихъ*.

А если угодно кому одромъ назвать всю Церковь, и части одра раздѣлить Онъ, по

различіямъ дѣйствій, какимъ либо лицамъ, какъ говорено было о семъ прежде; то и въ семъ случаѣ весьма удобно будетъ слову части одра примѣнить къ каждому чину, установленному въ Церкви, какъ говоритъ Апостоль: *положи Богъ въ Церкви первыя Апостоловъ, второе Пророковъ, третіе учителей, потомъ и всѣ одинъ за другимъ чины* (1 Кор. 12, 28.), *къ совершенію святыхъ* (Ефе. 4, 12.). Посему подъ именами веществъ, служащихъ къ устройству одра, разумѣются священники и учителя, и честное дѣвство, внутри одра чистотою добродѣтелей блистающее, 'какъ бы какими лучами камней. Но о семъ довольно.

Послѣдующая же часть слова заключаетъ въ себѣ увѣщаніе невѣсты дочерямъ іерусалимскимъ. Какъ великій Павелъ почиталъ для себя ущербомъ, если несодѣласть *всѣхъ* (1 Кор. 7, 7.) причастниками собственныхъ своихъ благъ; а потому слушающимъ говорилъ слѣдующее: *будите якоже азъ: зане и азъ былъ нѣкогда подобенъ вамъ* (Гал. 4, 12.), и: *подражатели нль бывайте, якоже азъ Христу* (1 Кор. 11, 1.): такъ и человѣколюбивая невѣста, сподобившись сама божественныхъ Владычнихъ таинъ, когда увидѣла ложе Царя, и содѣлалась Его одромъ, взываетъ отроковицамъ (а ими могутъ быть души спасаемыхъ), говоря: долго ли останетесь заключенными въ вертепъ этой жизни? Изыдите изъ прикровеній естества, ви-

дите дивное зрѣлище, ставъ дочерьми Сіона, зрите вѣнецъ весьма приличный (е) главѣ Царя, который возложила на него мать по слову Пророка, говорящаго: *положилъ еси на главъ Его вѣнецъ отъ камене честна* (Псал. 20, 4.). Конечно же, никто изъ осмотрительныхъ въ сужденіи, когда рѣчь о Богѣ, не будетъ строго разбирать значенія имени, почему вмѣсто Отца упоминается мать, въ томъ и другомъ реченіи находя одинъ смыслъ; потому что Божество и не женскаго и не мужскаго пола. Да и какъ о Божествѣ помыслить что либо подобное, когда и въ насъ — людяхъ не на всегда остается это, а напротивъ того, когда *все дѣлаемъ едино о Христвѣ*, тогда и признаковъ сего различія совлекаемъ съ цѣлымъ ветхимъ человѣкомъ (Гал. 3, 28.)? Посему-то всякое, какое ни найдется, имя равносильно для указанія на естество нетлѣнное; потому что ни женскій, ни мужескій полъ не скверняютъ своимъ именованіемъ значенія, какое имѣетъ естество пречистое. Посему-то въ евангеліи говорится, что Отецъ творитъ *браки* (Матѣ. 22, 2.), и Пророкъ Богу говоритъ: *положилъ еси на главъ его вѣнецъ отъ камене честна*; а здѣсь сказано, что вѣнецъ на Жениха возлагается матерью. Поелику бракъ

(е) Такъ въ рукописи.

одинъ, и невѣста одна, и Однимъ возлагается на Жениха вѣнецъ; то вовсе нѣтъ разности, назвать ли едиnorodнаго Бога Сыномъ Божіимъ, или, по выраженію Павла, *Сыномъ любви* Божіей (Кол. 1, 13.); потому что по тому и другому именованію одна сила уневѣщаетъ Его для сожителства съ нами. Посему невѣста говоритъ отроковицамъ: *изыдите* и будьте дочерьми Сіона, чтобы съ высокой стражбы (такъ толкуется Сіонъ) возмогли вы увидѣть чуждое зрѣлище—вѣнецоснаго Жениха. Вѣнцемъ же для Него дѣлается Церковь, вокругъ объемлющая главу Его одушевленными камнями. Соплетатель таковаго вѣнца есть любовь, и не погрѣшитъ, кто матерью назоветъ ее, или любовію; потому что, по слову Іоанна, *Богъ любви есть* (1 Іоан. 4, 8.). Этимъ вѣнцемъ, сказуетъ невѣста, увеселяется Женихъ, восхищаясь брачнымъ симъ украшеніемъ: ибо радуется какъ дѣйствительно содѣлавшій Церковь Своею сожителницею, увѣнчаваемый добродѣтелями отличнѣйшихъ въ ней. Но лучше присовокупить самыя Божественныя изреченія, буквально читаемыя такъ: *дщери Сіони, изыдите и видите* царя Соломона *въ вѣнцѣ, илже вѣнча его мати его, въ день обрученія его, и въ день веселія сердца его.*

Пріявъ таковое челоуѣколюбіе невѣсты, по которому она, въ подражаніе Владыкѣ, сама *хочетъ вѣнчъ спастися, и въ разулъ истинны*

прити (1 Тим. 2, 4.), Слово содѣлываетъ ее еще болѣе досточестною, ставъ проповѣдникомъ и живописателемъ ея красоты. Ибо не просто изрекается похвала красѣ, заключающая въ себѣ какія либо общія хвалы красотѣ; но напротивъ того Женихъ даетъ мѣсто въ словѣ всѣмъ порознь частямъ, каждому члену сравненіемъ и уподобленіемъ восписуя свою особую похвалу. Говорить же такъ: *се еси добра ближняя Моя, се еси добра*; ибо, подражавшая челоуѣколюбивому изволенію Владыки, и повелѣнная отроковицамъ выдти каждой, подобно Аврааму, *отъ земли* своей и *отъ рода* чувствилницъ своихъ (Быт. 12, 1.), чтобы увидѣть чистаго Жениха, посящаго вѣнецъ—Церковь, дѣйствительно дѣлается она близкою къ Владычней благодати, любовію къ ближнему приблизившись къ Богу. Посему говорить ей Слово: *добра еси*, добрымъ произволеніемъ приблизившись къ Благому. Повтореніе же похвалы показываетъ неживость свидѣтельства: ибо сугубымъ свидѣтельствомъ подтверждать истину опредѣляетъ божественный законъ. Посему сказано: *се еси добра ближняя Моя, се еси добра*.

Но поелику вся Церковь есть *едино тѣло* Христово, а *во единомѣ тѣлеси*, какъ говоритъ Апостоль, *мнози уди, уди же вси не тожде илутъ дѣланіе* (Римл. 12, 4. 5.), а напротивъ того одного создалъ Богъ въ тѣлѣ окомъ, а

кто либо другій насажденъ быть ухомъ, нѣкіе же по дѣйствию силъ дѣлаются руками, а нѣкіе, носящіе бремена, называются ногами, а иное будетъ дѣломъ вкуса и обонянія и по порядку всего, изъ чего составляется человѣческое тѣло, и въ общемъ составѣ тѣла Церкви можно находить уста, зубы, языкъ, сосцы, чрево, выю, а какъ говоритъ Павелъ, и даже *мнящіися неблагообразніи быти* въ тѣлѣ (1 Кор. 12, 22—24.); то посему точный цѣнитель красоты каждому изъ членовъ, нравящихся Ему въ цѣломъ тѣлѣ, слагаетъ особую и приличную похвалу.

Похвалы сія начинаются съ главнѣйшихъ членовъ. Ибо въ членахъ нашихъ что дороже глазъ? Они приемятъ въ себя свѣтъ; ими приобрѣтается познаніе друзей и непріятелей; ими различаемъ свое и чужое; они бывають наставниками и учителями во всякомъ дѣланіи, природными и неотлучными путеводителями въ непогрѣшительномъ шествіи; ихъ положеніе выше другихъ чувственныхъ орудій показываетъ предпочтительность ими доставляемой намъ пользы. Безъ сомнѣнія же, извѣстно слушателямъ, къ какимъ членамъ Церкви относится похвала очамъ. Окомъ былъ Самуиль *прозорливецъ* (1 Цар. 9, 9.); ибо такъ его называли; окомъ былъ Іезекіиль, поставленный отъ Бога быть *стражемъ* (Іезек. 3, 17.) ко спасенію имъ охраняемыхъ; око—Михей видя-

щій, и Моисей богоглаголивый, наименованный по сему и *богомъ* (Исх. 7, 1.); очи — всѣ поставленные въ путеводство народу, которыхъ современники именовали *прозорливыми* (4 Цар. 17, 13.). И нынѣ занимающіе мѣсто сіе въ тѣлѣ Церкви и поставленные епископствовать въ собственномъ смыслѣ именуется очами, если неуклонно будутъ взирать на солнце правды, никогда не притупляя зрѣнія дѣлами темными, и если станутъ различать свое отъ чужаго, зная, что чуждо естеству нашему все видимое и временное; свое же ему то, что предлежитъ намъ по унованію, и обладаніе чѣмъ на всегда пребываетъ неотъемлемымъ. Дѣло очей — распознавать дружественное и непріязненное, чтобы истиннаго друга любить отъ всего сердца и всею душею и силою, *совершенною же ненависть* (Пса. 138, 22.) оказывать врагу жизни нашей. Да и наставникъ въ томъ, что должно дѣлать, учитель полезному, руководитель въ шествіи къ Богу въ точности исполняетъ дѣло чистаго и здраваго ока, подобно тѣлеснымъ очамъ, предуказуя высокое житіе прочимъ. Поэтому Слово съ сего начинаетъ восхвалять красоту невѣсты, и говоритъ *очи твои голубинь* (v). Ибо видя, что поставленные на мѣсто очей

(v) Тошче: голуби.

не прикосновенны къ злу, и одобрявъ простоту и невинность ихъ нрава, наименовало ихъ голубями; такъ какъ отличительное свойство голубей — невинность (Матѳ. 10, 16.). Или, можетъ быть, Слово изрекаетъ очамъ нѣкую, подобную слѣдующей, похвалу: поелику изображенія всего видимаго, падая на чистую зѣницу, приводятъ въ дѣятельность зрительную силу; то по всей необходимости, на что кто смотритъ, образъ того воспріемлетъ глазомъ, подобно зеркалу, изображая въ себѣ очертаніе видимаго. Посему, когда пріившій въ Церкви власть замѣнять зрѣніе не обращаетъ взоровъ ни на чтоъ вещественное и тѣлесное; тогда преусиѣваетъ въ немъ духовная и вещественная жизнь. А таковая жизнь образуется благодатию Святаго Духа. Посему самая совершенная похвала сямъ очамъ, если образъ ихъ жизни сообразенъ благодати Святаго Духа; потому что Духъ Святой голубь.

Восхваляются же два ока, чтобы въ похвалѣ участвовалъ цѣлый человекъ: и видимый, и умопредставляемый. Посему-то Слово присовокупило къ похвалѣ и другое преимущество, сказавъ: *кролиь замолчанія твоего*: ибо въ доброй жизни иное явно, такъ что извѣстно и людямъ; а другое сокровенно и тайно, видимо одному Богу. Посему, Кто видитъ *не содѣланное* (Иса. 138, 16.), и усматриваетъ

сокровенное, Тотъ свидѣтельствуеть о восхваляемомъ лицѣ, что въ немъ умалчиваемое значительнѣе видимаго, когда говоритъ: *очи твои голуби. кромѣ замолчанія твоего.* Ибо къ тому, что уже восхвалено, не принадлежитъ то, чему безмолвно удивляются.

Но Слово, поступая далѣе, постепенно ведетъ похвалу красотѣ, обращая рѣчь къ волосамъ, и говоритъ: *власи твои яко стада козицѣ, яже отъкрышася отъ Галаада.* Впрочемъ прежде надлежитъ выразумѣть естественное свойство волосъ, чтобы потомъ познать, какую похвалу певѣстѣ приносить въ даръ Слово, похвалая *власи.* Итакъ волосы на головѣ женской именуются у Павла *славою*, и какъ говоритъ онъ, даны женѣ *вмѣсто одѣянія* (1 Кор. 11, 15.). А приличнымъ для женъ одѣяніемъ признаеть онъ стыдливость и цѣломудріе, написавъ буквально такъ: *подобаетъ женамъ, обѣщавающимся благочестію, со стыдливостію и цѣломудріемъ* украшать себя (1 Тим. 2, 9. 10.). Посему подъ волосами на головѣ, которые *раститъ* жена, мудростію Павловою разумѣются стыдливость и цѣломудріе. Неприлично же и подумать, что у души, дающей обѣтъ жить богочестиво, кромѣ стыдливости и цѣломудрія другая какая либо слава наименована волосами, которыхъ если не имѣеть жена, *срамяетъ главу свою*, какъ говоритъ Апостоль (1 Кор. 11, 5.). Если же такъ любомудрствовалъ о

волосахъ Павелъ; то Апостолу мысль (а) можно будетъ внести и въ похвалу, какая въ словѣ о волосахъ восписуется Церкви, по изреченію нами разсматриваемому, которое говоритъ: *власи твои яко стада козицѣ, яже открьшася отъ Галаада*. Ибо Слово вмѣняетъ симъ въ похвалу добродѣтельное житіе. Но къ слову о волосахъ слѣдуетъ присовокупить и то, что волосы лишены всякаго жизненнаго чувства. Ибо къ приращенію похвалъ немало служитъ и это, что въ волосахъ нѣтъ ощущенія ни утомленія, ни удовольствія. Тѣло, изъ котораго они вырастаютъ, чувствуетъ боль, когда ихъ выщипываютъ; самый же волосъ, рѣжутъ ли его, или жгутъ, или тщательно сводятъ какимъ либо притираньемъ, не чувствуетъ того, что съ нимъ дѣлается. А не имѣть чувства свойственно мертвымъ. Посему въ комъ не возбуждаетъ никакого ощущенія вождельваемое въ этомъ мірѣ, кого не надмѣваютъ слава и честь, не оскорбляютъ обида и безчестіе, кто напротивъ того сохраняетъ себя одинаковымъ при томъ и другомъ изъ противоположныхъ на него дѣйствій, тотъ есть восхваляемый у невѣсты волосъ, содѣлавшійся совершенно мертвымъ и неподвижнымъ для всего, что въ мірѣ семъ, такъ или иначе, будетъ на него дѣйствовать.

(а) По рукописи читается здѣсь: *τὰ τῶν Ἀποστόλων ρήματα*, а не *ρήματα*.

Если же особенное преимущество волосовъ приравняется стадамъ *козицъ*, *яже открывшася отъ Галаада*; то, хотя' не могли еще мы выразумѣть, что надлежитъ знать о семъ въ точности, однакоже догадываемся, что, какъ царь, ливанскія древа претворивъ въ золото, серебро и багряницу, уготовавъ себѣ одрѣ; такъ добрый Пастырь умѣлъ овладѣть стадами козъ, и въ стада овецъ превратить эти козы стада съ горы Галаадъ. А это—имя горы иноплеменниковъ, открывающей въ себѣ такую благодать, что и тѣхъ, которые изъ язычниковъ послѣдовали за добрымъ Пастыремъ, содѣлали власами, украшающими невѣсту, которыми, на основаніи предварительнаго взгляда, означаются цѣломудріе, стыдливость, воздержаніе и умерщвленіе плоти.

Или, можетъ быть, подъ такой взглядъ на козъ подходить и долгое время любомудрствовавшій на горѣ Галаадъ Илія, который всего болѣе обучалъ воздержною жизнію, былъ нищъ по виду, обросъ волосами, вмѣсто мягкой какою либо одежды прикрывался козьею кожею. Посему все, подобно оному Пророку, преслѣвующіе въ своей жизни, дѣлаются украшеніемъ Церкви, но преобладающему нынѣ способу любомудрія, какъ бы стадами, другъ съ другомъ трудясь въ дѣлѣ добродѣтели. А что Галаадъ открываетъ такія стада, въ этомъ заключается еще большій избытокъ досточуд-

паго; потому что отъ языческой жизни обратились мы къ любомудрію по Богу. Не Сіонъ, святая Его гора, обучилъ таковому житію; но народъ, посвятившій себя идоламъ, столько измѣнился въ жизни, что преслѣбіяніи въ добродѣтели украсилъ главу невѣсты.

Потомъ въ ряду похвалъ Слово упоминаетъ и зубы, умалчивая пока о похвалахъ устамъ и губамъ, чего не должно оставлять неизслѣдованнымъ. Такъ почему же въ похвалахъ зубы упоминаются прежде усть? Иный, можетъ быть скажетъ, съ намѣреніемъ въ большемъ изяществѣ показать красоту, что въ описаніи зубовъ скрытымъ образомъ указывается на улыбку усть; но я разсуждаю, что въ похвалахъ красота зубовъ по другимъ видамъ предшествуетъ хваламъ усть. Ибо Слово послѣ этого не оставило не восхваленными и уста, сказавъ: *яко вервь червлена устий твои, и бесѣда твоя красна.* Посему что же заключаю объ этомъ? Въ наукахъ наилучшій порядокъ—сперва выучиться, а потомъ говорить. А кто называетъ науки снѣдами души, тотъ не погрѣшитъ противъ истины. Какъ, тѣлесную пищу размягчая зубами, дѣлаемъ ее пригодною для желудка: такимъ же образомъ и въ душѣ есть нѣкая на мелкія части разлагающая уроки сила, посредствомъ которой наука дѣлается полезною для обучаемаго. Посему утверждаю, что слово наставниковъ, обсуживающихъ и разбирающихъ уроки,

а тѣмъ дѣлающихъ для насъ ученіе удобопонятнымъ и полезнымъ, въ переносномъ смыслѣ называется зубами. Посему-то похвала зубамъ занимаетъ первое мѣсто, а потомъ уже воздается хвала устамъ. Ибо уста не украсились бы красотою слова, если бы эти зубы люботруднымъ уразумѣніемъ наукъ не вложили въ уста дара слова.

Итакъ въ разсужденіи зубовъ постигли мы эту причину порядка похвалъ; теперь время изслѣдовать и самую похвалу, а именно, что красота зубовъ уподоблена остриженнымъ стадамъ, которыя всѣ, едва только вышли изъ купѣли, равно восхищаются двойничными родами. Похвала же буквально читается такъ: *зубы твои яко стада остриженныхъ, яже изыдоша изъ купѣли, вся двояплодны, и неродящія ильсть въ нихъ*. Посему, если примемъ во вниманіе одно то, что въ примѣрѣ понимается тѣлесно, то незнаю, почему кто либо назоветъ служащимъ къ похвалѣ зубовъ это сравненіе ихъ съ многородящими стадами. Въ похвалу зубамъ ставится ихъ крѣпость и стройное положеніе, и то, что они твердо гладкимъ и стройнымъ рядомъ укоренены въ деснахъ. Какую же красоту зубовъ изображаютъ своимъ подобіемъ стада, выходящія изъ купѣли съ порожденіемъ двойней, и рассыпавшіяся по лѣсистымъ холмамъ, сего невозможно понять съ перваго взгляда. Зубы поставлены въ рядъ,

стройно касаясь другъ друга, а козы разсѣяны, отдѣляемая одна отъ другой потребностію въ пастбищѣ. Притомъ, такъ какъ зубъ по природѣ обнаженъ, то не идетъ съ нимъ и въ сравненіе, что поситъ на себѣ руно.

Посему должно изслѣдовать, почему украшающій похвалами стройность зубовъ сравниваетъ красоту ихъ съ двоенродными стадами, на которыхъ острижено руно и нечистота тѣла омыта въ купѣли. Поэтому чтоже примыслимъ въ объясненіе сего? Тѣ, которые божественныя тайны болѣе яснымъ истолкованіемъ дробятъ до того, что духовная сія пища дѣлается удобоприемлемою для тѣла Церкви, исправляютъ симъ должность зубовъ, приѣмая въ уста свои жесткій и плотно сложенный хлѣбъ слова, и подробнымъ обзорѣніемъ (б) дѣлая удобоснѣднымъ для душъ вкушающихъ. Такъ (ибо лучше мысль сію представить въ примѣрахъ) блаженный Павель, сперва просто, безъ приготовленія, какъ неприправленный какой кусокъ, предлагаетъ намъ заповѣдь изъ закона, говоря: *да не заградиши устенъ вола молотяща* (1 Кор. 9, 9.), потомъ, умягчивъ толкованіемъ, понятнымъ дѣлаетъ намѣреніе закона, говоря: *еда о волюхъ радитъ Богъ? Или насъ ради всяко написася* (10.)? Много и иныхъ подобныхъ сему мѣсть;

(б) Дополнено изъ рукописи.

напримѣръ: *Авраамъ два сына имѣ, единого отъ рабы, а другаго отъ свободныя* (Гал. 4, 22.). Вотъ хлѣбъ неприправленный! Но Апостоль, раздробляя его, нѣсколько удобоснѣднымъ дѣлаетъ для питаемыхъ, переноситъ сказаніе на два завѣта, одинъ рождающій въ рабство, другій освобождающій отъ рабства (24, 26.). Такъ и весь законъ (не будемъ длить времени, говоря о всемъ порознь), Апостоль, взявъ какъ дебелое какое тѣло, размягчаетъ своимъ на него взглядомъ, изъ плотскаго дѣлая его духовнымъ, и говоря: *вѣлы, яко законъъ духовенъъ есть* (Рим. 7. 14.). Посему, что примѣтили мы въ разсужденіи Павла, замѣняющаго собою для Церкви потребность (в) зубовъ тѣмъ, что до тонкости уясняетъ догматы: то скажемъ и о всякомъ, въ подражаніе Павлу, уясняющемъ намъ тайну. Посему зубами служатъ для Церкви тѣ, которые размягчаютъ и пережевываютъ для насъ неприправленные знаки божественныхъ словесъ. Какъ Божественный Апостоль изображаетъ жизнь желающихъ *добра дѣла епископства* (1 Тим. 3, 1.), перечисляя подробно, какимъ надлежитъ быть пріавшему на себя священство, а при всемъ томъ имѣть и даръ учительства: такъ и здѣсь Слово отъ поставленныхъ въ церкви на сіе служеніе—быть зубами,

---

(в) Въ рукописи читается: *χρῆσιν τῇ ἐκκλησίᾳ πληροῦντος.*

требуетъ, чтобы прежде всего были острижены, то есть обнажены отъ всякой вѣщественной тяготы, потомъ въ купѣли совѣсти омыты отъ всякой скверны плоти и духа, сверхъ же сего всегда восходили въ преспѣяніи, и никогда не увлекались обратно въ бездну, а напослѣдокъ, чтобы они во всякомъ видѣ добродѣтели восхищались двоеплодіемъ благихъ порожденій, и ни въ какомъ родѣ добрыхъ назначеній не были неродящими.

Двойной же приплодъ загадочно указываетъ на то, что заслуживаетъ одобреніе умопредставляемое въ насъ съ той и другой стороны, такъ что таковыя зубы двоенродны, рождая въ душѣ безстрастіе, а въ тѣлесной жизни благоприличіе. Къ сему Слово послѣдовательно присовокупляетъ похвалу, приличную устамъ, красоту ихъ уподобляя *верви червленной*, на что толкованіе приводитъ само Слово, назвавъ вервь красною бесѣдою. А сіе, какъ служеніемъ зубовъ красится красота въ устахъ, обозрѣно уже предварительно въ сказанномъ прежде; потому что въ служеніи зубовъ, то есть въ наставленіи учителей (г) глаголють уста Церкви. Потому сперва зубы остригаются и омываются, перестаютъ быть неродящими, но дѣлаются двосродными, и тогда уже уста

(г) Въ рукописи читается: τῶν διδασκάλων ἐψήγησι.

разцвѣтають червленостию, когда вся Церковь, по согласію въ добръ, бываетъ едиными устами и единымъ гласомъ. Представленіе же красоты двойко. Ибо Слово не просто только *вервию* называетъ уста, но присовокупляетъ и видъ доброцвѣтности, такъ что тѣмъ и другимъ украшаются уста Церкви, и подобіемъ верви и червленостию, съ каждой стороны особо. Ибо Церковь подобіемъ верви обучается единомыслию; такъ что вся дѣлается единою вервию и одною цѣнью, свитою изъ разныхъ понятій; а червленостию научается взирать на ту кровь, которую мы избавлены, и всегда имѣть въ устахъ исповѣданіе Искупившаго насъ кровію. Ибо тѣмъ и другимъ приводится въ полноту благолѣпіе во устахъ Церкви: и когда вѣра предозаряетъ исповѣданіе, и когда любовь сообъемлется вѣрою. И если представленіе сіе надлежитъ очертать какимъ либо опредѣленіемъ; то опредѣлимъ сказанное такъ: *червленая вервь есть вѣра любовію послѣшествуема* (Гал. 5, 6.), такъ что вѣрою обнаруживается червленость, а любовію истолковывается вервие. Что ими украшаются уста невѣсты, свидѣтельствууетъ истина. Сіе же: *бесѣда твоя красна*, не имѣетъ нужды въ какомъ либо болѣе подробномъ обзорѣнн или иномъ истолкованн. Ибо Апостоль предварительно объяснилъ, что бесѣда сія есть *глаголь вѣры, сложе проповѣдаемъ: аще исповѣси*

усты твоими Господа Иисуса, и вьруеши въ сердць твоемъ, яко Богъ Того воздвиже изъ мертвыхъ, спасешися. Сердцемъ бо вьруется въ правду, усты же исповьдуются во спасеніе (Рим. 10, 8—10.). Вотъ та красная бесѣда, которою уста церкви, подобно червеной верви, цвѣтуть благолѣпно!

Но Женихъ благоугождается при красотѣ усть и румянцѣ ланиты. А эту часть лица обычай по неправильному употребленію слова называетъ яблокомъ. Поэтому яблоко ланиты уподобляетъ Слово *оброшенію шипка* (д), похвалу ему написавъ буквально такъ: *яко оброшенія шипка ланиты твои, кроль замолчанія твоего*. Но что восхваляется стыдливость, не трудно всякому заключить изъ связи обзрѣваемаго. Ибо Слово, представивъ церковь тѣлесно въ видѣ невѣсты, и добродѣтели раздѣливъ на части соотвѣтственно изображенію красоты въ лицѣ, теперь, подъ видомъ румянца, цвѣтущаго на ланитахъ, приличнымъ образомъ хвалить цѣломудріе, украсивъ стыдливостію подъ загадочнымъ именемъ *шипка*; потому что плодъ сей кисель вкусомъ, и воспитывается подъ негодною въ пищу поверхностію. Потому хорошо и удачно въ этомъ обзрѣніи употребляется къ изображенію преспѣянія въ цѣло-

---

(д) Наружной кожѣ гранатоваго яблока.

мудрїи. Ибо какъ вяжущій вкусъ *оброшенїа шипка* питаетъ и сберегаетъ сладость заключающагося въ немъ шлода; такъ жизнь воздержная, суровая и изнуренная бываетъ стражемъ доброты цѣломудрїа. Но и здѣсь похвала сей добродѣтели дѣлается сугубою и за проявляемое ея жизнїю благообразїе, и за преспѣванїе въ душевномъ безстрастїи, чему, какъ говоритъ Апостоль, *похвала не отъ человекъ, но отъ Бога* (Рим. 2, 29.). Ибо стыдливость, проявляющаяся въ дѣлахъ, за то, что явно, имѣетъ свою похвалу; но похвала сія не касается умалчиваемыхъ и сокровенныхъ чудесъ, которыя усматриваются онымъ единымъ Окомъ, видящимъ тайное.

Изъ сказаннаго же послѣ сего дознаемъ, что все совершенное богоносными святыми служило нѣкимъ образцемъ и наставленїемъ для преспѣванїа въ добродѣтели. Супружества, переселенїа, войны, построенїа зданїй, все въ нѣкоторомъ смыслѣ предъизображено было въ назиданїе послѣдующей жизни. Ибо *сія*, говоритъ Апостоль, *писана быша въ наученїе наше, въ нїжеже концы вѣкъ достигоша* (1 Кор. 10, 11.). Война съ иноплеменниками внушаетъ намъ быть мужественными противъ порока. Раченїе о супружеской жизни загадочно предлагаетъ намъ сожителство съ добродѣтелями. А также и переселенїе предполагаетъ водворенїе въ добродѣтельную жизнь. И все тщанїе, какое

прилагалось ими о построении зданий, повелѣ-
 ваетъ прилагать попеченіе о нашихъ домахъ,
 созидаемыхъ добродѣтелию. Почему, кажется
 мнѣ, и тотъ знаменитый столпъ, въ которомъ
 Давидъ, имѣя въ виду преспѣваніе Церкви,
 положилъ самое лучшее изъ добычъ, прообра-
 зовалъ симъ дѣломъ имѣющихъ раченіе о до-
 бродѣтели. Хотя столпъ сей оказывается воз-
 двигнутымъ на высотѣ какой-то горы; одна-
 коже въ то время признанъ былъ пригоднымъ
 для храненія добычъ, какія царь, поработивъ
 иноплеменниковъ, съ прочими богатствами со-
 дѣлалъ собственнымъ своимъ достояніемъ. По-
 сему царь своєю мудростію показалъ, какое
 благо для человѣческой жизни имѣя въ виду,
 Давидъ построениемъ столпа какъ бы нѣкото-
 рый совѣтъ предложилъ послѣдующей жизни.
 Ибо примѣненіемъ къ чему либо и уподобле-
 ніемъ намѣреваясь восхвалить красоту каждаго
 изъ членовъ всего тѣла Церкви и по порядку
 описывая въ словѣ, какими должны быть тѣ,
 которые въ народѣ занимаютъ мѣсто выи,
 упоминаетъ о семъ столпѣ, которому придается
 имя Давидово, а извѣстенъ онъ также подъ
 именемъ укрѣпленій; потому что укрѣпленія
 называются *Θαλιόων*.

А буквально читается сіе такъ: *яко столпъ
 Давидовъ выи твоя, созданъ въ Θαλιόωνъ: ты-
 сяща щитовъ виситъ на немъ, вся стрѣлы силь-
 ныхъ*. Поэтому вещественное построение столпа

имѣеть знаменитость; потому что оно—дѣло царя Давида, занимаетъ видное мѣсто, и въ немъ сложены оружія, щиты и стрѣлы, которыхъ множество показываетъ слово наименованіемъ: *тысяща*. А наша цѣль уразумѣть силу божественнаго слова; почему столпу сему уподобляется та часть Церкви, которой имя—*выя*. Посему надлежитъ прежде изслѣдовать, какая часть въ нашемъ тѣлѣ называется симъ именемъ: *выя*, а потомъ приложить именованіе къ члену Церкви.

Итакъ что укоренено среди рамень, поддерживаетъ собою голову и служитъ основаніемъ лежащему выше, то называется выею; задъ ея подпертъ костями, а передъ свободенъ отъ костяной ограды. Да и кость по свойству своему не походитъ на такую, какая въ рукѣ или ногѣ, не какая либо сама съ собою сомкнутая и нераздѣльная, но самое соединеніе одной съ другою костей, во многихъ мѣстахъ раздѣленныхъ въ видѣ позвонковъ, производится посредствомъ приросшихъ къ нимъ мочекъ, мышцъ (е) и связокъ, и посредствомъ того мозжечка, который, наподобіе трубки, проходитъ по срединѣ, и котораго оболочка соединяется съ чувствилищною плевою, а содержимое ея—съ головнымъ мозгомъ. Спереди

(е) По рукописи: *μνδν*.

же выя содержитъ въ себѣ дыхательное горло, служащее пріемникомъ отвнѣ въ насъ втекающаго и вселяющагося воздуха, которымъ огонь въ предсердіи приводится въ естественную для него дѣятельность; она содержитъ въ себѣ также проходы для пищи, между тѣмъ какъ все вошедшее устами гортань и горло препровождаетъ въ пріемлющую это пустоту. Но выя имѣетъ и иное цѣлое преимущество предъ прочими членами. По положенію дыхательнаго горла вверху есть въ немъ мѣсто для выработыванія голоса, гдѣ уготованы всѣ голосовыя орудія, отъ которыхъ поражается звукъ, когда дыхательное горло сообщаемымъ ему воздухомъ приводится въ круговое сотрясеніе.

Такъ, по описаніи тѣлеснаго нашего члена, не трудно будетъ изъ обозрѣннаго уже здѣсь уразумѣть выю и тѣла церкви, именно же, кто въ собственномъ смыслѣ по соотвѣтственнымъ тому дѣйствованіямъ, пріемлетъ на себя это имя, называется выею и унодобляется столпу Давидову? Посему во первыхъ (а это и есть самое первое), если кто носитъ на себѣ истинную главу всего, разумѣю ту главу, которая есть Христось, *изъ Него же все тѣло. составляемо и сшииваемо* (Еф. 4, 16.); то онъ въ собственномъ смыслѣ носитъ на себѣ имя сіе. А сверхъ того онъ—выя, если способенъ принять въ себя Духа, возгрѣвающаго и дѣлающаго огне-

подобнымъ сердце наше, и если благозвучнымъ гласомъ служитъ Слово; потому что Богъ не для ипаго чего въ естествѣ человѣческомъ устроилъ голосъ, какъ для того чтобы стать ему орудіемъ слова, изглашающимъ движенія сердца. Но выя сія пусть имѣеть и питательную дѣятельность, разумѣю ученіе, которымъ соблюдается сила всего тѣла церкви; потому что, пока притекаетъ пища, тѣло остается въ бытіи; а при недостаткѣ въ пищу оно гибнетъ и разрушается. Да подражаетъ же и стройному положенію позвонковъ, чтобы изъ тѣхъ, которые въ народѣ составляютъ изъ себя каждый пѣчто особое, союзомъ мира содѣлать одинъ членъ, и преклоняемый, и возставляемый, и удобно обращаемый въ ту и другую сторону. Такою выею былъ Павелъ, и если кто другой, подражая ему, преуспѣлъ въ жизни. Содѣлавшись сосудомъ избраннымъ для Владыки, носилъ онъ имя Господа; въ такой точности соединена была съ нимъ Глава всяческихъ, что, если изглаголамъ что, то не онъ уже былъ глаголющимъ, но все это вѣщала его Глава, какъ Коринѣянамъ указывалъ онъ на *глаголющаго* и вѣщающаго въ немъ Христа (2 Кор. 13, 3.). Такъ доброгласно и благозвучно было у него орудіе дыханія, Духомъ Святымъ изглашающее слово истины! Такъ гортань его услаждалась всегда божественными словесами, изъ себя питая все тѣло животворными оными

ученіями! А если спросишь и о позвонкахъ, кто соединялъ такъ всѣхъ въ единое тѣло союзомъ мира и любви? Кто научилъ такъ выю преклоняться, занимаясь неважнымъ, и опять выпрямляться (ж), мудрствуя горняя, проворно и свободно смотрѣть по сторонамъ, уклоняясь и обезопасивая себя отъ различныхъ дѣвольскихъ козней?

Посему такая выя дѣйствительно зиждется Давидомъ. Подъ Давидомъ же разумѣй Царя, Отца царева, который первоначально уготовалъ челоуѣка къ тому, чтобы ему быть столпомъ, а не развалиною, и снова возсоздалъ его благодатию, обезопасивъ многими щитами, такъ что недоступенъ онъ болше пашествіямъ вражескимъ; потому что повѣшенные щиты видимы не на землѣ лежащими, но окружающими его на воздухѣ, а со щитами и стрѣлы сильныхъ приводятъ въ страхъ непріятелей, такъ что не рѣшаются начать приступъ къ столпу. Думаю же, что множествомъ щитовъ означается намъ ангельская стража, вокругъ остѣняющая таковій столпъ. Да и упоминаніе о стрѣлахъ указываетъ на подобную мысль. Ибо Слово не просто сказало: стрѣлы, но присовокупленіемъ слова: *сильныхъ* дало намъ ви-

---

(ж) По рукописи читается: *ἐν τῷ τοῖς ταπεινοῖς συμπιρριφέρουθαι, καὶ ἀνορθοῦσθαι πάλιν* и пр.

дѣть преобладающихъ; такъ что сказанное согласно съ изреченіемъ псалмопѣнія (з): *ополчится Ангелъ Господень окрестъ боящихся Его, и избавитъ ихъ* (Пса. 33, 8.). Число же: *тысяща*, кажется мнѣ, въ точности не означаетъ десяти сотенъ; но взято въ словѣ въ показаніе множества. Ибо, по принятому словоупотребленію, Писанію обычно числомъ симъ показывать множество, какъ Давидъ вмѣсто множества говоритъ: *тысяща гобзующихъ* (Псал. 67, 18.), и: *паче тысящъ злата и сребра* (Пса. 118, 72.).

Такъ поняли мы вышю, утвержденную на раменахъ. А подъ раменами, на которыхъ вышя, разумѣемъ усильнныя старанія о дѣятельной жизни, при которыхъ мышцы наши содѣвають себѣ спасеніе. Возрастаніе же въ бѣольшую мѣру души, вышящейся по Богу, безъ сомнѣнія, усмотрѣлъ тотъ, кто внимательно слѣдилъ за тѣмъ, что было сказано: потому что прежде пріятно было для невѣсты уподобляться конямъ, преоборовшимъ египетскаго мучителя, и благомѣпіемъ вышя походить на монасты; теперь же о какомъ совершенствѣ ея въ добрѣ свидѣтельствуеть Женихъ; потому что красоту вышя не съ какими либо монастами на шеѣ сравниваетъ, но по величію называетъ стол-

---

(з) Дополнено по рукописи.

помъ, который, если смотреть на него вдали стоящіе, дѣлаетъ виднымъ пышность не только зданія, съ какою возведено оно до весьма большой высоты, но и положеніе мѣста естественно возвышающагося надъ сосѣдними мѣстами? Посему, когда столпъ былъ дѣломъ царя, и достигъ високаго житія, тогда на немъ оказывается истиннымъ сказанное Господомъ: *не можетъ градъ укрытися, верху горы стоя* (Матѳ. 5, 14.). Ты же вмѣсто града разумѣй столпъ.

Время приступить къ уразумѣнію, что значать эти два юнца серны, которые помѣщаются близъ сердца невѣсты, и названы въ словѣ сосцами, какъ сказано: *два сосца твоя яко два млада близнца серны, пасома въ кринахъ*; потому что положеніе сердца находится между сими двумя юнцами, для которыхъ кормомъ служить не сѣно и терніе, но крины, во все время пастбища предлагающіе свой цвѣтъ и не на время только цвѣтущіе, а въ другое время увядающіе, но долго симъ юнцамъ доставляющіе собою пищу, пока (и) не перестанутъ превозмогать тѣни вождельнаго обольщенія жизни; пока повсюду не возсіяетъ уже свѣтъ, а все озарится днемъ, разливающимъ свѣтъ, куда хочетъ. Ибо такъ продол-

---

(и) По рукописи: ζωσ.

жаетъ слово: *дондеже дхнетъ день, и подвижутся сны*. Конечно же, научившись изъ евангелія, знаешь, что Святый Духъ тѣмъ самымъ, что *дышетъ, идъже хочетъ*, производитъ свѣтъ въ извѣдывающихъ, *откуда приходитъ, и како идетъ* (Іоан. 3, 8.); о чемъ теперь слово выражается такъ: *два сосца твоя яко два млада близница серны, пасолая въ кринахъ, дондеже дхнетъ день, и подвижутся сны*. А что днемъ пазывается Духъ Святый, дышущій свѣтомъ для тѣхъ, въ комъ пребываетъ, въ этомъ, не думаю, чтобы, вопреки слову, усумнился кто либо изъ имѣющихъ умъ. Ибо, если рожденные отъ Духа дѣлаются сынами свѣта и сынами дня, то чѣмъ инымъ надлежитъ представить себѣ Духъ Святый, какъ не свѣтомъ и днемъ, дыханіе котораго заставляеть бѣжать тѣни суетности? Вполнѣ же необходимо при появленіи солнца не оставаться тѣнямъ, но удаляться и перемѣнять мѣсто.

Но благовременно будеть къ изслѣдованію слова присовокупить и тайпу о двухъ юнцахъ серны, которые рождены близнецами, и которымъ пищею служить кринь, а мѣстомъ пажити—земля добрая и тучная, по слову же Господней притчи, самое сердце (Матѹ. 13, 19. 23.). Пасущіеся на ней, и собирающіе съ ней цвѣты чистыхъ помысловъ тучнѣють; цвѣтъ же кринь по природѣ имѣеть двойкій даръ

благоуханія соединеннаго съ доброцвѣтностію; почему тѣмъ и другимъ бываетъ пріятенъ для собирающихъ, будутъ ли подводить его подъ чувство обонянія, или наслаждать очи изяществомъ красоты. Ибо обоняніе исполняется Христова благоуханія, а наружнымъ видомъ показываются чистота и неоскверненность.

Посему сказаннымъ, можетъ быть, объясняется уже намъ подразумѣваемое словомъ, а именно, что, при подробномъ обозрѣніи двоякаго человѣка, одного тѣлеснаго и видимаго, а другаго духовнаго и невидимаго, по рожденію обоихъ находимъ близнецами, потому что вмѣстѣ другъ съ другомъ вступаютъ въ жизнь; ни душа не существуетъ прежде тѣла, ни тѣло не готовится прежде души; напротивъ же того одновременно появляются въ жизни; а также и нищею имъ по естеству служатъ чистота, благоуханіе и все сему подобное, чѣмъ плодоносны добродѣтели; но инымъ вмѣсто питательнаго бываетъ иногда вождѣльно вредоносное, и они не питаются цвѣтами добродѣтели, но услаждаются терніями и волчцами, чѣмъ, какъ слышимъ, евангельская притча именуетъ грѣхи, злое прозябеніе которыхъ произвело злоумышленіе (i) змія. Итакъ, поелику потребны очи, умѣющія различать, способныя въ точности распознать

(i) По рукописи: *η επιβουλή*.

кринь и терніе, и выбрать спасительное, и отринуть вредоносное; то посему содѣлавшагося подобнымъ великому Павлу сосцемъ для младенцевъ, млекопитателемъ новорожденныхъ въ церкви, слово наименовало двумя сосцами, уподобляемыми вмѣстѣ другъ съ другомъ рожденнымъ юнцамъ серны, всѣмъ свидѣтельствуя о благоискусствѣ такового члена Церкви, потому что тѣмъ и другимъ способомъ успѣшно изводится на пажить чистыхъ криновъ, зорко отличая терніе отъ питательнаго, и потому что держится владычественнаго въ душѣ, наименованіемъ котораго служить сердце, питающее (к) собою сосцы, сверхъ сего и потому еще, что не въ себѣ замыкаетъ благодать, но имѣющимъ нужду въ словѣ даетъ сосцы, *якоже доулица ирлетъ своя чада*, какъ дѣлалъ и говоритъ Апостоль (1 Сол. 2, 7.).

Но доселѣ (л) Слово, продолжая похвалу членамъ церкви, въ послѣдующемъ восписываетъ хвалу цѣлому ея тѣлу, когда *смертію упряднитъ илиццаго державу смерти* (Евр. 2, 14.) и снова возведетъ Себя въ собственную свою славу Божества, которую имѣло изъ начала, *прежде міръ не бысть* (Іоан. 17, 5.). Ибо сказавъ: *пойду Себѣ къ горѣ смирній, и къ холму Ливанску*, и тѣмъ указавъ на славу Божества,

(к) По рукописи: *επιτρέφουσα*.

(л) По рукописи: *μεχρι τουτουν*.

присовокупило: *вся добра еси ближняя Моя, и порока нльсть въ тебь*, научая сказаннымъ, во первыхъ, что никтоже *возметъ душу Его* отъ Него, но *область имѣеть положити ю, и область имѣеть паки пріяти ю* (Іоан. 10, 18.), пошедши Себѣ на гору смиренскую, не нашихъ ради заслугъ (никто да не хвалится!), но по собственной Своей благодати, пріавъ смерть за грѣшниковъ; а потомъ, что естеству чело-вѣческому невозможно было иначе очиститься отъ порока, какъ только когда *Анецъ вземляй рѣхи міра* (Іоан. 1, 29.) Собою уничтожилъ всякую порочность. Посему сказавъ: *вся добра еси блжняя Моя, и порока нльсть въ тебь* и продолжая рѣчь о таинствѣ страданія загадочнымъ намекомъ о смириѣ, потомъ упомянувъ о ливанѣ, которымъ указываетъ Божество, тѣмъ самымъ научаешь насъ, что причащающійся съ Нимъ смурны, безъ сомнѣнія, пріобщится и ливана. Ибо кто съ Нимъ страждетъ, тотъ безъ сомнѣнія съ Нимъ и прославляется. А кто однажды былъ въ божественной славѣ, тотъ всецѣло прекрасенъ, ставъ внѣ сопротивнаго порока, отъ котораго да будемъ далеки и мы ради за насъ умершаго и воскресшаго Христа Иисуса, Господа нашего. Ему подобаешь слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

О П Е Ч А Т К И.

Напечатано:

Должно читать:

СТРАН. СТРОК.

35	4	сн. сподобились по благодати	сподобились испытывать
		испытывать	
—	6	— Духа, Котораго	Духа, по благодати Котораго
43	11	— Хотя когда кто	Хотя кто
62	2	св. <i>народъ</i>	<i>нардъ.</i>
68	5	— не безвѣстно	не безизвѣстно
92	8	сн. у него	у нея
96	6	— притокомъ	притокамъ
160	11	св. съ этого	съ этою
175	7	сн. и въ признаніи	въ признаніи
184	11	св. чуждое	чудное
197	13	— которую	которою
198	9	— румянцѣ	румянцемъ
206	2	— пышность не только	не пышность только
216	13	— наслажденіемъ	наслажденіе
257	7	— потому что	потому что
268	4	сн. въ Божественное;	въ Божественномъ;
294	11	св. благопріятный—съ цѣлю	благопріятный, согласный съ цѣлю
321	9	— <i>твоя.</i>	<i>твоя,</i>
334	3	— къ совершенству души ,	къ совершенству, души дѣвы
		дѣвы	
387	8	сн. <i>Твоего</i>	<i>Твоею</i>
398	14	— какъ бы вырываясь	какъ бы

СО ДЕРЖАНІЕ

ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАГО ТОМА

ТВОРЕНІЙ СВ. ОТЦЕВЪ.

ТВОРЕНІЯ СВ. ГРИГОРІЯ НИССКАГО.

(часть III.)

	страниц.
Точное изъясненіе Пѣсни пѣсней Соломона. . . .	1—408
